

64(5) 2021

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ФН

**RUSSIAN JOURNAL OF
PHILOSOPHICAL SCIENCES**

- ◆ *КУЗНИЦА ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ*
- ◆ *ОПЛОТ КУЛЬТУРЫ*
- ◆ *ЧЕЛОВЕКООРИЕНТИРОВАННЫЙ КОНТЕНТ*
- ◆ *ДИАЛОГИЧНОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ*
- ◆ *СОЦИОТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ*
- ◆ *КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ «МОСТЫ»*
- ◆ *СОЦИАЛЬНЫЙ ТРАНЗИТ*
- ◆ *ИМПЕРАТИВ ГУМАНИЗМА*

МОСКВА
ГУМАНИТАРИЙ

MOSCOW
HUMANIST PUBLISHING HOUSE

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Том 64. № 5/2021

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года. Выходит ежемесячно

Журнал включен в «Реферативный журнал» и в базы данных
**ВИНИТИ РАН, Российский индекс научного цитирования,
EBSCO Academic Complete Search, The Philosopher's Index.**

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям
«Ulrich's Periodicals Directory»

DOI: 10.30727/0235-1188

Москва
Гуманитарий

Международная редакционная коллегия

Председатель международной редакционной коллегии **Гусейнов А.А.**

Амилеби С.А., д.филос., проф. Ун-та Джорджа Вашингтона (США);
Бараш Дж.Э., д.филос., проф. Ун-та Пикардии им. Ж. Верна (Франция);
Брес И., проф., гл. ред. «Revue philosophique de la France et de l'étranger» (Франция);
Даллмайр Ф.Р., д.филос., проф. Ун-та Нотр-Дам (США); **Дени М.**, д.филос., проф., координатор отношений и международных проектов с Россией и странами Восточной Европы Ун-та Бордо им. Монтеня (Франция); **Майнцер К.**, проф. Мюнхенского технического университета, научный директор Академии им. Карла фон Линде (Германия); **Тиханов Г.**, д.филос., зав. кафедрой сравнительного литературоведения Лондонского ун-та Королевы Марии (Великобритания); **Чжан Байчунь**, проф. Пекинского педагогического университета (Китай); **Штольценберг Ю.**, д.филос., проф. Ун-та Галле-Виттенберга им. М. Лютера (Германия); **Эпштейн М.**, проф. Ун-та Эмори (США), директор Центра обновления гуманитарных наук Даремского ун-та (Великобритания); **Эспехо Р.**, д.филос., президент Международной организации систем и кибернетики (Великобритания), приглашенный проф. Ун-та Сантьяго (Чили).

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии **Смирнов А.В.**

Автономова Н.С., ак. Академии гуманитарных исследований (АГИ), д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Алексеев П.В.**, д.филос.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Апресян Р.Г.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. сектором ИФ РАН; **Аршинов В.И.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Блауберг И.И.**, д.филос.н., в.н.с. ИФ РАН; **Вдовина И.С.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Водолазов Г.Г.**, ак. Академии политической науки (АПН), вице-президент АПН, проф. МГИМО (У); **Губин В.Д.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. кафедрой истории зарубежной философии РГГУ; **Гусейнов А.А.**, ак. РАН, научный руководитель ИФ РАН; **Давыдов А.П.**, д.культурологии, гл.н.с. ИС РАН; **Доброхотов А.Л.**, ак. АГИ, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ; **Дубровский Д.И.**, д.филос.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Журавлев А.Л.**, ак. РАН, научный руководитель ИП РАН; **Кашников Б.Н.**, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ; **Клюев А.С.**, д.филос.н., проф. РГПУ им. А.И. Герцена; **Лепский В.Е.**, д.психол.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Михайлов И.А.**, к.филос.н., с.н.с. ИФ РАН; **Мотрошилова Н.В.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Пантин В.И.**, ак. АПН, зав. отделом ИМЭМО РАН; **Пивоваров Ю.С.**, ак. РАН, научный руководитель ИНИОН РАН; **Порус В.Н.**, д.филос.н., руководитель Школы философии фак-та гум. наук НИУ ВШЭ; **Розин В.М.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Рябов В.В.**, чл.-кор. РАО, президент МГПУ; **Северикова Н.М.**, к.филос.н., заслуж.н.с. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Сиземская И.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Смирнов А.В.**, ак. РАН, академик-секретарь Отделения общественных наук РАН, директор ИФ РАН; **Смолин О.Н.**, ак. РАО, 1-й зам. пред. комитета ГД ФС РФ по образованию и науке; **Степанянц М.Т.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. кафедрой ЮНЕСКО ИФ РАН; **Тульчинский Г.Л.**, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ (СПб); **Турбовской Я.С.**, д.пед.н., председатель Координационного совета Института стратегии развития образования РАО; **Федотова В.Г.**, ак. РАЕН, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Черниговская Т.В.**, чл.-корр. РАО, д.б.н., д.ф.н., проф., зав. кафедрой СПбГУ; **Шевченко В.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН.

Редакция:

Главный редактор **Дубровский Д.И.**

Научный редактор **Винник Д.В.**

Редактор отдела культурологии и религиозоведения **Дуркин Р.А.**

Литературный редактор **Тукузова Т.М.**

Верстка: **Топилина В.М.**

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.info>

Шеф-редактор **Мариносян Х.Э.**

THE MINISTRY OF SCIENCE
AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION

ACADEMY FOR
RESEARCH INTO
THE HUMANITIES

ФН

RUSSIAN JOURNAL OF
PHILOSOPHICAL SCIENCES
(FILOSOFSKIE NAUKI)

Vol. 64. No. 5/2021

Scientific and Educational Journal
Published since the Year 1958. Issued Monthly

The journal is listed in the *Abstracts Journal* and **databases of the VINITI** (All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences), **Russian Index of Science Citation, EBSCO Academic Complete Search, The Philosopher's Index.**

The information about the journal is published annually
in the international information system on serial publications
Ulrich's Periodicals Directory

DOI: 10.30727/0235-1188

Moscow
Humanist Publishing House

International Editorial Board:

Chairman of the International Editorial Board **Guseinov A.A.**

Barash J.A., Dr., Prof., Jules Verne University of Picardy (France); **Brès Y.**, Dr., Prof. em., Paris Diderot University – Paris 7, Editor-in-Chief of the *Revue philosophique de la France et de l'étranger* (France); **Dallmayr F.R.**, Ph.D., Packey J. Dee Professor at the University of Notre Dame (USA); **Dennes M.**, Dr., Prof., coordinator of relations and international projects with Russia and other Eastern European countries, Montaigne Bordeaux 3 University (France); **Epstein M.**, Ph.D., S.C. Dobbs Prof. at Emory University (USA), Director of the Centre for Humanities Innovation at Durham University (UK); **Espejo R.**, Ph.D., President of the World Organisation of Systems and Cybernetics (UK), Visiting Prof. at the University of Santiago (Chile); **Mainzer K.**, Dr., Prof. em., Technical University of Munich (Germany); **Stolzenberg J.**, Dr., Prof. em., Martin Luther University of Halle-Wittenberg (Germany); **Tihanov G.**, Ph.D., George Steiner Professor of Comparative Literature at Queen Mary University of London (UK); **Umpleby S.A.**, Ph.D., Prof., The George Washington University (USA); **Zhang Baichun**, Prof., Beijing Normal University (China).

Editorial Board:

Chairman of the Editorial Board **Smirnov A.V.**

Alexeev P.V., D.Sc., Prof., Lomonosov Moscow State University (MSU); **Apressyan R.G.**, D.Sc., Head of the Department, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (IPhRAS); **Arshinov V.I.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Avtonomova N.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Blauberger I.I.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Chernigovskaya T.V.**, RAE Corr Memb., D.Sc., Prof., Head of the Department at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Davydov A.P.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., Institute of Sociology of the RAS; **Dobrohotov A.L.**, D.Sc., Prof., National Research University Higher School of Economics (NRU HSE); **Dubrovsky D.I.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Fedotova V.G.**, RANS Full Memb., Prin.Res.Fell., IPhRAS, Ph.D.; **Gubin V.D.**, D.Sc., Head of the Department of the History of Foreign Philosophy at the Russian State University for the Humanities; **Guseynov A.A.**, RAS Full Memb., Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Kashnikov B.N.**, D.Sc., Prof., NRU HSE; **Klujev A.S.**, D.Sc., Prof., Herzen University; **Lepskiy V.E.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Mikhaylov I.A.**, Ph.D., Sen.Res.Fell., IPhRAS; **Motroshilova N.V.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Pantín V.I.**, Academy of Political Sciences (Russia) Full Memb., Head of the Department at the Institute of World Economy and International Relations of the RAS; **Pivovarov Yu.S.**, RAS Full Memb., Scientific Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS; **Porus V.N.**, D.Sc., Head of the Department at the NRU HSE; **Rozin V.M.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Ryabov V.V.**, RAE Corr. Memb., President of the Moscow City Teacher Training University; **Severikova N.M.**, Ph.D., Honour.Res.Fell., Faculty of Philosophy, MSU; **Shevchenko V.N.**, D.Sc., Prin.Res. Fell., IPhRAS; **Sizemskaya I.N.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Smirnov A.V.**, RAS Full Memb., Academician-Secretary of the Department of Social Sciences of the RAS, Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Smolin O.N.**, RAE Corr. Memb., First Deputy Chairman of the Russian State Duma Committee for Education; **Stepanyants M.T.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., UNESCO Chairholder at the IPhRAS; **Tulchinskii G.L.**, D.Sc., Prof., NRU HSE (St. Petersburg); **Turbovskoy Ya.S.**, D.Sc., Chairperson of the Coordination Council at the Institute for the Theory and History of Pedagogy of the RAE; **Vdovina I.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Vodolazov G.G.**, APS Full Memb., Vice President of the Academy of Political Sciences (APS), Prof., Moscow State Institute of International Relations; **Zhuravlev A.L.**, RAS Full Memb., Chief Scientific Officer of the Institute of Psychology of the RAS.

Editorial Staff:

Main Editor Dubrovsky D.I.

Scientific Editor Vinnik D.V.

Cultural and Religious Studies Department's Editor Durkin R.A.

Literary editor Tukuzova T.M.

Page Layout: Topilina V.M.

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.info>

Editor-in-Chief Marinosyan Kh.E.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ: ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

100 лет БГУ: становление, развитие, перспективы ■

<i>Х.Э. МАРИНОСЯН</i>	Традиции и перспективы классического университета в современном мире	7
<i>А.Д. КОРОЛЬ (Минск, Беларусь)</i>	БГУ – ресурс личностного роста и успешности в профессии	10
<i>О.А. ЯНОВСКИЙ (Минск, Беларусь)</i>	Становление белорусского университета как национально-государственный проект	13
<i>А.Н. ДАНИЛОВ (Минск, Беларусь)</i>	Университетская социология: истоки и философия развития	31

Культурные трансформации и социальные технологии XXI века ■

<i>А.Д. КОРОЛЬ (Минск, Беларусь)</i>	Антропологический кризис в социальных реалиях XXI столетия	45
<i>С.В. АБЛАМЕЙКО (Минск, Беларусь), М.С. АБЛАМЕЙКО (Минск, Беларусь)</i>	Искусственный интеллект в междисциплинарной перспективе: философско-правовые аспекты	57
<i>Д.Г. ДОБРОРОДНИЙ (Минск, Беларусь), В.А. БЕЛОКРЫЛОВА (Минск, Беларусь)</i>	Конвергенция информационных и социальных технологий в цифровую эпоху	71

Философия науки в поисках трансдисциплинарного синтеза ■

<i>А.И. ЗЕЛЕНКОВ (Минск, Беларусь)</i>	Наука как ценность в обществе риска	93
<i>В.В. АНОХИНА (Минск, Беларусь)</i>	Трансдисциплинарный статус теории экологической модернизации и ее роль в развитии инвайронментальной парадигмы	112
<i>Н.К. КИСЕЛЬ (Минск, Беларусь)</i>	Постакадемический тренд в эволюции современного методологического сознания	128
<i>О. V. NOVIKOVA (Minsk, Belarus) {О.В. НОВИКОВА (Минск, Беларусь)}</i>	The Phenomenon of Racism and the Concept of Race: A Transdisciplinary Research Феномен расизма и концепт расизма: опыт трансдисциплинарного исследования}	140

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение к размышлению ■

<i>М.Ф. ШУМЕЙКО (Минск, Беларусь)</i>	Книжные издания к 100-летию юбилею Белорусского государственного университета	151
---------------------------------------	---	-----

CONTENTS

HUMANITARIAN KNOWLEDGE IN MODERN BELARUS: A PHILOSOPHICAL REFLECTION

100th Anniversary of Belarusian State University: Formation, Development, Prospects ■

<i>Kh.E. MARINOSYAN</i>	Traditions and Prospects of the Classical University in the Contemporary World	7
<i>A.D. KOROL (Minsk, Belarus)</i>	Belarusian State University: A Resource of Personal Growth and Professional Success	10
<i>O.A. YANOVSKY (Minsk, Belarus)</i>	Formation of the Belarusian University as a National and State Project	13
<i>A.N. DANILOV (Minsk, Belarus)</i>	Sociology at the Belarusian State University: Origins and Philosophy of Development	31

Cultural Transformations and Social Technology in the 21st Century ■

<i>A.D. KOROL (Minsk, Belarus)</i>	Anthropological Crisis in the Social Realities of the 21 st Century	45
<i>S.V. ABLAMEYKO, M.S. ABLAMEYKO (Minsk, Belarus)</i>	Artificial Intelligence from an Interdisciplinary Perspective: Philosophical and Legal Aspects	57
<i>D.G. DABRARODNI, V.A. BELAKRYLAVA (Minsk, Belarus)</i>	Convergence of Information and Social Technologies in the Digital Age	71

Philosophy of Science in the Quest for Transdisciplinary Synthesis ■

<i>A.I. ZELENKOV (Minsk, Belarus)</i>	Science as a Value of Risk Society	93
<i>V.V. ANOHINA (Minsk, Belarus)</i>	Transdisciplinary Status of the Ecological Modernization Theory and Its Role in the Development of Environmental Paradigm	112
<i>N.K. KISEL (Minsk, Belarus)</i>	The Post-Academic Trend in the Evolution of Methodological Consciousness	128
<i>O.V. NOVIKOVA (Minsk, Belarus)</i>	The Phenomenon of Racism and the Concept of Race: A Transdisciplinary Research	140

SCIENTIFIC LIFE

The Invitation to Reflection ■

<i>M.F. SHUMEYKO (Minsk, Belarus)</i>	Book Projects on the 100 th Anniversary of Belarusian State University	151
---------------------------------------	---	-----

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ: ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

100 лет БГУ:
становление, развитие, перспективы

От редакции
Editorial

Традиции и перспективы классического университета в современном мире

В октябре 2021 года Белорусский государственный университет отмечает свой вековой юбилей. На протяжении этих лет он был и остается флагманом высшего образования Беларуси. И по настоящее время БГУ является ведущим научным, образовательным, просветительским и культурным центром страны!

Белорусский университет во многом определяет национальный облик современной суверенной Беларуси и достойно представляет ее в мировом образовательном и научном пространстве. Вся столетняя история университета представляет собой яркий путь развития науки и высшего образования Беларуси. Из числа выпускников университета сформировалась первая плеяда белорусской научной и технической интеллигенции, учительства и работников народного хозяйства, здравоохранения и сферы культуры, средств массовой информации и органов государственного управления.

Историческая миссия БГУ – быть колыбелью университетского образования и фундаментальной науки в Беларуси. Университетом стала прорасти государственность, слава и могущество земли белорусской. За первый век своего существования, выдержав все испытания, выпавшие на долю страны, университет сохранил в своих стенах традиции гуманизма, креативности, уникальную интеллектуальную среду, в которой формируется творческая и научная элита Беларуси, ее настоящее и будущее. Университет открыл целую плеяду ярких личностей, обогативших отечественную и мировую науку и технику, образование и культуру своими выдающимися достижениями.

После обретения суверенитета в 1991 году Республика Беларусь с новой силой продолжает свое самостоятельное развитие, активно продвигается в рамках Союзного государства, развивая и всяческие поддерживая интеграционные устремления двух братских народов.

В данном номере мы хотели бы представить широкой общественности историю и философию развития основной кузницы интеллектуалов Беларуси, белорусской национальной элиты, показать ее трудное становление, развитие, привести все это в качестве примера реального единства преподавателей, ученых и студентов двух стран, интеграции научного и образовательного пространства.

Философское осмысление истории и актуальных проблем развития классического университета, исследование становления белорусского университета как национально-государственного проекта, сотрудничества философов БГУ, Белоруссии и России, раскрытие широкого спектра новых тенденций в изучении философии и методологии науки, культурной трансформации, образовательных и социальных технологий, которые представляют авторы белорусского номера нашего журнала, бесспорно, вызовет заинтересованный отклик у наших читателей.

Следует отметить, что наш журнал давно и тесно сотрудничает с учеными и преподавателями Белорусского государственного университета. Большой вклад в развитие нашего сотрудничества внес выпускник БГУ, выдающийся философ, ученый, педагог, организатор науки и образования современности, председатель редакционной коллегии журнала «Философские науки», академик РАН Вячеслав Семенович Стёпин. Светлая память о нем всегда будет жить в наших сердцах. Белорусские коллеги – частые и желанные гости на страницах нашего издания, где происходят интересные дискуссии по самым актуальным проблемам современности, обсуждение путей дальнейшего развития цивилизационных моделей и возможных перспектив человечества, презентации новых книг российских и белорусских ученых, освещение научных конференций и круглых столов. Это сотрудничество, выраженное в постоянном творческом и межличностном общении, позволило

издать два номера журнала «Философские науки» (2016. № 7; 2020. № 10), подготовленных по исследованиям белорусских ученых, которые были с интересом встречены коллегами во всех субъектах Российской Федерации и в зарубежных странах, в которых распространяется журнал.

В истории всегда так было и есть: будущее принадлежит молодым людям, которые сегодня находятся в студенческих аудиториях, работают в лабораториях, ведут поиск в социальных сетях, создают свои первые научные проекты, занимают активную жизненную позицию. Насколько они готовы ответить на новые вызовы и риски? Время покажет, впитали ли они исторический опыт своих предшественников, своего народа, станут ли продолжателями его славных традиций, ценностей и идеалов. Оптимизм внушает пример поистине подвижнического служения своему долгу преподавателей, ученых, сотрудников, всего коллектива Белорусского государственного университета, который достойно встречает свой вековой юбилей.

Поздравляем наших белорусских коллег со 100-летним юбилеем ведущего в стране высшего учебного заведения – Белорусского государственного университета!

Редколлегия и редакция журнала «Философские науки» от всего сердца желают родному Белорусскому государственному университету новых научных достижений, ярких творческих побед, благополучия и вечного процветания на пути к новым и новым юбилеям!

*Шеф-редактор журнала «Философские науки»,
президент Академии гуманитарных исследований
Х.Э. МАРИНОСЯН*

Приветственное слово
Welcome address

БГУ – ресурс личностного роста и успешности в профессии

Данный номер журнала «Философские науки» посвящен 100-летию Белорусского государственного университета – первого классического университета Беларуси, который стал за вековой рубеж одним из авторитетнейших высших учебных заведений на постсоветском и мировом пространстве. Сегодня БГУ входит в число топовых вузов, разделяя позиции с 1 % лучших.

В далеком 1921 году БГУ был единственным университетом, которому пришлось практически с нуля формировать национальную университетскую систему, закладывать научный фундамент, а главное – непрерывно участвовать в становлении белорусского государства. Его первоосновой исторически были определены образование и наука. Именно поэтому вслед за провозглашением в 1919 году Советской Социалистической Республики Белоруссия высшим законодательным органом новой страны принято решение о создании Белорусского государственного университета. Особенностью его гуманитарной миссии по созданию интеллектуального ядра Беларуси является диалог с философскими идеями и школами других культур и традиций. К истокам БГУ восходит история многих современных белорусских вузов, известных научных школ в области естественных и гуманитарных наук, в том числе и философской – основы любого классического университета. К числу первых факультетов БГУ относится факультет общественных наук, где осуществляли подготовку студентов по философии, социологии и другим гуманитарным дисциплинам. С тех пор философия входит во все образовательные программы учебного процесса, при этом не только БГУ.

Наш университет – единственный в Беларуси вуз по подготовке профессионалов в области философско-гуманитарного знания. Их обучение ведется на всех ступенях, от бакалавриата до докторантуры. За столетний период в истории БГУ выпускниками стали более 2 500 философов, в разное время

представляющих философскую мысль во многих сферах духовно-мировоззренческой индустрии на каждом континенте планеты. Среди них – Вячеслав Стёпин, Дмитрий Широканов, Евгений Бабосов, Анатолий Зеленков и многие другие.

БГУ как классическому университету отведена огромная роль в развитии современного общества, поиске решений на глобальные проблемы цивилизаций Нового времени. А ответ практически на все вызовы начинается с образования, необходимого для нахождения истины при сопоставлении мировоззренческих взглядов и подходов, необходимого для понимания смыслов разных культур. Поэтому в разрезе философских ценностей образование имеет концептуальное значение.

Сегодня для всего человечества одной из главных проблем является умение слышать и слушать друг друга. Человек плохо слышит других, потому что не слышит себя. Ускоряющийся ритм жизни приводит к потере внутреннего пространства и смыслов у человека, повышению степени однородности и одинаковости людей в обществе, формированию массового – «одинакового» – человека. В образовании востребована реализация принципа человекообразности, заключающегося в том, чтобы выявить, раскрыть и реализовать потенциал человека, «открыть» его самому себе, свои смыслы и цели. Эта идея воплощается в ведущем университете страны в концепции диалогизации образования на уровне смыслов, целей, содержания, технологий обучения. Данный подход находит отражение в современных методологии и дидактике образования, при которых обучающемуся дана возможность познавать мир исходя из своих особенностей. Диалогичность в образовании позволяет избежать передаточного общения участников образовательного процесса, монологичности ученика, его стереотипности поведения и мышления. Результат такого обучения – креативный специалист, умеющий действовать в нестандартной ситуации, способный выйти за свои пределы, посмотреть на себя со стороны и противостоять многим вызовам современности.

С позиции философского анализа монологичность человека, снижение его рефлексивных способностей и возможностей сравнивать себя с другими приводит к противостоянию, от-

далению между человеком и социумом. В этой полярности заложены причины многих современных кризисов. Биант, один из семи греческих мудрецов, говорил: «Большинство – это зло». Созвучно приведенным словам высказывание Лао-цзы: «Когда появилось благоразумие, тогда родился великий обман». Отсюда – манипуляции и увеличивающаяся стена между человеком и обществом, снижение мотивации.

В настоящее время БГУ находится в эпицентре творческих решений изложенных вопросов, где образование расценивается не только как сумма наук и знаний для передачи поколениям, но и как ресурс изменения индивидуума для обеспечения его успешности в жизни и профессии, а также гарантии стабильного и устойчивого развития общества.

*Ректор Белорусского государственного университета,
иностраный член Российской академии образования,
доктор педагогических наук, профессор
А.Д. КОРОЛЬ*

Становление белорусского университета как национально-государственный проект

О.А. Яновский

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Аннотация

Белорусская история соткана из множества событий и процессов, которые не поддаются однозначным оценкам. В первую очередь это относится к их политической составляющей, когда белорусские земли и население на протяжении более тысячи лет принадлежали государствам, не имевшим в названиях ничего общего с белорусским этносом. Однако именно он был важнейшей составной частью и Древней Руси, и Великого княжества Литовского, и Речи Посполитой, и Российской империи. Становится понятным, что в образовательной, научной среде и в целом в интеллектуальной сфере предки белорусов были словно затеряны, что сегодня заставляет доказывать свои приоритеты перед соседями с Запада и Востока. Только в революционных потрясениях начала XX века стала формироваться по-настоящему белорусская государственность. И важнейшим фактором ее утверждения стал первый для белорусов университет – Белорусский государственный университет. Рассмотрению его становления в условиях 1917–1921 годов, превращению изначальной идеи в полноценно действующий учебно-научный организм и посвящена статья. На основе архивного материала и малоизвестных фактов сделана попытка показать, что университет, будучи государственным проектом, способствовал укреплению белорусского государства, а его деятельность в полной мере испытывала на себе все политические, национальные запросы и установки. В подтверждение приведены примеры строгого следования коллективом БГУ всем государственным установкам, которые в первую очередь нацеливали на постоянное совершенствование учебного процесса, на подготовку специалистов для важнейших сфер народного хозяйства республики. Университет укреплял свой кадровый потенциал, уделяя особое внимание развитию фундаментальной и прикладной науки (не только физики, математики, химии, биологии, но и философии, истории, филологии). Его ученые и студенты в 1920-е годы были востребованы как проводники государственных планов среди населения города и деревни. Особое место в деятельности университета заняла политика белорусизации, которая дала как очевидный положитель-

ный эффект, так и привела к негативным последствиям. В итоге автор делает вывод, что в двух ключевых словах названия университета изначально были заложены идеи его национально-этнической и государственной принадлежности и миссии, чему БГУ неукоснительно следует и в настоящее время.

Ключевые слова: социальная философия, идея и миссия университета, белорусская государственность, структура университета, научная жизнь, профессорские кадры, белорусизация.

Яновский Олег Антонович – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России исторического факультета Белорусского государственного университета.

helgoleg@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4238-0828>

Для цитирования: Яновский О.А. Становление белорусского университета как национально-государственный проект // Философские науки. 2021. Т. 64. № 5. С. 13–30.

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-13-30

Formation of the Belarusian University as a National and State Project

O.A. Yanovsky

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract

Belarusian history is woven of a multitude of events and processes that defy unambiguous assessment. First of all, this refers to their political component: the Belarusian lands and population for more than a thousand years belonged to states that had nothing in common with the Belarusian ethnos in their names. However, it was this ethnic community that was a most important component of Ancient Rus, the Grand Duchy of Lithuania, the Polish-Lithuanian Commonwealth, and the Russian Empire. It becomes clear that in the educational and scientific environment, as well as in the general intellectual sphere, the ancestors of Belarusians were somewhat outshadowed, which today motivates them to prove their priorities to their neighbors in the West and the East. It was only in the revolutionary upheavals of early 20th century that the Belarusian statehood began to form. And the most important factor in its approval was the first university – the Belarusian State University. The article is devoted to the consideration of its formation in the conditions of 1917–1921, the transformation of the original idea into a fully functioning educational and scientific organism. On the

basis of archival material and little-known facts, an attempt is made to show that the university, as a state project, contributed to the strengthening of the Belarusian state, and its activities fully experienced all political and national demands and outlooks. In support of this, the article quotes examples of strict adherence of the BSU staff to all state guidelines, which primarily aimed at the continuous improvement of the educational process, at the training of professionals for the most important spheres of the national economy of the republic. The university strengthened its human potential, paying special attention to the development of fundamental and applied science (not only physics, mathematics, chemistry, and biology but also philosophy, history, and philology). In the 1920s, its scientists and students were in demand as disseminators of state plans among urban and rural population. A special place in the activities of the university was the policy of Belarusianization, which gave both an obvious positive effect and led to negative consequences. The author concludes that the two key words of the name of the university (“Belarusian” and “state”) reflect the ideas of its national, ethnic, and state mission and principles, which BSU strictly follows at the present time.

Keywords: social philosophy, idea and mission of the university, Belarusian statehood, university structure, scientific life, professors, Belarusianization.

Oleg A. Yanovsky – Ph.D. in History, Professor, Head of the Department of Russian History, Faculty of History, Belarusian State University.

helgoleg@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4238-0828>

For citation: Yanovsky O.A. (2021) Formation of the Belarusian University as a National and State Project. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 64, no. 5, pp. 13–30.

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-13-30

Введение

2021 год в Республике Беларусь знаменателен как для общества, так и для государства. Сто лет назад на белорусской земле, после многих веков наконец-то очерченной границами собственного государства, начал свою деятельность Белорусский государственный университет. Он стал первым высшим учебным заведением, положив начало созданию системы белорусской советской высшей школы.

Столетний юбилей БГУ отмечает 30 октября 2021 года. Дата условна и определена решением правительства Социалистической Советской Республики Белоруссии (ССРБ) совместно с первым профессорским коллективом и руководством (Правлением) университета начать регулярные или «правильные», на

языке того времени, занятия на двух факультетах: медицинском и общественных наук. До Великой Отечественной войны иногда за первоначальную дату при проведении юбилейных торжеств брали или 25 февраля 1919 года (издание в Смоленске первым белорусским правительством Декрета об образовании БГУ), или 11 июля 1921 года (объявление в годовщину освобождения Минска от оккупации польскими войсками о факте готовности БГУ к своему открытию). Однако затем эти события сочли и чересчур декларативными (в первом случае), и заполитизированными (во втором). Практически 80 лет начало деятельности университета является точкой отсчета его юбилейных дат и проведения всех официальных мероприятий.

Долгий путь к белорусскому университету

Вряд ли уместно в настоящей статье ссылаться на многовековую историю феномена университета, как и на когнитивное содержание и прикладное наполнение идеи, смысла, миссии любого университета в ряду иных форм и институций высшего образования. Об этом написано огромное количество убедительных по своему осмыслению и исторической информативности монографий, статей, очерков, иных материалов. Труды философов разных поколений и научных пристрастий (Христиан Вольф, Иммануил Кант, братья Александр и Вильгельм фон Гумбольдты, Джон Генри Ньюмен, Джон Дьюи, Хосе Ортега-и-Гассет, Карл Теодор Ясперс, Василий Розанов, Альфред Норт Уайтхед, Жак Ле Гофф, Ганс-Георг Гадамер, Жак Деррида, Вячеслав Степин и др.) сегодня дают возможность найти смысловые и концептуальные построения, которые отвечают на вопросы изменчивого и быстроразвивающегося мира, сопряжены с нашим опытом работы в университете. Самое важное, как хотелось бы думать, порождение Средневековья, цивилизационный феномен тех столетий, упроченный требованиями Нового и Новейшего времени, не окажется в «руинах» в условиях времени настоящего и в перспективе.

Обращаясь к историческим фактам, свидетельствующим о формировании сначала идеи белорусского университета, а в дальнейшем и о робких попытках ее реализации, следует учитывать политическое своеобразие, свойственное территории и населению, олицетворяющих сегодня суверенную Республику Беларусь. При нахождении в составе Великого княжества Литовского, а с 1569 года – Речи Посполитой некими предтечами «белорусского» университета можно назвать коллегииумы различных католических и униатского монашеских орденов, книгоиздательское дело протестантов, школы православных братств. Условно «белорус-

ской» именуется и учрежденная в 1578 году Стефаном Баторием, королем Речи Посполитой, Виленская иезуитская академия. Немногим более чем через 200 лет (1781) она стала Главной школой Великого княжества Литовского. В условиях трех разделов Речи Посполитой и статус, и название ее приведены к традициям, практике работы высших учебных заведений Российской империи. Так, в апреле 1803 года указом Александра I на основе данной учебной институции был учрежден императорский Виленский университет.

Такие пертурбации сделали еще более призрачными надежды на реализацию идеи «своего, белорусского» университета. Вскоре, после закрытия Виленского университета, в связи с активным участием его студентов и преподавателей в антироссийском восстании 1830–1831 годов, эта идея была на 90 лет похоронена. Университет, в котором обучались более 1 300 студентов, императорским указом от 1 мая 1832 года ликвидировали [Філатава, Яноўская 2016, 84]. До начала XX века на территории белорусских губерний Российской империи не было ни университета, ни иного высшего учебного заведения. На это многократно обращали внимание все, кто после двух революций 1917 года принимал участие в организационных мероприятиях и развертывании деятельности БГУ, в частности его первый ректор В.И. Пичета, ректор предвоенных лет П.П. Савицкий, философ и проректор университета в первой половине 1920-х годов С.З. Каценбоген, белорусские политические деятели Ф.Ф. Турук, В.М. Игнатовский, А.Г. Червяков и др. Автор настоящей статьи не раз обращался к теме обоснования аксиомы о том, что первым высшим учебным заведением Беларуси безальтернативно является Белорусский государственный университет, на источниках и фактах доказывая, что благодаря ему в советской Беларуси удалось создать полноценные системы высшей школы и науки [Яноўскі, Зельскі 2001; Яноўскі 2005; Яновский 2008; Яновский 2009; Яновский 2016; Яновский 2017; Яновский 2018]. Поэтому ссылки на свидетельства и оценки участников его создания и реализации вековой идеи белорусов – аргументация настолько убедительна, насколько и исчерпывающая. В данном случае можно указать на ранее не использованную публикацию, автором которой в военном 1944 году был Владимир Иванович Пичета. В теоретическом и политическом журнале ЦК ВКП(б) «Большевик» он в контексте темы об этапах «воссоединения белорусского народа в едином Белорусском Советском государстве» констатировал: «До Октябрьской революции в Белоруссии не было ни одного высшего учебного заведения. 11 июля 1921 года открыт Государственный университет в Минске» [Пичета 1944, 36]. Далее исто-

рик сообщает о том, что в последующие годы вузы открылись в Минске, Витебске, Могилеве, Гомеле, Орше, Рогачеве.

Представляется, что еще более убедительны слова о первостепенном воздействии БГУ чуть ли не на все области общественной и государственной жизни, экономику республики, культуру и духовность ее населения, звучавшие неким естественным сопровождением всех мероприятий 1920–1930-х годов, проводившихся на самом высоком политическом уровне. Документы тех лет позволяют воссоздать и оценить масштаб этого воздействия. Так, уже во время вручения первых дипломов об окончании БГУ (20 февраля 1925 года) заместитель декана факультета общественных наук, философ профессор С.Я. Вольфсон, ссылаясь на слова выпускников, констатировал, что университет колоссально расширил не только знания питомцев, но и их мировоззрение, теоретический багаж и практические навыки, сориентированные на повседневность работы специалистов. Ректор в своем выступлении подчеркнул первостепенность работы преподавателей, приехавших в Минск из самых разных городов России, и назвал главное предназначение первых специалистов, выпущенных БГУ, – все, что получено в аудиториях, «отдать своему народу... работать в самой гуще его жизни» [Первый выпуск... 1925, 16, 20].

Если эти слова можно расценить как некую декларативность и ожидание реализации в ближайшей перспективе затраченных усилий, дань ранее выстраданной идее белорусского университета, то уже очень скоро в оценках роли БГУ зазвучали конкретные факты и цифры, имена и результаты деятельности подготовленных кадров и всего огромного спектра направлений, которые развивал и продвигал по всей БССР его университет. Например, в речи наркома просвещения республики А.М. Платуна по случаю десятилетия БГУ отмечалось, что университет способствовал созданию 12 белорусских вузов, влиял на работу всех 65 учебных заведений республики (техникумов, рабфаков и др.), дал импульс становлению различных научных учреждений (от Белорусской академии наук до различных специализированных НИИ – Лесного, Болотного, Социалистического земледелия и т.д.). В духе времени нарком определил главное: БГУ – это «мощный оплот пролетарской культуры Советской Беларуси» [Десять лет... 1931, 4, 6, 8]. И совсем концентрированно видится оценка значения десятилетней работы БГУ в приветствии ЦК КП(б)Б: «ЦК учитывает мощную роль Белорусского государственного университета как первой высшей школы и первого научно-исследовательского

центра Советской Беларуси в деле развития белорусской пролетарской культуры»¹.

О том, какие были учебные будни первых двух десятилетий, можно узнать из воспоминаний В.Н. Перцева, одного из российских профессоров, который, приехав создавать БГУ, навсегда остался в нем работать, вырос до одного из самых выдающихся и чтимых белорусских историков, академиков АН БССР (в июне 1945 года, находясь в составе делегации БССР, подписал Устав ООН). Профессор Перцев вспоминал, что многое в университете делалось не благодаря, а вопреки: вопреки бюрократическим установкам учебной части, «педагогическому прожектерству» рубежа 1920–1930-х годов, очень скромному материально-финансовому обеспечению образования и науки и т.п. При этом В.Н. Перцев утверждал: «Университет рос вместе со всей страной и вырос в настоящее время в ведущий центр белорусского высшего образования. Он не только вырастил и воспитал в своих стенах многие тысячи студентов – он дал Белоруссии из среды бывших университетских питомцев десятки талантливых научных работников... Он явился основой, из которой выросли другие вузы Белоруссии»². Накануне Великой Отечественной войны, когда вся БССР собиралась торжественно отметить 20-летие деятельности своего университета, ректор П.П. Савицкий и нарком просвещения Е.И. Уралова в докладной записке в СНК БССР перечислили многое из того, в чем состояла несомненная заслуга БГУ. Они назвали в том числе имена «десятков талантливых ученых», о которых лишь упомянул В.Н. Перцев, параметры научных исследований (более 70 тем), проведенных учеными БГУ³. Новые констатации, в схожих смысловом и фактографическом доказательствах, послужили рефреном статьи БГУ послевоенного периода В.А. Томашевича, опубликованной в центральной белорусской газете к юбилею белорусской государственности [Томашевич 1949].

Вместе с тем нельзя не учитывать тот непреложный факт, что не большевики сформулировали идею белорусского университета. Они ее лишь подхватили и оформили в прагматичные рамки внутреннего содержания и условий материально-финансового обеспечения реализации. Об этом речь пойдет далее в статье. Еще на рубеже XIX–XX веков в ряде городов белорусских губерний Российской империи (Минске, Полоцке, Витебске, Орше и др.) у

¹ Из фондов Музея истории Белорусского государственного университета.

² Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 205. Оп. 1. Д. 751. Л. 110.

³ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 751. Л. 9–11.

местной администрации стали крепнуть убеждения о необходимости создать «свой» университет, который бы полностью отвечал требованиям Петербурга и был органичной частью прочих императорских университетов, или хотя бы открыть политехнический институт, православную духовную академию. Известны обращения городских магистратов к министру народного просвещения России и непосредственно к Николаю II с заверениями о том, что университет не станет очагом вольнодумства, а будет проводником российской политики, русского языка и культуры в «крае». Однако император всегда накладывал на прошения «вето», а чиновники аргументировали, что университет будет «на руку полякам и евреям», «создаст в православной церкви сепаратизм» и т.д. [Самусік 1997, 18]. В итоге было получено только разрешение на создание в 1910–1914 годах общеобразовательных, повышенного среднего уровня школ под «звучным» названием «институт» в Витебске, Могилеве и Минске, а также филиала Московского археологического института в Витебске. И количество учащихся в этих учебных заведениях колебалось всего лишь от 30 до 100 человек [Памятная книжка... 1915, 24–27, 89–91, 274–275, 360–361].

В общественных кругах, особенно у рождающейся национально ориентированной белорусской интеллигенции, накануне Первой мировой войны крепла убежденность в том, что именно создание университета в ближайшей перспективе пробудит массы к пониманию своего особого места среди и русских, и поляков, и литовцев, и иных народов Российской империи. Были убеждены и в том, что университет станет не только очагом и «рассадником» знаний, но и его научная и образовательная среда позволит активно влиять на развитие всех сфер хозяйственной, культурной, духовной жизни белорусов и иных народов «края». Проводником этих настроений выступала редакция газеты «Наша Ніва».

Реализация идеи белорусского университета

Революции 1917 года не только создали условия для реализации идеи белорусского университета в его ранее обсуждавшихся классических параметрах. Сначала они внесли революционную сумятицу в головы тех, кто так или иначе оказался причастным к этому делу. Если исходить из реалий первых лет после ниспровержения имперских устоев, в том числе и в области образования, то ни в 1917–1921 годах, ни в период до начала 1930-х годов у советской власти не существовало четкой, концептуально выверенной политики относительно того, какая высшая школа нужна для построения нового общества [Мартиневич 2015, 4]. Неслучайно активно возникали, чтобы вскоре раствориться во времени без

очевидных результатов, разные «народные», «пролетарские», «красноармейские», «коммунистические», иные подобные университеты, которые должны были продемонстрировать отказ большевиков от идей классических университетов буржуазного общества и создания «свободных», «нового типа». Эта волна ниспровержения в некоторой степени прокатилась и по белорусским землям, переживавшим очередной стрессовый период своей истории, выраженный в сложных процессах формирования национальной идентичности, государственности, взаимоотношений с советским политическим центром (Москвой, РСФСР) и новыми советскими республиками. Тем не менее среди данных процессов вопрос создания и сущности первого белорусского университета был одним из существенных.

Следует отдать должное всем, кто стоял у истоков БГУ. При отсутствии высших учебных заведений на белорусских территориях реформировать и подводить новые устои под бывшие императорские университеты и институты не было необходимости. Требовалось с нулевой отметки осмыслить, создать интеллектуальные и материальные условия, реализовать их в практике университетской деятельности. Брать за образцы судорожные попытки радикальной перестройки «старых» университетов считали непозволительным уже потому, что не могли выявить в ней рациональное зерно. Невозможно это было для тех, кто волею судеб и по убеждению оказался в первых рядах теоретиков и практиков белорусского университета. К ним относились в первую очередь опытные педагоги и ученые, представители «старой профессуры». Первые проекты Белорусского университета, как университета национального, университета для белорусов, подготовлены уроженцами «Северо-Западного края» Российской империи: филологом, академиком и бывшим ректором императорского Варшавского университета Е.Ф. Карским и историком, профессором, создателем одного из первых в дореволюционной России частного Коммерческого института М.В. Довнар-Запольским. Так, Евфимий Федорович в своем обстоятельно написанном «Проекте Устава Белорусского Университета» одним из обоснований необходимости и миссии этого университета считал следующее: история «показала, что белорусское население как в общем, так и в отдельных своих лицах способно и к государственной жизни, и к высшей культуре», а молодежь, получая высшее образование у себя на родине, «проникнется любовью к ней», «употребит свои силы» на ее благо. Он был убежден, что университет будет «содействовать умственному, нравственному, эстетическому и хозяйственному возрождению

Белоруссии и с этой стороны он безусловно необходим»⁴. Как и старший по научным регалиям коллега, Митрофан Викторович подробно описал пути создания университета, его учебную, научную, организационную структуру. Он считал неслучайным принять во внимание богатый опыт деятельности Московского и Киевского университетов, а также «снести по всем вопросам с профессорами-белорусами», состоявшимися как ученые в российских университетах⁵.

Можно утверждать, что идеи, предложенные обоими выдающимися учеными в их проектах, каждым в отдельности, определили направления мысли и действий организаторов государственного университета: партийно-советских руководителей провозглашенной в начале 1919 года ССРБ, Минского губернского отдела народного образования. Несмотря на многочисленные дискуссии, политические, материально-финансовые и иные препятствия, параметры университета в Минске изначально определялись в «классическом» формате, когда факультетская структура должна была гармонично сочетать в себе естественно-научные и гуманитарные специальности, когда научной составляющей отводилось первостепенное место, когда права профессора и студента должны были неукоснительно соблюдаться руководителями всех уровней. Следует отметить, что в итоге созданный в 1921 году Белорусский государственный университет развивался в таком аспекте практически на протяжении 1920-х годов. До тех пор, пока у его ректорского «руля» находился В.И. Пичета, а в БССР высшее политическое руководство олицетворяли А.Г. Червяков, Д.Ф. Жилунович, В.М. Игнатовский и др.

Утверждение классических основ БГУ

Мною и коллегами детально в десятках публикаций представлен сложный организационный период, занявший около двух с половиной лет, с февраля 1919 года по сентябрь 1921 года [Малюгин 2016; Белорусский государственный университет... 1961; Белорусский государственный университет... 1971; Ляхоўскі 2012; Каханюўскі 2017; Шумейко 2017; Память и слава... 2019; Ершова 2021]. В это сложнейшее с военно-политической точки зрения время постепенно университетская идея обретала реальные организационные и материальные очертания. Важнейшую роль сыграли две специальные организационные Комиссии (т.н. «Минская» и «Московская») при Минском губернском отделе народного образования и при Наркомате просвещения РСФСР

⁴ НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 19. Л. 86; Ф. 457. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

⁵ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1. Л. 15–16.

соответственно. В обеих работали незаурядные ученые, опытные администраторы и политики. В их числе несколько десятков тех, кто последовательно выстроил БГУ, придав ему возможные для того времени классические атрибуты. Решающим событием стал приезд в Минск в конце 1920 года около десяти членов Московской комиссии, что позволило в тесном общении с белорусскими коллегами решить много злободневных проблем. Уже в тот период определена кандидатура на должность ректора – Владимир Иванович Пичета, авторитетный историк, специалист в области и российской, и белорусской истории. Его энергия и стремление во что бы то ни стало сразу направить БГУ по пути классического, научно ориентированного университета практически восемь лет заряжали всех его коллег и белорусское общество в целом.

Свидетельством подобных намерений было организованное в конце 1920 года университетское научное общество историков. Затем, с началом фактической деятельности университета, в 1922 году, регулярные заседания по четырем секциям развернуло научное общество БГУ, а для публикации статей гуманитариев и естественников создали научный сборник «Труды БГУ». В марте этого же года на заседании Совета БГУ принято решение о формировании научной секции работников просвещения при БГУ, в президиум которой вошли профессора: биолог В.В. Лепешкин, философ С.Я. Вольфсон, математик К.М. Годыцкий-Цвирко⁶. Неким феноменом тех первых лет следует признать массовые научные командировки ученых БГУ в европейские университеты, библиотеки, архивы, лаборатории. Республика на это не жалела скудных валютных средств.

Однако важнейшим итогом деятельности служит то, что высшие знания стали доступны студентам через освоение системных и авторских учебных курсов первых абсолютно неординарных профессоров и доцентов, погруженных в научные исследования. С начала университетской истории один за другим создавали научные Институты: физический, химический, биологический и др. Гуманитарии попытались создать особый Институт «белорусской и еврейской культуры», но столкнулись с неприятием данного проекта со стороны ряда чересчур ревностных представителей национальных кругов, считавших БГУ проектом в большей степени русским, нежели белорусским. Между тем именно университет заложил теоретическую основу создания в 1922 году особого Института белорусской культуры (ИБК), а затем наполнил его своими кадрами лингвистов, историков, философов, этнографов, математиков, химиков, психологов и т.д. Так, в списке

⁶ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 12. Л. 4 об., 6.

1927 года (он утвержден на заседании СНК БССР) все 14 названных фамилий – ученые университета⁷. Через пять лет, выступая на VIII съезде Советов БССР, ректор БГУ В.И. Пичета убедительно обосновал необходимость превращения ИБК в полноценную Белорусскую академию наук (БАН). Он заявил, что в университете и ИБК ведется большая и полноценная научная работа, а значит, «в настоящий момент необходимо поставить вопрос об открытии белорусской академии наук»⁸. Большинство ее первых академиков были избраны из рядов университетской профессуры.

В контексте доказательств о «классическом» характере БГУ особого внимания заслуживает факт изначальной и однозначно утвердительной позиции всех без исключения теоретиков и практиков создаваемого БГУ о первичности в его структуре медицинского факультета. Если предложения и Карского, и Довнар-Запольского о создании богословского факультета можно считать не восприятием учеными новых политических парадигм, то намерения иметь в структуре университета особые историко-филологический и физико-математический факультеты полностью отвечали классическому характеру будущего БГУ. Обоснование агрономического факультета исходило из представлений о сугубо сельскохозяйственном облике советской республики. Все эти предложения в 1919–1920 годах оформлены в убедительных обоснованиях. Например, известный российский математик и уроженец Беларуси И.Р. Брайцев даже представил подробный план создания особого математического факультета в записке под характерным названием «Какая высшая школа нужна в настоящее время Белоруссии?». Он же и ответил на поставленный вопрос: «...мы, белорусы, будем иметь свой Университет»⁹. Е.Ф. Карский активно отстаивал свою позицию о необходимости открыть особый филологический факультет. Но отсутствие финансирования не позволило сразу сделать факультетскую структуру БГУ полноценной. С ноября 1921 года регулярные занятия начались только на медицинском факультете и факультете, который отразил поиски опоры в среде формируемых новых интеллектуалов-специалистов, осуществляемые новой властью. Таким стал факультет общественных наук. Однако этот замысел не прошел проверку практикой подобного рода подготовки. В 1922 году ему на смену учредили педагогический факультет с очевидной прагматикой в подготовке и учителей, и идеологов нового строя.

⁷ НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1276. Л. 302–303.

⁸ Газета «Звезда». 1927. 12 апреля. С. 3.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А2306. Оп. 18. Д. 701. Л. 69.

В 1920-е годы в структуре БГУ появились факультеты по подготовке экономистов, правоведов, химиков (с технологическим уклоном), физиков и математиков. Это в полной мере отвечало продолжению выстраивания обучения в БГУ по матрице «классического университета». Однако с каждым годом нарастало идеологическое сопровождение всех сторон его деятельности. Вопрос неукоснительной приверженности и верной трактовки марксистско-ленинской доктрины, точнее, пока только марксизма, быстро становился проверкой на право работы и преподавания в университете. Иные принципы считались второстепенными. Эту позицию, свойственную высшей школе СССР, дополняли в БССР обстоятельства местного характера. В республике и власти, и интеллектуалы пытались найти эффективные методы и средства формирования национальных по форме и социалистических по содержанию устоев новой жизни. Известные «белорусизация» и «коренизация» по-советски внедрялись и в БГУ, и в республике в целом. Конечно, органично войти в эти неоднозначно принимаемые многими процессы было по силам далеко не всем, кто в 1921 году решил связать свою творческую и жизненную карьеру с Минском. С середины 1920-х годов начался отток высококвалифицированных кадров. Некоторые уезжали в никуда, лишь бы не попасть под пресс жестких и изменяющихся требований. В числе уважаемых людей, тех, кто создавал БГУ и вынужден был его покинуть, физик Н.Н. Андреев, химик Б.М. Беркенгейм, философ и социолог С.З. Каценбоген, историки А.А. Савич и Д.А. Жаринов, юрист и государственный деятель М.А. Сегаль, психиатр и невропатолог А.К. Ленц и др. Уезжали за Урал, в Поволжье, в республики Средней Азии. Но некоторые спокойно пережили и 1930-е годы, обосновавшись в Москве и Ленинграде. Уезжали и специалисты, подготовленные в БГУ: философ Б.Э. Быховский, историк И.В. Герчиков, физик Л.А. Арцимович и др. Такой кадровый «исход» дополнило в 1931 году «разукрупнение» БГУ, повлекшее, с одной стороны, превращение его в заштатный педагогический институт, а с другой – создание на основе его факультетов полноценных и остро необходимых республике ряда специализированных вузов, т.е. системы высшей школы.

Нельзя не отметить, что многие из ученых, приехавших для работы в БГУ, сумели весьма прилично освоить и белорусский язык преподавания специальных дисциплин, и язык науки по-белорусски. При изучении в Национальном архиве Республики Беларусь личных дел астронома А.А. Михайловского, математиков Ц.Л. Бурстина и Я.П. Громмера, физика Е.Е. Сиротина, экономиста А.М. Арцимовича, историка Н.М. Никольского, других представителей естественных и гуманитарных наук, удивляет

тот факт, насколько быстро они овладели белорусским языком. Кроме того, плеяда незаурядных российских филологов стали профессорами БГУ. Среди них – И.И. Замотин, Е.И. Боричевский, П.А. Бузук, А.Н. Вознесенский, Н.Н. Дурново и другие авторитетные белорусисты, в частности языковеды и литературоведы, создатели нормативной белорусской лексики, научной терминологии.

Белорусизация, охватившая БГУ на начальном этапе его деятельности, к 1928 году пошла на спад, а вскоре превратилась в один из факторов, которые фактически учитывали при обвинениях в «национал-демократизме» многих сотен белорусских интеллектуалов. В этом контексте приведем ранее неизвестный факт, позволяющий оценить отношение к процессам, которые спонтанно и под руководством Центра разворачивались в национальных республиках. В Национальном архиве Республики Беларусь нами найден документ, в котором подана своего рода дискуссия между своеобразным (и по литературному стилю, и по поведению) белорусским поэтом Павлом (Павлюком) Шукайло и законодателем установок для историков, иных гуманитариев в 1920-е годы М.Н. Покровским. Эта беседа состоялась 29 декабря 1928 года в Коммунистической академии при Центральном исполнительном комитете. Речь шла о белорусизации.

Белорус сказал: «Затем есть такой недостаток. Ведь наши высшие учебные заведения еще недостаточно белорусизированы...». В ответ Покровский пространно рассуждал: «Я знаю у Вас Жаринова (историк Дмитрий Петрович Жаринов был одним из первых профессоров БГУ. – О. А.) и много других научных работников, и они читают лекции на русском языке. Я высказываю только свое сомнение относительно этой стороны дела. Но важен аргумент, что необходимо прежде всего пропитать белорусской культурой тот слой, который является разносителем этой белорусской культуры. Как раз школа II-й ступени, университеты и т.д. Это аргумент очень сильный, независимо от природной национальности тех, кто пользуется этими учебными заведениями. Конечно, раз они собираются жить и работать в Белоруссии, им нужно пропитаться белорусской культурой»¹⁰.

Далее сановный историк привел аргумент-сравнение, который можно считать опровержением предыдущего утверждения: «В заключение приведу маленький анекдот относительно того, насколько у нас возрождение национальной культуры идет быстрее, чем в других странах. У вас уже частично произошла белорусизация, на Украине произошла украинизация, хотя тоже и не совсем. А вот в Норвежском университете в Осло до сих

¹⁰ НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 56. Л. 365.

пор читают лекции по-датски, и единственный человек, который читает лекции по-норвежски – это проф. Кут (историк, политик. – О. А.). Это единственный профессор во всем университете. Все остальные говорят по-датски, все газеты в Осло выдаются на датском языке, и нечего говорить, что произведения Ибсена, Бьёрнсона-Бьёрнстjerne также выдаются на датском языке. Если вы видите перевод с норвежского Ибсена, это факт того, что человек переводил с немецкого языка, что он никогда не видел оригинала, а оригинал Ибсена дают в отрывках хрестоматии, как образчик датского произведения. Вот такая там картина. Ибсен там нечто вроде Гоголя. Гоголь – украинец, который писал по-русски, изредка вставляя украинские термины. Вероятно, у Ибсена также норвежские термины встречаются. Но характерно, что господство датчан кончилось 100 лет тому назад и до сих пор там господствует в университете и всюду датский язык, и в университете читаются лекции не на норвежском языке. Эта картина, в сравнении с тем, что происходит у нас, чрезвычайно выразительная. Это показывает, насколько наша культура шла в народные массы. Если бы норвежцы были хозяевами своей культуры, они заставили бы всех профессоров в Осло читать на норвежском языке, но мы видим, что до сих пор все профессора читают по-датски, кроме одного Кута»¹¹.

Если оперировать фактами, то на 1927/28 учебный год в БГУ на белорусском языке преподавали десять профессоров (83 часа), 20 доцентов (181 час), 19 ассистентов (195 часов). На русском же языке 14 профессоров читали 145 часов. В целом на белорусском языке преподавалось 57,8% учебных часов¹². В последующие годы достигнутый уровень неуклонно снижался. Русский язык стал доминирующим и в преподавании, и в науке Белорусского университета.

Заключение

Краткий обзор истории создания Белорусского государственного университета, оценки важнейших его параметров и характеристик позволяет, основываясь на накопленном исследовательском опыте и изученном документальном и теоретическом материале, утверждать, что изначально задуманный университетский проект был ориентирован на восприятие идеи, миссии и практики классических российских и европейских университетов. Вместе с тем он в полной мере должен был отвечать новым политическим и национальным установкам. Поэтому в первую очередь он назван не как «Минский» (хотя это название присутствует в

¹¹ НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 56. Л. 367.

¹² НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 56. Л. 367, 384–385.

документах 1919–1920 годов), а как «Белорусский». Уже в декрете ЦИК ССРБ о его создании, подготовленном и утвержденном вечером 24 февраля и обнародованном на следующее утро, впервые было определено считать образование университета важнейшим общегосударственным делом. По сути, становление первого белорусского государства в его советской форме происходило одновременно со становлением БГУ. В двух обозначениях университета заложены идеи национально-этнической, государственной принадлежности и миссии БГУ. Именно такой данная миссия остается и по настоящее время.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Белорусский государственный университет... 1961 – Белорусский государственный университет имени В.И. Ленина / ответ. ред. Л.С. Абецдарский. – Минск: Изд-во МВСС и ПО БССР, 1961.

Белорусский государственный университет... 1971 – Белорусский государственный университет имени В.И. Ленина / ред.-сост. А.И. Кожушков. – Минск: Изд-во БГУ имени В.И. Ленина, 1971.

Дзесяць год... 1931 – Дзесяць год Беларускага дзяржаўнага універсітэту. – Менск, 1931.

Ершова 2021 – *Ершова О.И.* Первый учебник по педагогике в Беларуси // Университетский педагогический журнал. 2021. № 1. С. 31–36.

Кахановікі 2017 – *Кахановікі А.Г.* Універсітэты Расійскай імперыі як асяродак станаўлення беларускай інтэлігенцыі ў XIX – пачатку XX ст. // Традиции университета: от Франциска Скорины до современности: сб. материалов Международной науч. конф., Минск, 26–27 октября 2017 г. – Минск: Изд. центр БГУ, 2017. С. 101–104.

Ляховікі 2012 – *Ляховікі У.В.* Ад гоманаўцаў да гайсакоў. Чыннасць беларускіх маладзёвых арганізацый у 2-й палове XIX ст. – 1-й палове XX ст. (да 1939 г.). – Вільня: Інстытут Беларусістыкі, 2012.

Малюгин 2016 – *Малюгин О.И.* Первые годы деятельности БГУ в воспоминаниях академика В.Н. Перцева // Веснік БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Эканоміка. Права. 2016. № 2. С. 17–25.

Мартинович 2015 – *Мартинович Д.А.* Становление советской высшей школы (1917 г. – середина 1930-х гг.): дисс. ... канд. ист. наук. – Минск: БГУ, 2015. С. 4.

Памятная книжка... 1915 – Памятная книжка Виленского учебного округа за 1915 год. – Вильна: Тип. А. Сыркина, 1915.

Память и слава... 2019 – Память и слава: Соломон Захарович Каценбоген. К 130-летию со дня рождения / сост. А.Н. Максимчик. – Минск: БГУ, 2019. С. 9–24.

Первый выпуск... 1925 – Первый выпуск Белорусского государственного университета, 20 февраля 1925. – Витебск: БГУ, 1925.

Пичета 1944 – *Пичета В.И.* Воссоединения белорусского народа в едином Белорусском Советском государстве // Большевик. 1944. № 12. С. 30–38.

Самусік 1997 – *Самусік А.Ф.* Праекты арганізацыі вышэйшых навуковых устаноў на беларускіх землях у другой палове XIX стагоддзя // Адукацыя і выхаванне. 1997. № 4. С. 17–25.

Томашевич 1949 – *Томашевич В.А.* Белорусский Государственный университет к 30-летию БССР // Савецкая Беларусь. 1949. 26 снежня. № 255.

Філатава, Яноўская 2016 – *Філатава А.М., Яноўская В.В.* духоўна-культурнае жыццё грамадства // Вялікі гістарычны атлас Беларусі ў 4-х т. Т. 3. – Мінск: Белкартаграфія, 2016. С. 84–85.

Шумейко 2017 – *Шумейко М.Ф.* Белорусский государственный университет в деле формирования экологии культуры в стране // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 18. – Мінск. 2017. С. 128–135.

Яноўскі 2005 – *Яноўскі А.А.* На шляху да Беларускага ўніверсітэта: грамадскія імкненні і палітычныя перашкоды // Polska – Europa – Świat XX wieku. – Rzeszow: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2005. С. 508–522.

Яновский 2008 – *Яновский О.А.* Адаптация интеллигенции к условиям «построения социализма» в Беларуси (1920–1930-е годы) // Acta historika neosoliensia. Odborný časopis Katedry histórie Fakulty humanitných vied Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici. 2008. № 11. S. 273–277.

Яновский 2016 – *Яновский О.А.* Этапы развития белорусско-российского сотрудничества в сферах образования и науки (1918–2015 годы) // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем: сб. науч. работ. Вып. 1. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2016. С. 25–46.

Яновский 2017 – *Яновский О.А.* Владимир Иванович Пичета. Историк, определивший будущее БГУ // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941) / под общ. ред. С.В. Абламейко, науч. ред. О.А. Яновский. – Минск: БГУ, 2017. С. 23–41.

Яновский 2018 – *Яновский О.А.* Как шли белорусы к своему университету // Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. 2018. № 3. С. 46–65.

Яноўскі, Зельскі 2001 – *Яноўскі А.А., Зельскі А.Г.* Гісторыя Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў біяграфіях яго рэктараў. – Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 2001.

REFERENCES

Abetsedarsky L.S. (Ed.) (1961) *V.I. Lenin Belarusian State University*. Minsk: Ministry of Higher Education of BSSR (in Russian).

Filatova A.M. & Yanovskaya V.V. (2016) Spiritual and Cultural Life of Society. In: Kuznetsov G.I., Adamushka V.I., Kovalenya A.A., & Nasevich V.L. (Eds.) *The Great Historical Atlas of Belarus in 4 Vols.* (Vol. 3, pp. 84–85). Minsk: Belkartografiya (in Belarusian).

Kohanovsky A.G. (2017) Universities of the Russian Empire as the Core of the Formation of the Belarusian Intelligentsia in the 19th – Early 20th Centuries. In: Khodin S.N. & Kohanovsky A.G. (Eds.) *Traditions of the University: From Francysk Skaryna to the Present* (pp. 101–104). Minsk: BSU (in Russian).

Kozhushkov A.I. (Ed.) (1971) *V.I. Lenin Belarusian State University*. Minsk: BSU (in Russian).

Lyakhovsky V.V. (Ed.) (2012) *From Homonites to Gaisaks. The activity of Belarusian Youth Organizations in the 2nd Half of the 19th Century – the 1st Half of the 20th Century (before 1939)*. Vilnius: Institute of Belarusian Studies (in Belarusian).

Maksimchik A.N. (2019) *Memory and Glory: Solomon Zakharovich Katsenbogen. On the 130th Anniversary of His Birth*. Minsk: BSU (in Russian).

Malyugin O.I. (2016) First Years of BSU in the Memoirs of Academician V. Pertsev. *Bulletin of Belarusian State University. Series 3: History. Philosophy. Psychology. Political Sciences. Economics. Law*. No. 2, pp. 17–25 (in Russian).

Martinovich D.A. (2015) *The Formation of the Soviet Higher School (1917 – mid-1930s)* (dissertation). Minsk: BSU (in Russian).

Picheta V.I. (1944) The Reunification of the Belarusian People in a Single Belarusian Soviet State. *Bolshevik*. No. 12, pp. 30–38 (in Russian).

Samusik A.F. (1997) Projects of the Organization of Higher Educational Institutions in the Belarusian Lands in the Second Half of the 19th Century. *Adukatsiya i vykhavanne*. No. 4, pp. 17–25 (in Belarusian).

Shumeyko M.F. (2017) Belarusian State University in the Formation of the Ecology of Culture in the Country. In: Savitsky E.M. (Ed.) *Belarusian Archeographic Yearbook* (Issue 18, pp. 128–135). Minsk (in Russian).

Tomashevich V.A. (1949) Belarusian State University to the 30th Anniversary of the BSSR. *Savetskaya Belarus*. 26 snezhnya. No. 255 (in Russian).

Yanovsky A.A. (2005) On the Path to Belarusian State University: Public Perceptions and Obstacles. In: Waclaw Wierzbieniec (Ed.) *Poland – Europe – the world of the 20th century* (pp. 508–522). Rzeszow: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego (in Belarusian).

Yanovsky O.A. (2008) Adaptation of the Intelligentsia to the Conditions of “Building Socialism” in Belarus (1920s–1930s). *Acta historica neosoliensis. Odborný časopisov katedry istorii fakulty humanitných vied univerzity Mateja Bela v Banská Bystrica*. No. 11, pp. 273–277 (in Russian).

Yanovsky O.A. (2016) Stages of Development of Belarusian-Russian Cooperation in the Fields of Education and Science (1918–2015). In: E.V. Kodin (Ed.) *Russia and Belarus: History and Culture in the Past and Present* (Issue 1, pp. 25–46). Smolensk: Smolensk State University Press (in Russian).

Yanovsky O.A. (2017) Vladimir Ivanovich Picheta. The Historian Who Determined the Future of BSU. In: S.V. Ablameyko, O.A. Yanovsky (Eds.) *The Intellectual Elite of Belarus. The Founders of Belarusian Science and Higher Education (1919–1941)* (pp. 23–41). Minsk: BSU (in Russian).

Yanovsky O.A. (2018) How Did the Belarusians Go to Their University. *The Intelligentsia and the World: Russian Interdisciplinary Journal of Social and Humanitarian Sciences*. No. 3, pp. 46–65 (in Russian).

Yershova O.I. (2021) The First Textbook on Pedagogy in Belarus. *Universitetskiy pedagogicheskiy zhurnal*. No. 1, pp. 31–36 (in Russian).

Yanovsky A.A. & Zelsky A.G. (2001) *The History of the Belarusian State University in the Biographies of Its Rectors*. Minsk: BSU (in Belarusian).

Университетская социология: истоки и философия развития

А.Н. Данилов

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Аннотация

В статье рассмотрены истоки и философия развития социологии в Белорусском государственном университете, которая аккумулировала мудрость и социально-политическую мысль белорусских мыслителей прошлого, впитала исследовательский опыт предыдущих поколений. С началом работы БГУ в 1921 году создана кафедра социологии и первобытной культуры (С.З. Каценбоген). Курс генетической социологии, который читал профессор С.З. Каценбоген, в большей степени напоминал своеобразный сплав философско-социологической мысли и первобытной истории, был непохожим на современные представления о социологической науке. Этот период продолжался недолго. Вскоре грянули репрессии, Великая Отечественная война, проходило послевоенное восстановление, что значительно задержало возможность развития социологии как самостоятельной науки. Все это время социология функционировала в лоне философского знания, где осуществлялись конвергенция смыслов, содержательное взаимообогащение, шел трудный процесс накопления теоретического, методологического и практического опыта. Автором настоящей статьи выделена ключевая роль БГУ в институционализации, развитии социологической науки и образования в Беларуси. Лидером возрождения социологии в БГУ стал профессор Г.П. Давидюк (1923–2020). По примеру БГУ в 1960–1970-е годы социологические структуры создают во всех ведущих вузах республики; работа сектора прикладной социологии БГУ способствовала развитию заводской социологии. В 1989 году открывается социологическое отделение и кафедра социологии, в конце 1996 года – Центр социологических и политических исследований. С 1997 года издается научно-теоретический «Журнал БГУ. Социология», а с 2000 года начинает функционировать Белорусское общественное объединение «Социологическое общество», открывается филиал кафедры социологии БГУ в Институте социологии Национальной академии наук Беларуси. Традиции предшествующих поколений, заложенные лидерами белорусской социологической школы, постепенно трансформируются с учетом развития научно-технологического и

информационного-коммуникативного прогресса, обновляются учебные планы и программы подготовки современных социологов.

Ключевые слова: философия социологии, социальная философия, история социологии, социологические исследования, Белорусский государственный университет, философия развития.

Данилов Александр Николаевич – член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

a.danilov@tut.by

<https://orcid.org/0000-0002-1190-4975>

Для цитирования: Данилов А.Н. Университетская социология: истоки и философия развития // Философские науки. 2021. Т. 64. № 5. С. 31–44. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-31-44

Sociology at the Belarusian State University: Origins and Philosophy of Development

A.N. Danilov

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract

The article examines the origins and philosophy of the development of sociology at the Belarusian State University (BSU), which has accumulated the wisdom and socio-political thought of Belarusian thinkers of the past, absorbed the research experience of previous generations. Since the beginning of the work of BSU in 1921, the Department of Sociology and Primitive Culture was established. The course in genetic sociology, which was taught by Professor S.Z. Katzenbogen, to a greater extent resembled a kind of fusion of philosophical and sociological thought and primitive history, was unlike modern ideas about sociological science. This period did not last long. Soon repressions broke out, the Great Patriotic War, and the post-war reconstruction took place, which significantly delayed the development of sociology as an independent science. All this time, sociology functioned in the bosom of philosophical knowledge, where the convergence of meanings and meaningful mutual enrichment took place, the difficult process of accumulating theoretical, methodological and practical experience was going on. The article highlights the key role of BSU in institutionalization, development of sociological science and education in Belarus. The leader of the revival of sociology at BSU was Professor

G.P. Davidyuk (1923–2020). Following the example of the Belarusian State University, in the 1960s–1970s, sociological structures were created in all the leading universities of the republic; the work of the applied sociology sector of BSU contributed to the development of factory sociology. In 1989, a sociological department and a department of sociology were opened, at the end of 1996, the Center for Sociological and Political Research was established. Since 1997, the scientific and theoretical *Journal of BSU. Sociology*, and in 2000 the Belarusian Sociological Society began to function, a branch of the Department of Sociology of the Belarusian State University was opened at the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus. The traditions of previous generations, laid down by the leaders of the Belarusian sociological school, are gradually being transformed, taking into account the development of scientific, technological and informational and communicative progress, revising curricula and training programs for modern sociologists.

Keywords: philosophy of sociology, social philosophy, history of sociology, sociological research, Belarusian State University, philosophy of development.

Alexander N. Danilov – Corresponding Member of The National Academy of Sciences of Belarus, D.Sc. in Social Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of the Faculty of Philosophy and Social Science, Belarusian State University.

a.danilov@tut.by

<https://orcid.org/0000-0002-1190-4975>

For citation: Danilov A.N. (2021) Sociology at the Belarusian State University: Origins and Philosophy of Development. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 64, no. 5, pp. 31–44.
DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-31-44

Введение

Социология зарождалась в лоне позитивной философии как социальная физика. По рождению призвана «расколдовать» современное общество. Со времени возникновения «социология стремится догнать науки естественные и убежать от философии» [Подвойский 2011, 6].

Задача оказалась невыполнимой. В какой-то степени это – судьба науки, предметом которой является общество. Конечно, предмет в естественнонаучном и предмет в социальном знании кардинально различаются. Оказалось, что механически перенести систему точного измерения из естественных наук в социальные невозможно. Критерии точности у них разные, да и объекты несравнимы. Время исправило категоричность О. Конта в его

стремлении создать науку, позволяющую получать точное знание об обществе, чтобы приблизиться к естественным наукам и тем самым как можно дальше дистанцироваться от философии. Социология в своем развитии и утверждении как самостоятельной науки вобрала в себя все возможное от других наук и заняла свою нишу в пирамиде научных дисциплин. Социология, в отличие от философии, мыслит незнание на основе данных эмпирических исследований и анализа их результатов. Когда выстраивается каркас новой цивилизации, нет ясности относительно будущего, возникает потребность в философской рефлексии. Союз философии и социологии при этом неизбежен и дает хороший результат. Следовательно, говорить о полном разделении между социологией и философией не приходится. Интересен исторический путь признания социологии.

Истоки социологической науки и образования

Открывшийся в 1921 году в Минске Белорусский государственный университет (БГУ) стал колыбелью социологической науки и образования на территории Беларуси. Сразу была создана кафедра социологии и первобытной культуры (С.З. Каценбоген), началось преподавание социологии, активно шел процесс институционализации социологии. Е.М. Бабосов писал: «Одна из коренных особенностей становления социологической мысли в Беларуси состоит в том, что она уходит своими корнями в многовековую культуру белорусского народа, в традиции белорусского освободительного движения» [Бабосов 1998, 92–93]. Процесс институционализации социологии проходил через «расширение и совершенствование методологического и методического арсенала других наук, что было вызвано повышенным вниманием со стороны ученых (как и властей и различных социальных групп) к бурно развивавшимся уже с XIX века и в особенности в условиях революционных потрясений начала XX века общественным процессам. <...> ... этому содействовали и содействуют наработки других наук» [Яновский, Баранова 2007, 11].

Первые профессора БГУ были учеными-энциклопедистами в полном смысле этого слова. Практически каждый владел несколькими иностранными языками, имел «за плечами» учебу или преподавание в самых престижных университетах мира. Социологии повезло, поскольку преподавал этот предмет в БГУ С.З. Каценбоген (1889–1946). Он познавал данную науку, обучаясь в Петроградском психоневрологическом институте, где в 1911 году открыта первая в Российской империи кафедра социологии и где работали ведущие специалисты того времени – М.М. Ковалевский, Е.В. де Роберти, К.М. Тахтарев. В этот период социология как предмет преподавания и область научных ин-

тересов стала официально оформляться в самостоятельную научную дисциплину.

С.З. Каценбоген «проявил незаурядную революционную активность, что позволило ему занять высокое общественное положение в «новой Беларуси» и сделать карьеру советского чиновника от образования (именно он 11 июля 1921 года на торжественном заседании, проходившем в Гостеатре, выступил с инициативой послать приветственную телеграмму Ленину по случаю открытия БГУ). Но он вошел в историю БГУ и как первый профессор, уже 7 октября 1921 года приглашенный на факультет общественных наук читать «социально-экономические дисциплины» и «состоявший по кафедре социологии и первобытной культуры». Кроме конкретных социологических курсов «общей социологии» и «генетической социологии» С.З. Каценбоген читал курсы «пролетарской революции», «истории революционных движений», «истории социалистической мысли», «истории развития общественных форм» и т.п. [Яновский, Баранова 2007, 13]. Как пишут О.А. Яновский, Е.В. Баранова, «анализ большого количества документального материала по истории первых лет деятельности БГУ с точки зрения выявления “социологической составляющей” в учебном процессе и научных исследованиях убеждает, что эта составляющая была присуща в той или иной мере большинству общественно-гуманитарных дисциплин и наук» [Яновский, Баранова 2007, 17].

Молодой университет нуждался в помощи, не хватало собственных кадров, учебного оборудования, учебной литературы. Ощутимой была помощь РСФСР, устанавливали «живую связь с границей». В докладе «О состоянии и проблемах БГУ», с которым заместитель Наркомпроса Советской Социалистической Республики Белоруссии (ССРБ) С.З. Каценбоген выступил 25 августа 1922 года на заседании Совета народных комиссаров (СНК) Беларуси, отмечалось: «Профессора уже съезжаются, но мы не имеем возможности их разместить, т.к. те квартиры, которые были представлены нам номинально, фактически в нашем распоряжении еще не имеются и этот вопрос у нас обстоит очень тяжело» [Доклад заместителя Наркомпроса... 2019, 42–43]. Работать продолжали, несмотря на трудности. В 1923 году опубликован первый в республике курс по социологии [Каценбоген 1923]. Огромный вклад в развитие социологических исследований и становление социологического образования внесли профессора В.И. Пичета, С.З. Каценбоген, В.Н. Ивановский, С.Я. Вольфсон, С.М. Василейский. Конечно, представления о социологии указанного периода резко отличались от современных: данная наука носила в значительной степени теоретический, историко-философский характер.

Представления о современном обществе рассматривали через социальный анализ проблем экономического развития, труда. Много времени уделяли изучению истории и культуры, семьи и брака. Актуальным был вопрос о том, где и в какой сфере использовать в дальнейшем подготовленных в университете специалистов. В основном на таком факультете готовили учителей для школ, где был дефицит грамотных кадров.

В конце 1920-х – начале 1930-х годов грянули репрессии, отразившиеся и на социологии, которая все чаще входила в противоречие с идеологическими установками новой власти. Кафедра социологии и первобытной культуры в БГУ была закрыта, из учебных планов исключены курсы генетической социологии. В послереволюционное время «социология скорее была постепенно изжита, “вымыта” из корпуса обществоведения в силу жестких рамок становления идеологии, теории и практики советского строительства; функции социологии передавались марксистско-ленинской философии и другим социально-гуманитарным наукам – экономике, истории, правоведению, этнологии и даже филологии» [Козлова 2016, 106].

Парадоксальность возрождения социологии

Возрождение социологической науки и образования началось по решению партийных структур в БГУ и Академии наук. Возникла парадоксальная ситуация, когда формально социология существовала, но специалистов нигде не готовили. Только в 1967 году в БГУ создана Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований (ПНИЛСИ) [Проблемная... 2017], где стали изучать проблемы студенческой молодежи, эффективности воспитательной работы, т.е. проблемы, существующие в социальной жизни, развивали международные научные связи, переводили иностранную научную литературу по социальным наукам.

В 1973 году Г.П. Давидюк по приглашению ректора БГУ В.М. Сикорского перешел в университет, где он стал признанным лидером возрождения социологии в Беларуси. Ж.Т. Тощенко писал: «По моему личному восприятию, здесь очень много сделал профессор Г.П. Давидюк, еще в 1979 году в издательстве “Вышэйшая школа”, в Минске он выпустил в свет один из первых учебников нового поколения “Прикладная социология”. Именно в этом учебнике Г.П. Давидюк сформулировал свое представление о функциях социологии, ее основных категориях, законах, которые были использованы шедшими за ним более молодыми исследователями. Эта книга примечательна еще двумя чертами: во-первых, в ней была сделана едва ли не первая попытка дать очерк современной советской социологии – ее трудов и их авторов за 60–70-е годы, и во-вторых, сформулированы

предложения и размышления, как построить учебный процесс (на примере Белорусского университета)» [Тощенко 1998, 3]. Далее Ж.Т. Тощенко отмечает: «Опыт обобщения теоретических поисков и прикладных исследований стал основой для еще одного крупного достижения белорусских социологов: под редакцией Г.П. Давидюка (составители А.Н. Елсуков, К.В. Шульга) в 1984 году вышел в свет “Словарь прикладной социологии” (Минск: Университетское, 1984; повторно он был переиздан в 1991 году). По сути дела, это был первый советский социологический словарь, вышедший в свет после официального признания социологии. Этот словарь появился раньше аналогичных изданий в Москве и Киеве и был сразу признан социологическим сообществом, стал помощником для тех, кто ориентировался на стезю социологии, пытался реализовать на практике конкретные социологические исследования, создавать первые учебные курсы по социологии» [Тощенко 1998, 3].

В 1974 году профессор Г.П. Давидюк (1923–2020) на философском отделении исторического факультета БГУ, где заведовал кафедрой марксистско-ленинской философии, на свой страх и риск решил осуществлять подготовку социологов в БГУ. Все, казалось бы, складывалось успешно. В срок состоялся первый выпуск специалистов в области прикладной социологии, которые были распределены на предприятия в качестве социологов. К началу 1980-х годов около двадцати человек обучались по специальности «Прикладная социология» в аспирантуре при кафедре.

Однако успешно начавшийся эксперимент вскоре был прерван. В частности, Г.П. Давидюк писал: «...наше хорошее начало по подготовке социологов в университетских аудиториях было остановлено диктаторским повелением “сверху”. В 1978 году советская делегация высшей школы выезжала в ГДР на совещание заведующих кафедрами общественных наук университетов Варшавского договора. От Белоруссии в делегацию входил я. На совещании-инструктаже перед отъездом в Министерстве высшего образования СССР заместитель Министра этого Министерства, он же – руководитель делегации Н.И. Мохов попросил каждого из членов делегации (нас было 19 человек) доложить, кто в какой секции будет работать и о чем будет говорить. Когда очередь дошла до меня, я сказал, что буду работать в секции социологии, собираюсь рассказать, как на философском отделении БГУ готовят социологов, какие проводятся социологические исследования и как эта работа увязывается с учебным процессом, Н.И. Мохов мгновенно вскочил и стал озлобленно кричать: “У нас нет социологии. Кто вам разрешил вести подготовку социологов в университете?”. Я спокойно ответил, что учебный план для такой подготовки нам утвердил первый заместитель Министра высшего

образования СССР Н.Ф. Краснов. У нас уже состоялось два выпуска специалистов, в дипломах которых записано “профессия – прикладной социолог”. Н.И. Мохов пообещал разобраться в этом деле. Через год в БГУ “нагрянула” министерская инспекторская проверка. Инспекция признала неправильной нашу запись в дипломе и предписала впредь делать такую запись “профессия – преподаватель общественных наук”. Так мы и делали до 1988 года, пока не признали социологию самостоятельной наукой» [Давидюк 2008, 96].

Интересен опыт работы сектора прикладной социологии при кафедре философии гуманитарных факультетов БГУ. Сектор был создан Г.П. Давидюком, и научно-исследовательскую деятельность он начал в 1974 году. Давидюк вспоминал: «С первых дней моей работы в БГУ ректор университета В.М. Сикорский ежегодно выделял неограниченный лимит на ведение хозяйственных социологических исследований. Для проведения этих исследований уже в 1974 году при кафедре был создан сектор прикладной социологии, научным руководителем сектора был назначен профессор Г.П. Давидюк, заведующим сектором – доцент И.Я. Писаренко, затем последовательно сектором руководили кандидаты наук: С.А. Шавель, Д.Г. Ротман. Количество заявок от предприятий на проведение хозяйственных исследований каждый год возрастало. К 80-м годам сектор проводит уже исследования на девяти крупнейших заводах Белоруссии, в том числе на таких промышленных гигантах, как Могилевское ПО “Химволокно”, Оршанский льнокомбинат. Годовая сумма выполняемых работ – 300 тыс. долларов. Ответственными исполнителями на этих предприятиях работали в то время доценты кафедры А.Н. Елсуков, И.Я. Писаренко, старшие научные сотрудники С.А. Шавель, Г.Н. Соколова, Д.Г. Ротман, А.И. Левко, А.П. Кацева, К.Г. Лапич и др.» [Давидюк 2008, 97].

В 1960–1970-е годы по примеру БГУ стали создавать социологические структуры во всех ведущих вузах республики. Работа сектора прикладной социологии в БГУ дала толчок развитию заводской социологии, когда в штаты крупных заводов, комбинатов и организаций вводили должность инженера-социолога. Социологам всегда приходилось непросто. Результаты социологических исследований, представленные в администрацию заводов, публикации социологов далеко не всем нравились. Работники администрации некоторых заводов обращались с жалобами в партийные органы на «субъективизм» социологов, отдельные заказчики даже расторгали договор с университетом о проведении исследований. Понимание значения социологии у власти пришло слишком поздно, когда уже ничего не могло спасти развал СССР

и советского строя. Возможно, в качестве покаяния при советской власти успели принять решение об открытии социологических факультетов и отделений в ведущих университетах страны. В 1989 году в БГУ открыты отделение социологии и кафедра социологии (первый заведующий кафедрой – профессор А.Н. Елсуков) [Кафедра социологии... 2014]. В момент открытия на кафедре, помимо А.Н. Елсукова, работали доценты В.Л. Абушенко, А.П. Лимаренко, И.Я. Писаренко, докторант Л.Г. Титаренко. По мере развития отделения социологии увеличивался и штат сотрудников кафедры, где в разное время трудились известные белорусские ученые Г.П. Давидюк, Е.М. Бабосов, П.П. Украинец, Л.А. Гуцаленко, Г.Н. Соколова, С.Н. Бурова, А.И. Левко, О.Т. Манаев, Л.Г. Новикова, О.В. Терещенко и др. Сегодня кафедра социологии располагает высоким научным потенциалом. Обеспечивается преемственность, работают ведущие специалисты разных поколений, лучшие социологические силы страны.

Время изменялось, требовало новых форм организации. В этот период «птенцы из гнезда Г.П. Давидюка» оказались на высоте. Стали активно развиваться международные связи, появились первые негосударственные исследовательские структуры, социология широко преподается в университетах страны. Нельзя не отметить активность Д.Г. Ротмана, С.Н. Буровой, О.Т. Манаева, С.В. Лапиной, А.П. Лимаренко, Ж.М. Грищенко, Л.Г. Титаренко и др.

Социология в суверенной Беларуси

Распад СССР обострил социальные проблемы в бывших союзных республиках. Для образования и науки наступили непростые будни. Терялись наработанные ранее научные связи, рушилась межвузовская, научная интеграция. При этом социологи БГУ активно включились в исследование новых проблем жизни белорусского общества. Были значительно расширены объем и тематика исследований, связанных с процессами трансформации постсоветского мира, укоренением белорусской государственности, изменением ценностных ориентаций различных социальных групп населения республики, особенностями их социализации, идентификации.

Существенно трансформированы структура социологического образования и инфраструктура научных подразделений. Приоритет, как и прежде, был за социологическими структурами БГУ и Институтом социологии НАН Беларуси. На месте расформированного ПНИЛСИ БГУ в конце 1996 года по инициативе профессора Д.Г. Ротмана создан Центр социологических и политических исследований, который своими работами сегодня известен во всем мире, выполняет большое количество иностранных грантов, участвует

в самых престижных мировых проектах. В 1997 году вышел первый номер научно-теоретического журнала «Социология» (с 2017 года – «Журнал БГУ. Социология»). В соответствии с традицией Советской социологической ассоциации в 2000 году возрождено Белорусское общественное объединение «Социологическое общество», открывают филиалы кафедры социологии БГУ в научных учреждениях страны. В 2003 году сотрудниками БГУ совместно с Институтом социологии НАН Беларуси подготовлена, а затем издана первая отечественная «Социологическая энциклопедия», в полной мере отвечающая современному уровню социально-гуманитарного знания и основным задачам социологического образования; подготовлено новое поколение учебной и методической литературы: «Социология», «История социологии», «Современная западная социология», «Социология управления», «Социология религии», «Социология брака и семьи», «Экономическая социология», «Гендерная социология», «Социология политики» и др.

Социологи БГУ постоянно готовят индивидуальные и коллективные монографии, печатаются в ведущих мировых изданиях. Центром социологических и политических исследований БГУ издаются серии книг «Актуальные проблемы современного белорусского общества» и «Ценностный мир современного человека». Сотрудники кафедры печатаются в общеуниверситетских сериях «Классический университетский учебник», «Память и слава», «Кафедра социологии». Постоянно выходят совместные работы, в которых участвуют представители других наук, научных и учебных организаций. Например, «Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию академика В.С. Степина» [Синтез философии... 2014], «Философское творчество в социокультурной проекции: к 80-летию академика В.С. Степина» [Философское творчество... 2014], «Современный социум в мире глобальных перемен: к 85-летию академика Е.М. Бабосова» [Современный социум... 2016], «Особенности становления и развития белорусского государства: социологический анализ» [Особенности становления... 2018], «Современное белорусское общество: социологическое прочтение» [Современное белорусское общество... 2018], «Социальные технологии XXI века: теория и практика» [Социальные технологии... 2019], «Особенности трансформации информационного поля Республики Беларусь в современных условиях: социологический анализ» [Бузовский и др. 2020], «Современный социум: перспективы развития и риски» [Современный социум... 2020], «Цифровой город: новый социальный транзит» [Цифровой город... 2021] и др.

В БГУ на современном этапе подготовка профессиональных социологов построена на базе лучших традиций высшей школы,

главный акцент сделан на практико-ориентированную подготовку будущих специалистов, освоение студентами фундаментальных дисциплин. Введена специализация по таким направлениям, как методология и методы социологических исследований, теория, методология и история социологии, социология управления, социология культуры, экономическая социология, теоретическая социология, социология образования и молодежи. Введен значительный блок философских дисциплин, дисциплин по экономической теории и высшей математике. В соответствии с действующим образовательным стандартом социологию преподают во всех университетах страны и на всех факультетах.

По итогам завершившегося процесса институционализации социологии к середине 1990-х годов можно заключить, что сегодня данная наука особенно востребована. Правительственные и неправительственные организации, коммерческие структуры заинтересованы в результатах социологических исследований. Их внимание привлекают вопросы изучения своего электората, оценки управленческих решений, тенденций изменения общественного мнения в стратегических направлениях развития, отношения к СМИ, эффективности рекламы и др. Компьютеризация социологических исследований, развитие современных информационных технологий позволили во многом усовершенствовать систему сбора и обработки социологических данных, разработать в Центре социологических и политических исследований БГУ методологию оперативных социологических исследований (Д.Г. Ротман). В БГУ открыта аспирантура и докторантура по социологическим наукам, широко востребованы специалисты-социологи, выпускники социологического отделения университета.

В условиях глобальной нестабильности и поиска ответов на вопросы, появляющиеся с учетом новых рисков, постоянно расширяется исследовательское поле для социологов. Причем возникают потребности в междисциплинарном синтезе, включении в научные проекты представителей смежных дисциплин. Актуальны по-прежнему проблемы трансформации общества, выстраивания модели социально-экономического развития, адекватного высоким стандартам жизни; изучения электорального поведения, факторов воздействия на поведенческие установки различных социальных групп среди населения страны. Большого внимания требуют исследования экологических проблем, связанных с последствиями Чернобыльской катастрофы, глобального потепления, возникновения пандемий; вопросов защиты населения, сохранения здоровья и безопасности жизни. Суверенный статус страны иначе поставил вопрос национальной безопасности, идентичности, культуры, языка.

Заключение

Несмотря на трудности, связанные со становлением социологии, вопреки преградам, социология в БГУ развивается, входит в новую жизнь новое поколение ученых и студентов, которые в полной мере отвечают требованиям эпохи, ее вызовам и рискам. Новое поколение ученых внимательно исследует, применяет в работе опыт и научные достижения предшествующих поколений ученых, стоящих у истоков ее создания. Прав профессор А.Н. Елсуков, утверждая, что «...белорусская социологическая школа активно заявляет о себе фундаментальными и прикладными исследованиями, участием на международных конференциях, разветвленной сетью социологических служб, подготовкой молодых специалистов высокого класса и вносит существенный вклад в развитие социологии – одной из важнейших наук современного общества» [Елсуков 1998, 11]. Традиции, заложенные в период возрождения социологии лидерами белорусской социологической школы, постепенно трансформируются с учетом движения вперед научно-технологического и информационного-коммуникативного прогресса, оставаясь своеобразными маяками развития. Время дополняет их свежим опытом, обновляет содержание, создавая условия для преодоления препятствий на историческом пути.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бабосов 1998 – *Бабосов Е.М.* Социология. Часть первая. Общая социологическая теория: учебное пособие. – Минск: Дизайн ПРО, 1998.

Бузовский и др. 2020 – *Бузовский И.И., Карлюкевич А.Н., Посталовский А.В., Ротман Д.Г.* Особенности трансформации информационного поля Республики Беларусь в современных условиях: социологический анализ. – Минск: Вышэйшая школа, 2020.

Давидюк 2008 – *Давидюк Г.П.* Беларусь: в муках и страданиях родилась социология // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 93–99.

Доклад заместителя Наркомпроса... 2019 – Доклад заместителя Наркомпроса ССРБ С.З. Каценбогена о состоянии и проблемах БГУ на заседании СНК Белоруссии в рамках обсуждения вопроса о деятельности и плане работы Наркомпроса ССРБ. г. Минск. 25 августа 1922 года // Память и слава: Соломон Захарович Каценбоген. К 130-летию со дня рождения / под ред. А.Г. Кохановского, О.А. Яновского, А.Н. Данилова. – Минск: БГУ, 2019. С. 38–43.

Елсуков 1998 – *Елсуков А.Н.* Социологическая мысль Беларуси: становление и этапы развития // Социологические исследования. 1998. № 9. С. 5–11.

Кафедра социологии... 2014 – Кафедра социологии БГУ: история и современность. К 25-летию создания / под ред. А.Н. Данилова – Минск: БГУ, 2014.

Каценбоген 1923 – *Каценбоген С.З.* Белорусский государственный университет за 1922–1923 академический год (итоги и перспективы) // Труды БГУ. 1923. № 4–5. С. 230–281.

Козлова 2016 – *Козлова Л.А.* Послереволюционная российская социология: неудавшаяся попытка советизации // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 105–113.

Особенности становления... 2018 – Особенности становления и развития белорусского государства: социологический анализ / под общ. ред. А.Н. Данилова. – Минск: БГУ, 2018.

Подвойский 2011 – *Подвойский Д.Г.* Языки социологии: многоголосие или какофония? // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 3–9.

Проблемная... 2017 – Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований Белорусского государственного университета (ПНИЛСИ БГУ): к 50-летию создания / под общ. ред. А.Н. Данилова. – Минск: БГУ, 2017.

Синтез философии... 2014 – Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию академика В.С. Степина / под ред. А.Н. Данилова. – Минск: БГУ, 2014.

Современное белорусское общество... 2018 – Современное белорусское общество: социологическое прочтение / под общ. ред. А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. – Минск: БГУ, 2018.

Современный социум... 2016 – Современный социум в мире глобальных перемен: к 85-летию академика Е.М. Бабосова / под ред. А.Н. Данилова. – Минск: Беларуская навука, 2016.

Современный социум... 2020 – Современный социум: перспективы развития и риски / под ред. А.Н. Данилова, А.К. Мамедова. – Минск: РИВШ, 2020.

Социальные технологии... 2019 – Социальные технологии XXI века: теория и практика / под ред. А.Н. Данилова. – Минск: БГУ, 2019.

Тощенко 2008 – *Тощенко Ж.Т.* Знаменательное событие // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 3–4.

Философское творчество... 2014 – Философское творчество в социокультурной проекции: к 80-летию академика В.С. Степина / под ред. А.Н. Данилова. – Минск: Право и экономика, 2014.

Цифровой город... 2021 – Цифровой город: новый социальный транзит / под ред. А.Н. Данилова, А.К. Мамедова. – Минск: РИВШ, 2021.

Яновский, Баранова 2007 – *Яновский О.А., Баранова Е.В.* Истоки университетской социологии в Беларуси: архивные факты и размышления историков // Социология. 2007. № 4. С. 10–20.

REFERENCES

Babosov E.M. (1998) *Sociology. Part One. General Sociological Theory*. Minsk: Dizayn PRO (in Russian).

Buzovsky I.I., Karlyukevich A.N., Postalovsky A.V., & Rotman D.G. (2020) *Features of the Transformation of the Information Field of the Republic of Belarus under Modern Conditions: A Sociological Analysis*. Minsk: Vysheyshaya shkola (in Russian).

Danilov A.N. (Ed.) (2014a) *Department of Sociology of BSU: History and Modernity. On the 25th Anniversary of Creation*. Minsk: BSU (in Russian).

Danilov A.N. (Ed.) (2014b) *The Synthesis of Philosophy, Science, Culture. On the 80th Anniversary of Academician V.S. Stepin*. Minsk: BSU (in Russian).

Danilov A.N. (Ed.) (2014b) *Philosophical Creativity in Socio-Cultural Projection: On the 80th Anniversary of Academician V.S. Stepin*. Minsk: Pravo i ekonomika (in Russian).

Danilov A.N. (Ed.) (2016) *Modern Society in the World of Global Changes: On the 85th Anniversary of Academician E.M. Babosov*. Minsk: Belaruskaya navuka (in Russian).

Danilov A.N. (Ed.) (2017) *Problem Research Laboratory of Sociological Research of Belarusian State University: to the 50th Anniversary of Foundation*. Minsk: BSU (in Russian).

Danilov A.N. (Ed.) (2018) *Features of the Formation and Development of the Belarusian State: A Sociological Analysis*. Minsk: BSU (in Russian).

Danilov A.N. (Ed.) (2019) *Social Technologies of the 21st Century: Theory and Practice*. Minsk: BSU (in Russian).

Danilov A.N. & Mamedov A.K. (Eds.) (2020) *Modern Society: Development Prospects and Risks*. Minsk: RIVSH (in Russian).

Danilov A.N. & Mamedov A.K. (Eds.) (2021) *Digital City: A New Social Transition*. Minsk: RIVSH (in Russian).

Danilov A.N. & Rotman D.G. (Eds.) (2018) *Modern Belarusian Society: A Sociological Reading*. Minsk: BSU (in Russian).

Davidyuk G.P. (2008) Belarus: Sociology was Born in Pain and Suffering. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 6, pp. 93–99 (in Russian).

Elsukov A.N. (2008) Sociological Thought in Belarus: Formation and Stages of Development. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 6, pp. 5–11 (in Russian).

Katzenbogen S.Z. (1923) Belarusian State University for the Academic Year 1922–1923 (Results and Prospects). *Proceedings of BSU*. No. 4–5, pp. 230–281 (in Russian).

Katzenbogen S.Z. (2019) Report of S.Z. Katzenbogen. In: Kokhanovsky A.G., Yanovsky O.A., & Danilov A.N. (Eds.) *Memory and Honor: Solomon Zakharovitch Katzenbogen. On the 130th Anniversary of His Birth* (pp. 38–43). Minsk: BGU (in Russian).

Kozlova L.A. (2016) Post-Revolutionary Russian Sociology: A Failed Attempt at Sovietization. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 12, pp. 105–113 (in Russian).

Podvojskij D.G. (2011) The Languages of Sociology: Polyphony or Cacophony? *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 5, pp. 3–9 (in Russian).

Toshchenko Z.T. (2008) Significant Event. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 6, pp. 3–4 (in Russian).

Yanovsky O.A. & Baranova E.V. (2007) The Origins of University Sociology in Belarus: Archive Facts and Reflections of Historians. *Sotsiologiya*. No. 4, pp. 10–20 (in Russian).

**Культурные трансформации
и социальные технологии XXI века**

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-45-56

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

**Антропологический кризис
в социальных реалиях XXI столетия**

А.Д. Король

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Аннотация

Статья посвящена анализу современного антропологического кризиса в контексте различных социальных феноменов. Выявляются ключевые особенности этого кризиса, а также раскрываются его причины. Автор обращается к таким философским и общенаучным категориям, как время, пространство, счастье, мотивация и др., для выражения представлений о сути данного кризиса. Ставится вопрос о потере человеком собственной сущности в ускоряющемся и поляризирующемся мире, диалектическом антагонизме, противоречии между своим и чужим. Содержится критика общества потребления, современных форм консьюмеризма и либерального мировоззрения. Написанная в жанре эссе статья подводит читателя к ряду вопросов. Как и почему происходит утрата и обретение человека, его смыслов? Какую роль в этом играют слова и молчание? Кто побеждает в экзистенциальной гонке «человек vs общество»? Автор утверждает, что человек не видит своего абсолюта, поскольку его расширяющееся внешнее пространство сужает пространство внутреннее. Расслоение внутреннего и внешнего пространства, которое целесообразно понимать как следствие потери контакта с реальностью, и является причиной лжи, насилия и агрессии. Либерализм – форма мировоззрения – трактуется диалектически, как противоположность рабству, сохраняющая его изначальные пороки. В статье показано, каким образом прогресс может привести к хаотизации социальной жизни. Выделено три типа личности: директивный, демократический и либерально-попустительский. Сделан вывод о том, что именно последний тип личности формирует непреодолимую границу между внешним и внутренним миром. Подобного рода разрыв является источником нарастающего социального и психологического хаоса. В заключительной части поднимается проблема возможности счастья в современных социальных условиях.

Ключевые слова: философская антропология, социальная философия, социальный прогресс, социальный кризис, либерализм, консюмеризм.

Король Андрей Дмитриевич – доктор педагогических наук, профессор, иностранный член Российской академии образования, ректор Белорусского государственного университета.

korol_ad@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0001-9971-1774>

Для цитирования: *Король А.Д.* Антропологический кризис в социальных реалиях XXI столетия // *Философские науки.* 2020. Т. 64. № 5. С. 45–56.

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-45-56

Anthropological Crisis in the Social Realities of the 21st Century

A.D. Korol

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract

The article examines the modern anthropological crisis in the context of various social phenomena. The author identifies key features of this crisis and reveals its causes. The article, addressing such philosophical concepts as time, space, happiness, motivation, analyzes the theories on the essence of this crisis. The author discusses the issues of self-alienation in an accelerating and polarizing world, of dialectical antagonism, of contradiction between the Self and the Other. The article critically analyzes the modern forms of consumerism, the consumer society, and the liberal worldview. Written in the essay form, the article poses the questions to the reader: How and why does man lose and acquire his meanings? What role do words and silence play in that? Who wins in the existential race “man versus society”? The author argues that a person does not see his absolute, since his expanding outer space narrows the inner space. The stratification of internal and external space (which is advisable to understand as a consequence of the loss of contact with reality) is the cause of lies, violence, and aggression. Liberal form of worldview is interpreted in a dialectical form: as the opposition of slavery, preserving its original vices. The article demonstrates how progress can lead to chaos in social life. Distinguishing three types of personality (directive, democratic, and liberal-permissive), it is concluded that the latter type of personality forms a border between the external and internal world. This kind of gap is the source of growing social and psycho-

logical chaos. The concludes with a discussion of the possibility of happiness in modern social conditions.

Key words: philosophical anthropology, social philosophy, social progress, social crisis, liberalism, consumerism.

Andrey D. Korol – D.Sc. in Pedagogy, Foreign Member of the Russian Academy of Education, Rector of the Belarusian State University.

korol_ad@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0001-9971-1774>

For citation: Korol A.D. (2020) Anthropological Crisis in the Social Realities of the 21st Century. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 64, no. 5, pp. 45–56.

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-45-56

Введение

«Последний римлянин», «последний самурай»... Слово «последний» нравится зрителю, оно будоражит воображение, эмоции. Сегодня очевидна актуальность использования слова «последний», поскольку применить его можно к самому человеку. О чем идет речь? О катастрофе. Но не об экологической, хотя для этого сделано немало. Речь идет об *антропологической катастрофе*.

Современный мир представляет собой растревоженный улей. С 1900 по 2000 год население Земли увеличилось почти в четыре раза: с 1,6 до 6,1 миллиарда человек. В 2011 году оно достигло семи миллиардов, и, согласно сценарию ООН, численность населения поднимется до отметки в восемь миллиардов уже к 2025 году, девять миллиардов – к 2043 году, десять миллиардов – к 2083 году. Возможно, этого не случится. Конечная цифра зависит от показателей фертильности, а также войн, пандемий, катаклизмов и еще ряда факторов [Уотсон 2015, 36].

Подобный резкий в геометрической прогрессии, т.е. в разы, рост информации, в свою очередь, вызовет еще большие объемы коммуникаций. Круг замыкается: мы имеем дело со стремительно набирающим силы маховиком истории, в которой каждый последующий период короче по своей содержательной наполненности событиями в несколько раз, чем предыдущие. Если время Античности длилось несколько тысяч лет, то эпоха Средних веков – тысячу лет, Новое время – триста лет. Благодаря росту информации и коммуникаций происходит расширение внешних границ человека: человек может проявлять свое присутствие одновременно в разных местах, за тысячи километров от места его нахождения, общаться с разными людьми одновременно. Хотя

еще Платон обращал внимание на то, что одновременное общение со многими собеседниками – сложное занятие.

Противоречия современного мира

Сегодня стираются привычные границы между жизнью и смертью, знаниями человека и человечества в целом. Очевидным становится противоречие между стремлением человечества к *счастью* и расширением его внешних пределов, минимизацией неудобств и каких-либо препятствий. Дверцы счастья открываются изнутри, а не снаружи, поскольку смыслы находятся внутри человека. Однако, чтобы «прийти к себе», понять свою сущность и ее потребности, требуется преодолеть как навязанные извне потребности, так и собственные страсти.

Расширенный технологическими возможностями человек вырос до немыслимых ранее размеров. Однако расширение всегда порождает две вещи: доступность внешнего и разрежение внутреннего содержания, которое обычно именуют внутренней пустотой. *Доступность* – сомнительная добродетель, играющая роль входного билета в клуб носителей *потерянных смыслов и желаний*. В этом заключается суть проблемы человека сегодняшнего дня. Если объем какого-либо понятия растет и детализируется, то его содержание обычно стремится к нулю. Увеличивая объемы удовольствий при восхождении на Олимп человеческих потребностей, мы неизбежно теряем интеллектуальное и этическое содержание, а также ценности. Расширение внешних пределов человека, благодаря изобретению письменности и копированию на расстояние, привело массового человека к стадии молчания, когда сказать своего нечего, легковесным вымыслом и потере слуха как способности слышать себя и Другого [Король 2020a].

У человека все меньше *внутреннего пространства* («своего») и все больше чужого – «внешнего», а потому одинакового [Король 2021]. То, что напишут или покажут СМИ, и есть истина в восприятии большинства. Сократ с искусством видеть вещи с двух противоположных сторон остался в далеком прошлом.

Становится понятно, что потраченная энергия восхождения в гору счастья и бессмертия не дает искомого результата. Точнее, уместно говорить об обратном результате. Растущее потребление энергии на одного человека прямо пропорционально числу суицидов и обратно коэффициенту счастья [Харари 2020]. Объемы потраченной человечеством энергии пропорциональны *объемам растущей информации и множасьихся удовольствий*.

Рост энергии потребления и уровня жизни, а также суицидов свидетельствует о потере *смыслов. Скорости и смыслы не согла-*

суются друг с другом. Смыслов на планете все меньше, равно как и думающих людей. Увеличивая мировой ВВП, мы увеличиваем скорости, которые мешают вдумчивому и неспешному созерцанию. Скорости в нашей жизни не просто заместили внутреннее пространство, но и породили новую внешнюю реальность – искусственный интеллект. Робототехника – суррогат скоростей, количество операций в единицу времени – переход из левого полушария в правое, попытка обрести образ. Специалисты, работающие на увеличение скоростей и комфорта, и специалисты, открывающие человека, – вот две когорты нового мирового порядка, которые будут являться результатом подготовки в университетах будущего.

Скорость сжимает внутреннее пространство подобно тому, как скорость движущейся элементарной частицы всегда уменьшает длину ее волны. Выигрывая в скорости, мы проигрываем времени и пространству внутри нас. *Внутренне пространство* человека сузилось подобно тому, как это делает пустой желудок. Это внутреннее пространство и есть хронотоп бытия человека, т.е. внутренние формы слов, действия, образов, которые определяют путь человека и отличают его от других [Автономова 2008]. Это пространство постоянного изменения человека – выхода за свои пределы.

Сегодня наблюдается глобальный кризис либеральной модели, происходит потеря смыслов развития человечества. Причина потери смыслов развития человечества – в одинаковости массовых людей. Смыслы рождаются на границе разнородных элементов: при условиях для содержательного диалога, при обращении к своим границам и в результате – обращении к своему «я». Именно в разнородности покоится ключ к развитию и жизни как таковой. Одинаковость есть признак смерти. Одинаковость выступает причиной подражания – двигателя истории [Тард 2011], т.е. суммы невыявленных возможностей людей. Одинаковость людей есть мера стремительности истории и потери человека.

Замедление роста индивидуальности и выразительности человека по мере восхождения человечества вверх, к счастью, сродни котлу, который *закрыли наглухо крышкой*. Отсутствие роста определяет падение и разрастание. Чем больше одинаковости и невыразительности, тем больше движения вниз, в тень, на арену для состязания, в самовыражение инстинктов. Одинаковость означает отсутствие сравнения. Зеркало, которое подскажет, кем человек не является. Одинаковое большинство – отсутствие роста новых смыслов, идей и вопросов.

Самовыражение одинакового человека направлено всегда вниз, к инстинктам, в темноту, оно означает забег по ту сторону соци-

альности. Вниз, т.е. к агрессии и социальной глухоте, неспособности видеть и слышать другое.

Чем больше человек восходит в гору счастья и бессмертия, тем больше *агрессии и насилия он проявляет*. Агрессия и насилие, как правило, живут там, где нет места развитию. По сути это происходит в тех случаях, если нет общения между людьми. Насилие и агрессия проявляются там, где наблюдается изоляция одного человека от другого. Миссия нашего внутреннего пространства – обладание смыслом. И там, где он есть, существует способность слышать себя и другого человека. Человек перестает общаться, и это – плата за восхождение в гору счастья.

Переступив порог Рая, Человек стремится к легкости в быту, общении. Счастье видится в ощущении *легкости*, безмятежности, отрицающей ответственность личности. Это – долгий путь домой, в родовое состояние Дома, райское по своей сути. Античный человек счастлив, поскольку понимает, что его жизнью руководят небожители. Сбросить с себя бремя, которое содержится внутри, и стать частью всеобщего – значит обрести абсолютную легкость и свободу. Суть этого бремени – отличие одного человека от другого, ответственность за свои решения.

Такая легкость становится возможной благодаря другим людям. Охотник-варвар не может позволить себе ничего лишнего и надеется на себя. Общество дает возможность человеку расширять свои желания и удовлетворять их. Человек стремится к легкости, удовольствиям, а значит, к заблуждениям. В итоге легкость вытесняет истину из матрицы коммуникаций, а одного человека отделяют от другого пустоты внутреннего содержания. Внутри матрицы – иллюзии. Это – иллюзии знания, когда человеку кажется, что он знает то, что знают другие. Это – иллюзия времени: если человек хочет быть внутри матрицы коммуникаций, то матрица создает ему условия, чтобы он постепенно ускорял свои действия и расширял количество их типов.

Коммуникации как отсутствие подлинного общения рождают гигантский *вымысел* [Емелин 2013]. Почему античный герой обречен не победить свой Рок? Невозможно победить *пустоты*. Стена, непреодолимая для силы на поверку, оказалась *пустотой*. В этом и есть секрет стены, равно как и того, что Рок содержится внутри человека. Что бы мы ни делали, мы всегда описываем себя.

Пандемия коронавируса показала, что массовый человек не готов отказаться от коммуникаций, раздвигающих и/или напрочь отрицающих границы. Но именно коммуникация расширяет человека, лишая его внутренних смыслов и общения. Восхождение на Олимп счастья *искажает* реальность, что свидетельствует о гигантских масштабах искажения потребностей человека

[Перлз 2000]. Человек не способен на молчание, которое обращает его к самому себе, своему внутреннему учителю [Король 2019].

Внутреннее пространство есть учитель сам по себе, даже если человека окружают не только люди, но и ситуации, различные события, из которых следует извлечь уроки. Извлечем ли мы данный урок, увидим ли в этом элемент обучения, как в любой жизненной ситуации, – будет определяться нашей способностью иметь учителя внутри себя, во внутреннем пространстве. Отсутствие пространства означает потерю внутреннего и внешнего учителя, способного указать путь к себе. Учитель всегда указывает на препятствия, преодолев которые можно встретить свое «я». Более того, любой учитель и есть одно из препятствий на пути к счастью, какой бы парадоксальной не была эта мысль. Действительно, внять учению означает увидеть возможность выхода за собственные пределы, преодолеть препятствие на пути к своей самости.

Путь к себе всегда тернист и сложен, он заключается в преодолении своих желаний. Желания искажают реальность, порождая вымысел. Путь к себе заключается еще и в усилиях духа для выхода за *свои пределы*: следует познать себя, посмотреть на себя со стороны. Тем самым *спуск к своему «я» в какой-то момент оказывается восхождением на свои вершины*.

Счастье в мире хаоса

Восхождение в гору счастья оказывается спуском к хаосу, конвертацией внутреннего во внешнее, цельного во множественное. По сути, такая конвертация становится растратой. Все, что может быть упаковано и продано в этом смысловом пространстве, является мерой хаоса.

Истоки хаоса лежат в уходе от линейного развития к ризоматическому. Сегодня формируется не просто клиповое мышление или IT-зависимость. Скорее, речь идет о человеке расширенном – ризоме [Делез 1996]. Ризома – это форма жизни. Она объясняет причину экспоненциального разрастания объемов информации. Линейная модель не может обеспечить такого роста.

Понятие ризомы полезно и для объяснения того факта, что ни один фантаст не предсказал изменения, происходящие в настоящее время. Хотя в свое время Жюль Верн, например, предсказал появление подводной лодки или возможность путешествовать на воздушном шаре. Почему? Потому что трудно преодолеть или предсказать ризому.

Хаос всегда соседствует с массовостью и скоростями изменений. По мере приближения человечества к вершинам счастья поток людей-альпинистов становится более массовым и быстрым. Скорость подъема и массовость усиливают друг друга. Больше

количество «массовых» людей порождает большое число волн, «подражаний», ускоряя историю, историю, в которой все больше вымысла. Это порождает вопрос о том, делает ли приближение к вершине счастья искомую цель действительно более ощутимой.

Существует много утверждений о подобии законов природы и законов развития общества. В частности, известен закон о соотношении филогенеза и онтогенеза, суть которого заключается в том, что человек в ходе своего развития повторяет развитие определенных эпох биологической эволюции.

В мире существует *четыре вида взаимодействия*: гравитация, слабое взаимодействие, электромагнитное и сильное. Сильное взаимодействие названо так потому, что оно определяется притяжением нуклонов, т.е. частиц, которые находятся внутри ядра, в первую очередь это – протоны. Оно самое сильное. Чем больше протонов, тем сильнее притяжение. Однако на определенном этапе, когда количество протонов оказывается больше критического количества, происходит преобладание кулоновских (электрических) сил отталкивания. Электромагнитное взаимодействие, будучи слабее сильного на очень малых расстояниях, выигрывает в дальности, поскольку убывает на больших расстояниях в значительно меньшей степени, чем силы внутри ядра. Эти силы также называют «богатырем с короткими руками». В данном случае говорится о противоборстве между сильным и электромагнитным взаимодействием внутри ядра. Для демонстрации сути этой силы можно вспомнить известную сказку «О рыбаке и рыбке». Жадность старухи, неумной в своем стремлении к богатству, в итоге приводит к тому, что возвратившийся домой старик видит ее у разбитого корыта. В данном случае нельзя не провести параллель с «жадностью» ядра, которому требуется все больше и больше сил, а значит, и протонов. В результате ядро распадается благодаря силам отталкивания.

Подобное наблюдается в современной либеральной теории экономического роста. Рост экономики и материальных благ имеет по своей форме много общего с законом сильного взаимодействия внутри ядра. Поддержание социальных стандартов требует постоянного экономического роста. Что же выступает в качестве аналога кулоновских сил отталкивания в гуманитаристике? Это – внутреннее пространство человека.

Мир *перевернут*, а потому не спуск, а восхождение в гору представляется более скоростным и необратимым. Восхождение в гору требует все большего напряжения. За отказ от покоя человечество платит экзистенциальными страхами, стрессами: человек пытается изменить свои пределы. *Тревога и патология – это спутники расширенного человека и утрачиваемого счастья*. Приведем строку

из знаменитого японского стихотворения XIII века н.э.: «Хочется, чтобы наш мир не менялся, как след рыбацкой лодки, плывущей вдоль берега» [Сто стихотворений... 2003]. В ситуации, когда прошлое становится мечтой, присутствует отражение *перевернутости* мира, поскольку мечтами люди наполняют только будущее.

Массовые явления порождают нелинейные процессы во всех сферах жизни, создают неоднородности, оказывают давление на внутренний хронотоп человека. Переполнение информацией – колоссальный стресс, пагубное влияние на основные когнитивные психические процессы. У инфорга (информационный организм) нет *памяти*. Память – это то, что есть здесь и сейчас. Завтра будут другие сюжеты СМИ, будет другая память. Нет внутреннего пространства.

Посты в социальных сетях – крик *одиначества*, а количество постов – его мера. Человек описывает все, потому что одинок и одинаков с другими. Одиначество – мера одинаковости, шаблонов, и наоборот.

Счастье – в общении без барьеров, когда бытие человека превращается в бытие с другими. Для общения без барьеров нужно базовое условие – *одинаковая скорость*. У каждого человека свое время, а значит, и свое знание, свои ценности [Король 2020б], свои скорости внутреннего бытия, проецируемые на скорости внешнего общения с миром. Одинаковое время – это отсутствие барьеров и молчания.

Внутри человека заключено не просто знание, а знание себя, а потому знание мира, ведь микрокосм подобен макрокосму. Внутри заключена судьба как осознание своей нужности и необходимости. *Необходимость* – это череда действий, сюжетов, скрытых от лица, сталкивающегося с конкретной ситуацией. Мы не видим всех первопричин того или иного события, не видим *пространства*, замысла. Мы действуем, соприкасаясь с реальностью, как будто обладаем всезнанием. Но наши знания ограничены. В этом состоит расхождение между неполнотой знания и необратимостью действия. В этом заключена трагедия судьбы. Любое действие имеет несовершенные плоды, т.к. оно отражает несовершенство знания. Рассуждение всегда ограничено одной линией, одной прямой. Знание сферично, оно цельно. Рассудительный человек опасен, он не видит всей сферы, всего мира вокруг, действует так, как будто бы знает все.

Человек не видит своего абсолюта, поскольку его расширяющееся внешнее пространство сужает пространство внутреннее. Знание человека ничтожно, и трагедия царя Эдипа это доказывает нам: нельзя противиться воле Богов. Расслоение внутреннего и внешнего пространства – следствие потери контакта с реальностью

и причина лжи, насилия, агрессии. Из трех типов личности – директивного, демократического и либерально-попустительского – именно последний характеризует стену между внешним и внутренним. То, что ведет мир к хаосу. Либерализм – обратная сторона рабства. Взираясь вверх, человечество скатывается вниз.

Заключение

Человечество все стремительнее даже не восходит, а избегает на Олимп удовлетворения собственных потребностей. При этом оно приобретает все более разрушительную силу, чаще утрачивая связь с реальностью. Вместе с тем философ Г. Померанц описывает восхождение для человека Запада как скатывание по плоскости наслаждений [Померанц 2013]. Однако суть остается прежней: взойти на Олимп счастья и бессмертия можно без затрат энергии, по причине «перевернутого мира».

Восхождение на Олимп счастья – кризис человеческого существования. То, что человечество живет в долг у своего будущего, является уже банальным утверждением экономистов. Неслучайно Ч.С. Кирвель пишет: «В настоящее время, согласно расчетам института международных финансов, общемировой долг домохозяйств, бизнеса и государства составляет почти 225 трлн долларов. Это равно объему мирового ВВП примерно за три года. То есть человечество, продлив отведенный капитализму срок, удовлетворило свои потребности на втрое большую сумму, чем производит. Только за 2007–2015 годы общемировой долг вырос примерно на 80 трлн долларов или примерно на мировой ВВП 2013 года» [Кирвель 2020]. Вершина, или глубина, кризиса – это борьба нового расширенного человека и старого, либерального и патриархального, ризомы и линии.

В обществе, где человек связан «всеми и вся» со всеми, имеет место проблема появления новых смыслов. Пустота внутри и отсутствие точек опоры, из которых можно посмотреть на себя со стороны. В гигантском либеральном обществе, которое можно понимать как определенную матрицу коммуникаций, посредников для общения, а следовательно, и самого человека нет. Поскольку отсутствует человек, отсутствуют и смыслы. В этом и состоит сущность кризиса человечества, которое все больше и больше стремится в гору к неким либеральным ценностям. Суть последних – пустота и тупик.

История человечества в целом трактуется как история умножения удовольствий и потери реальности, равно как и умножение дефицита времени. Коэффициент шаблонности и подражания в обществе – быстрота хода истории, смены эпох, времен.

Аппетит порождает новые аппетиты. Дефицит времени – потеря слышимости других и себя. Счастье – внутри, а не снаружи. Как только человек удаляется от себя, он удаляется от счастья. Что такое счастье? Когда получается сделать то, что задумал. Когда видишь улыбку счастливого человека. Когда делаешь доброе дело и понимаешь, что не зря прожит день.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Автономова 2008 – Автономова Н.С. Познание и перевод: опыты философии языка. – М.: РОССПЕН, 2008.

Делез, Гваттари 1996 – Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодерна. – Минск: Красико-принт, 1996. С. 6–31.

Емелин, Тхостов 2013 – Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 74–81.

Кирвель 2020 – Кирвель Ч.С. Человек перед лицом будущего : риски и перспективы : монография. – Гродно: ГрГУ, 2020.

Король 2019 – Король А.Д. Молчание в диалоге как проблема философии образования // Вопросы философии. 2019. № 4. С. 6–11.

Король 2020а – Король А.Д. Эвристическое обучение на основе вопрошания и молчания ученика: от методологии к практике. – СПб.: Лань, 2020.

Король 2020б – Король А.Д. Человек и его смыслы: образовательные заметки. – Минск: Вышэйшая школа, 2020.

Король 2021 – Король А.Д. Самоидентичность человека как проблема образовательного пространства и времени // Вопросы философии. 2021. № 5. С. 26–35.

Перлз 2000 – Перлз Ф.С. Эго, голод и агрессия / под ред. Д.Н. Хломова; пер. с англ. Н.Б. Кедровой, А.Н. Кострикова. – М.: Смысл, 2000.

Померанц 2013 – Померанц Г.С. Дороги духа и зигзаги истории / 2-е изд. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013.

Сто стихотворений... 2003 – Сто стихотворений ста поэтов (Хякунин иссю) // Басё. Лирика / пер. В.В. Соколова. – Минск: Харвест, 2003.

Тард 2011 – Тард Г. Законы подражания. – М.: Академический проект, 2011.

Уотсон 2015 – Уотсон Р. Будущее. 50 идей, о которых нужно знать. – М.: Фантом Пресс, 2015.

Харари 2020 – Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века / пер. с англ. Ю. Гольдберга. – М.: Синдбад, 2020.

REFERENCES

Avtonomova N.S. (2008) *Cognition and Translation: Experiments in the Philosophy of Language*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Deleuze G. & Guattari F. (1996) Rhizome. In: Usmanova A. (Ed.) *The Philosophy of the Postmodernity* (pp. 6–31). Minsk: Krasiko-print (Russian translation).

Emelin V.A. & Tkhostov A.S. (2013) The Babylonian Network: Erosion of Truth and Diffusion of Identity in the Internet Space. *Voprosy filosofii*. No. 1, pp. 74–81 (in Russian).

Kirvel C.S. (2020) *Man in the Face of the Future: Risks and Prospects*. Grodno: Grodno State University Press (in Russian).

Korol A.D. (2019) Silence in Dialogue as a Problem of Philosophy of Education. *Voprosy filosofii*. No. 4, pp. 6–11 (in Russian).

Korol A.D. (2020a) *Heuristic Learning Based on the Questioning and Silence of the Student: From Methodology to Practice*. Saint Petersburg: Lan' (in Russian).

Korol A.D. (2020b) *Man and His Meanings: Educational Notes*. Minsk: Vysheishaya shkola (in Russian).

Korol A.D. (2021) Self-Identity of a Person as a Problem of Educational Space and Time. *Voprosy filosofii*. No. 5, pp. 26–35 (in Russian).

Harari Y.N. (2018) *21 Lessons for the 21st Century*. London: Penguin Random House (Russian translation: Moscow: Sindbad, 2020).

Sokolov V.V. (Ed. & Trans.) (2003) Hyakunin Isshu. In: *Basho Matsuo. Lyrics*. Minsk: Kharvest (Russian translation).

Perls F.S. (1969) *Ego, Hunger, and Aggression*. New York: Random House (Russian translation: Moscow: Smysl, 2000).

Pomerants G.S. (2013) *Roads of Spirit and Zigzags of History*. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ (in Russian).

Tarde G. (2010) *The Laws of Imitation*. Charleston: Bibliolife (Russian translation: Moscow: Akademicheskiiy proekt, 2011).

Watson R. (2012) *The Future: 50 Ideas You Really Need to Know*. London: Quercus (Russian translation: Moscow: Fantom Press, 2015).

Искусственный интеллект в междисциплинарной перспективе: философско-правовые аспекты

С.В. Абламейко

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

М.С. Абламейко

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы развития систем искусственного интеллекта (ИИ) в междисциплинарной перспективе – с точки зрения философской и юридической науки. Обсуждаются вопросы развития ИИ и особенно переход к созданию общего (сильного) искусственного интеллекта. Применение и развитие систем ИИ может потенциально создавать спорные с точки зрения права ситуации во многих областях. Среди них – конфиденциальность данных, безопасность и ответственность, интеллектуальная собственность систем ИИ, правосубъектность систем ИИ, этические нормы использования систем ИИ. Показывается, что правовое регулирование в сфере ИИ безнадежно отстает от технологического развития. Отмечается, что практически отсутствует нормативно-правовое регулирование основ, условий и особенностей разработки, запуска в работу, функционирования и деятельности, интеграции в другие системы и контроля применения технологий ИИ. Проведен анализ процесса совершенствования нормативно-правовой базы в некоторых странах и Республике Беларусь. В статье сделан акцент на парадоксах правового регулирования систем ИИ. Утверждается необходимость координации работ при разработке белорусского законодательства в сфере ИИ в контексте международной правовой и философской дискуссии о социальной ответственности ИИ. Автор предлагает разработать и принять специальный закон под названием «О развитии искусственного интеллекта (и робототехники)». Особое внимание в новом законе, согласно авторской позиции, должно быть уделено вопросам правового и этического использования систем ИИ. В заключение подчеркивается важность всесторонней междисциплинарной дискуссии для обеспечения правового регулирования вопросов, связанных с ИИ.

Ключевые слова: естественный интеллект, сильный искусственный интеллект, общий искусственный интеллект, этика искусствен-

ного интеллекта, философия искусственного интеллекта, междисциплинарный подход.

Абламейко Сергей Владимирович – доктор технических наук, профессор, академик Национальной академии наук Беларуси, профессор механико-математического факультета Белорусского государственного университета.

ablameyko@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0001-9404-1206>

Абламейко Мария Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент юридического факультета Белорусского государственного университета.

m.ablameyko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6405-8998>

Для цитирования: *Абламейко С.В., Абламейко М.С.* Искусственный интеллект в междисциплинарной перспективе: философско-правовые аспекты // *Философские науки*. 2020. Т. 64. № 5. С. 57–70.

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-57-70

Artificial Intelligence from an Interdisciplinary Perspective: Philosophical and Legal Aspects

S.V. Ablameyko

Belarusian State University, Minsk, Belarus

M. S. Ablameyko

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract

The article discusses the development of artificial intelligence systems from an interdisciplinary perspective, addressing philosophical and legal problems. Special attention is paid to the issue of the creation of artificial general intelligence. The use and implementation of AI systems can potentially create controversial legal situations in many areas. Among them are data confidentiality, social security and responsibility, intellectual property of AI systems, legal personality of AI systems, ethical standards of using AI systems. It is shown that legal regulation in the field of AI is lagging behind technological development. There is practically no legal regulation of the terms, conditions, and rules of the development, launching, operating, integration into other systems, and controlling of AI technologies.

The authors analyze the process of improving the regulatory framework in some countries, especially in the Republic of Belarus. The article focuses on the paradoxes of legal regulation of AI systems. That authors argue that there is a need for coordination in the development of Belarusian legislation in the field of AI, taking into account the international legal and philosophical discussion on the social responsibility of AI. The article proposes to develop and adopt a special legislation on the development of AI and robotics. According to the authors, in the new legislation, special attention should be paid to the issues of legal and ethical use of AI systems. The article concludes that there is a critical importance of a comprehensive and multidisciplinary discussion to ensure legal regulation of AI-related issues.

Keywords: natural intelligence, strong artificial intelligence, artificial general intelligence, ethics of artificial intelligence, philosophy of artificial intelligence, interdisciplinary approach.

Sergey V. Ablameyko – D.Sc. in Technology, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Professor of the Faculty of Mechanics and Mathematics, Belarusian State University.

ablameyko@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0001-9404-1206>

Maria S. Ablameyko – Ph.D. in Law, Associate Professor of the Faculty of Law, Belarusian State University.

m.ablameyko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6405-8998>

For citation: Ablameyko S.V. & Ablameyko M.S. (2020) Artificial Intelligence from an Interdisciplinary Perspective: Philosophical and Legal Aspects. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 64, no. 5, pp. 57–70. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-57-70

Введение

Становление и последующее развитие информационного общества изменило многие аспекты жизнедеятельности. Внедрение информационно-коммуникационных технологий привело к изменениям во всех сферах жизни. С момента появления первого компьютера до полной роботизации производств прошло не так много времени. Сегодня вопрос состоит не только в том, каким образом заменить рутинную работу человека роботом, т.е. заложить алгоритмы определенных действий, но и как наделить робота интеллектом. Все это привело к возникновению понятия искусственного интеллекта (ИИ).

Можно утверждать, что ИИ представляет собой информационную систему, разработанную для того, чтобы наделить компьютер имитирующими человека способностями: слухом, зрением, способностью к обучению [Рассел, Норвиг 2016]. Иными словами, это – машина, умеющая интерпретировать различные задачи и самостоятельно разрабатывать подходящие решения на уровне, близком к мыслительным психологическим способностям человека. ИИ не работает по жестким алгоритмам, а принимает собственные решения, исходя из анализа больших массивов данных, автономно выявляет закономерности и формулирует правила, самосовершенствуется. Человек лишь задает критерии точности.

Научную дисциплину «Искусственный интеллект» следует отнести к т.н. зонтичным дисциплинам. Она состоит из множества направлений. Среди них – представление данных, автоматическое доказательство теорем, компьютерное зрение, машинное обучение, робототехника, обработка естественного языка, многоаспектные системы и т.п. При этом каждая из указанных ветвей, в свою очередь, подразделяется на десятки других, что особенно актуально в робототехнике.

Использование ИИ в различных сферах жизнедеятельности положительно влияет на развитие общества, поскольку значительно упрощаются многие производственные процессы. Роботизация и применение систем ИИ в промышленности позволили оптимизировать многие процессы, сократить сроки выполнения работ, исключить необходимость присутствия человека на вредных производствах, сократить уровень травматизма. Особенно интенсивно развивается ИИ в медицине. Системы ИИ широко применяют при обработке изображений (снимков), распознавании и синтезе речи, в других случаях, что положительно сказывается на диагностике. При пандемии коронавируса применение ИИ расширилось и позволило с большей точностью автоматически выявлять процент поражения легких. Вместе с тем нельзя не отметить и негативные факторы внедрения ИИ: несанкционированный доступ к данным, несанкционированная модификация программ, угроза сбоев в критически важных видах деятельности.

Активно дискутируется вопрос о замене человека роботом в профессии. Сможет ли ИИ заменить врача, судью, прокурора или адвоката? В настоящее время многие виды деятельности переживают очередной этап вторжения технологий ИИ, которые успешно вытесняют человеческий труд. Вследствие этого возникает вопрос о необходимости регулирования данной сферы с применением и этических, и юридических средств. Благополучное разрешение этических и юридических проблем, актуальных и потенциаль-

ных, невозможно без философской рефлексии феномена ИИ. Это означает, что осмысление способов сосуществования людей и интеллектуальных машин приобретает особое значение.

Нельзя не признать, что подходы к правовому регулированию исследуемой нами относительно новой сферы общественных отношений отстают от экспоненциально нарастающих проблем. Во-первых, это можно объяснить тем, что адекватное общественным интересам правовое регулирование допустимо лишь после того, как технологические инновации устоятся и войдут в повседневность. Только при таком условии целесообразно принимать законодательные акты, регулирующие сложившиеся отношения. Во-вторых, скорость технического прогресса в данной отрасли велика, а принятие законодательных актов – процесс достаточно длительный. Именно так обстоят дела в большинстве стран [Абламейко, Абламейко 2020].

Социально-философский контекст развития искусственного интеллекта: от узкого к общему

Что лежит в основе искусственного интеллекта? Для использования и развития искусственных интеллектуальных систем необходимы три составляющие: высокая вычислительная мощность, большие объемы данных и интеллектуальные алгоритмы. Поскольку доступность этих ресурсов сегодня резко возросла, то ИИ переживает настоящий бум.

Обратим внимание на тот эмпирический факт, что способности к машинному обучению пока ограничены конкретными предметными областями. ИИ не способен самостоятельно обучиться тому, что находится за пределами размеченных данных определенной предметной области. Это, например, означает, что антропоморфный робот, успешно обученный двигаться подобно человеку, не обретет иные когнитивные способности, в частности способности к чтению, распознаванию речи, распознаванию лиц, игре в шахматы, сочинению музыки и т.п.

Вычислительные и роботизированные устройства позволяют автоматизировать типичные задачи обучения и поиска. Но целью ИИ является не автоматизация человеческого труда, а выполнение вычислительных задач иного порядка, недоступных для человека. Подобный подход подразумевает участие человека только в целях настройки исходных параметров машинного обучения. Это относится к созданию специализированных систем ИИ, когда система очень эффективно способна решать узкую задачу, например, поставить диагноз при обнаружении конкретного вида рака по изображению больного органа после проведенного ранее обучения.

Однако в последние годы ученые работают над созданием общего (сильного) искусственного интеллекта (в принятой международной номенклатуре – *Artificial General Intelligence, AGI*). Под общим (сильным) интеллектом понимают человеческий интеллект, наделенный сознанием, т.е. естественный интеллект [Дубровский 2021]. Все существующие формы ИИ чаще относят к слабому интеллекту. Если ученые создадут общий искусственный интеллект, такой продукт может стать копией человека: он будет способен решать задачи разных классов, транслировать свои способности к решению задач в другие предметные области, критически оценивать входящую информацию, вступать в сотрудничество с людьми и разумными машинами. Вопрос о том, выполнима ли поставленная задача, представляется глубоко полемичным; но, если задача будет успешно выполнена, наш мир изменится самым кардинальным образом.

Структурная природа общего или т.н. сильного искусственного интеллекта обычно понимается как распределенная система. Между тем классики-кибернетики рассматривали ее как сосредоточенную в одном месте вычислительную архитектуру [Волобуев и др. 2019]. В книге Бострома утверждается, что, если человечеству удастся создать сильный искусственный интеллект, он быстро эволюционирует до сверхинтеллектуального уровня по сравнению с человеческим мышлением. Это означает, что люди будут вынуждены выстраивать естественные отношения с такой формой машинного разума. Например, подобные отношения подталкивают актуальность вопроса о наказании людей, «жестокости» обращающихся с новой формой разумности, способной выдавать человеческие реакции, но обладающего иной формой чувственности [Бостром 2016]. Кто будет отвечать за неправомерные действия ИИ: его создатель или тот, кто его эксплуатирует? Кто возместит нанесенный урон, если ИИ поведет себя не так, как планировалось?

В какой степени вопрос создания общего искусственного интеллекта сегодня актуален? Вопрос разработки искусственного мышления, равного человеческому, будоражит умы и воображение людей. Но одним из препятствий на пути его решения является недостаточное понимание природы человеческого разума. Предположим, природа человеческого интеллекта такова, что «прояснить» его механизмы, свести деятельность интеллекта к некоторому набору «функций» или «операций» невозможно. Тем не менее плоды создания общего искусственного интеллекта очень важны, поскольку это позволило бы сразу решить практически неограниченное число прикладных задач [Сильный ИИ... 2021].

Применение и развитие систем ИИ может потенциально способствовать возникновению спорных с точки зрения права ситуаций во многих областях. Среди них выделим следующие:

- конфиденциальность данных;
- безопасность и ответственность функционирования;
- интеллектуальная собственность созданных систем ИИ;
- правосубъектность систем ИИ;
- этические нормы использования систем ИИ.

Чтобы ограничить риски и максимизировать возможности, присущие использованию ИИ для здоровья, Всемирная организация здравоохранения в 2021 году выработала шесть принципов в качестве основы регулирования и управления ИИ¹. Мы трансформируем их в более общем виде:

1. Контроль над системами ИИ. Человек должен контролировать системы ИИ, в любой момент он может вмешаться в их деятельность, вплоть до полной остановки процесса.

2. Неприкосновенность частной жизни и конфиденциальность персональных данных. Человек должен давать согласие через соответствующие правовые рамки для использования и защиты персональных данных.

3. Прозрачность и объяснимость решений систем ИИ. До использования систем ИИ необходимо предоставить в достаточном объеме информацию о них. Такая информация должна быть легкодоступной, способствовать конструктивным консультациям с общественностью и обсуждению того, как разработана система и как ее следует или не следует применять.

4. Ответственность и подотчетность. Стороны (кто разработал и кто эксплуатирует) несут ответственность за использование систем ИИ в соответствующих условиях, с участием надлежащим образом обученных людей. Должны быть доступны эффективные механизмы получения возмещения для лиц, чьи права нарушены системами ИИ.

5. Отзывчивость и устойчивость. Системы ИИ необходимо постоянно проверять и оценивать, соответствуют ли они ожиданиям и требованиям.

6. Инклюзивность и равенство, что означает недопущение дискриминации человека ни по каким признакам.

¹ WHO issues first global report on Artificial Intelligence (AI) in health and six guiding principles for its design and use // World Health Organization (WHO). 2021. 28 June. – URL: <https://www.who.int/news/item/28-06-2021-who-issues-first-global-report-on-ai-in-health-and-six-guiding-principles-for-its-design-and-use>

Философские проблемы и правовое обеспечение развития ИИ

Массовое внедрение систем машинного обучения порождает множество новых вызовов, негативные последствия которых в настоящее время не представляется возможным просчитать удовлетворительным образом. Закономерным становится утверждение о том, что об адекватном и своевременном правовом регулировании ИИ, способном справиться с этими вызовами, пока говорить рано. Вместе с тем право никогда не сможет идти впереди развития технологий: всегда сначала необходимо создать технологию, а затем ставить перед собой вопрос о том, как ввести ее в правовое поле. Чтобы применять правовые механизмы, нужно точно понимать, на что они направлены. Таким образом, при разработке законодательных актов в данной сфере стоит учитывать ряд факторов. В ближайшем будущем роботы полностью не заменят человека. При осуществлении совместной деятельности необходимо устанавливать правовые требования для роботов и людей, способных регулировать поведение тех и других в конкретном диапазоне обстоятельств.

Сегодня проблема критического дефицита нормативного технического регулирования (основ, условий и особенностей разработки, запуска в работу, функционирования и деятельности, интеграции в иные системы и контроля применения) и правового регулирования вытекающих из технологии ИИ общественных отношений имеет общемировое значение. Следует признать, что немногие государства прилагают усилия в этом направлении. Важно иметь в виду, что вопрос регулирования носит глобальный характер, а значит, проблемы технической стандартизации должны быть решены на уровне международных институтов [Понкин, Редькина 2018].

Мировое сообщество в целом и отдельные страны в частности все больше внимания уделяют вопросу о разграничении прав людей и роботов. Соответствующие первые шаги сделаны на уровне Европейского союза. В феврале 2016 года парламент ЕС принял резолюцию «Нормы гражданского права в робототехнике», согласно которой декларируется необходимость создания общеевропейской системы классификации роботов и единой системы регистрации подобных машин². В 2018 году создана Платформа – Европейский альянс по искусственному интеллекту (*European AI Alliance*). Экспертная группа альянса разработала «Руководство по этике для достоверного искусственного интеллекта», которое

² Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года 2015/2013(INL) P8_TA-PROV(2017)0051 // Robopravo.ru. 2017. – URL: https://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies

содержит семь принципиальных требований к системам ИИ: наличие надзора со стороны человека, высокая техническая надежность и безопасность, способность обеспечивать конфиденциальность персональных данных и возможность управления данными, системная прозрачность, справедливость, благополучность с точки зрения общественных и экологических интересов, подотчетность³. В ряде государств уже введены законодательные акты, регулирующие специфические робототехнические отношения, в частности эксплуатацию роботов-курьеров (Эстония, 2017 год), транспортных средств с автономным управлением (Германия). В марте 2013 года Франция приняла документ под названием «Инициативы в сфере робототехники».

В России понятие «искусственный интеллект» определено Указом Президента РФ 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Затем данное понятие использовано в тексте Федерального закона № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве...» [Сазонова 2020].

В Республике Беларусь в 2017 году Президентом издан декрет «О развитии цифровой экономики». В декрете изложены общие подходы к регулированию новой сферы общественных отношений. Например, документ утверждает проведение правового эксперимента на предмет возможности имплементации новых правовых институтов в гражданском законодательстве страны.

В качестве проблемного выступает вопрос о правообладании в отношении определенных систем ИИ. Как правило, зарубежная практика такова, что работа вычислительных машин и роботов отождествляется с деятельностью разработчика. Закономерным образом правообладателем ИИ можно признать физическое лицо, управляющее конкретным робототехническим устройством и извлекающее из его работы пользу.

Однако изложенный подход, несмотря на его логичность, сталкивается с одной существенной проблемой. Суть ее заключается в том, что нейронные сети обучаются в основном на больших массивах конкретных данных, являющихся образцами или как таковым материалом для обучения, если речь идет о т.н. обучении «без учителя». При этом формируется матрица параметров (весов) нейронов, которые соответствуют обучающей выборке

³ The European AI Alliance // European Commission. 2021. – URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/european-ai-alliance>

или размеченным данным. Уместно задать вопрос о том, является ли результат обучения, выражаемый соответствующей матрицей, производным от соответствующей базы данных, обычно имеющей «хозяина». Если ответ на вопрос будет утвердительным, то производитель должен получать права на распоряжение данными, на основании которых он создает программные продукты машинного обучения.

Не менее значим вопрос о том, какое лицо должно нести ответственность за причинение вреда человеку, возникшего вследствие применения систем ИИ. В частности, должен ли нести ответственность разработчик или производитель того или иного товара, купивший и интегрировавший в него соответствующее программное обеспечение? Имеет значение и вопрос об условиях потенциальной ответственности клиентов конкретных систем ИИ [Войниканис и др. 2018].

Традиционно в качестве возможных правообладателей выделяют разработчика программного обеспечения, пользователя программы, владельца оборудования и даже программное обеспечение как таковое. Последнее особенно актуально, если речь идет, например, о музыкальном творчестве ИИ. Разумеется, компьютерные программы не признаны субъектом права ни в одной стране мира, однако программу можно рассматривать лишь как «фактического автора» созданного объекта интеллектуальной собственности. Стоит учитывать и точку зрения, согласно которой результаты, созданные программой самостоятельно, без вмешательства человека, следует считать неохраноспособными.

Итак, становится очевидной потребность в выработке специального закона, направленного на регулирование правоотношений при разных обстоятельствах. До его принятия неизбежно будет существовать правовая неопределенность относительно исключительных прав на результаты интеллектуальной собственности, созданные ИИ. Правовое сопровождение разработки систем ИИ служит предметом напряженной полемики. Известны мнения о том, что законотворчество должно идти в трех направлениях. К ним относятся стимулирование инноваций в области ИИ; правовая охрана систем ИИ и продуцируемых объектов интеллектуальной собственности; ответственность за решения и действия, предпринимаемые с использованием систем ИИ [Незнамов, Наумов 2017; Толочко 2019].

На современном этапе необходимость выделения самостоятельной правовой отрасли о робототехнике и ИИ может показаться неочевидной. Спорным является вопрос о месте подобных норм в системе права в целом. Способ решения этого вопроса неизбежно скажется на регламентации смежных отраслей, что так или иначе

приведет к противоречиям. Они могут быть следствием определения таких фундаментальных понятий, как «робот», «искусственный интеллект», и различия между отраслевыми подходами к решению проблемы об ответственности этих систем.

При разработке законодательства нельзя не учитывать этические нормы ИИ, т.е. строить этический ИИ. Этика ИИ изучает этические и руководящие принципы, политику и правила, связанные с ИИ [Jobin, Ienca, Vayena 2019]. Этический ИИ – это ИИ, который действует и ведет себя этически корректно. Важно понять существующие потенциальные этические и моральные проблемы. Они могут возникать при внедрении и использовании систем ИИ. Необходимо изначально создавать ИИ, демонстрирующий этическое поведение [Siau, Wang 2020].

В 2019 году ЕС опубликованы первые руководящие принципы по этическому развитию ИИ, предусматривающие, что алгоритмы не должны дискриминировать по признаку возраста, расы или пола [Khan, Murgia 2019]. Индустрия ИИ должна соответствовать существующим правилам конфиденциальности, защиты прав потребителей и экологическим стандартам. В частности, отмечается, что компании, использующие ИИ в Европе, должны информировать людей каждый раз, когда они взаимодействуют с ИИ.

Кроме того, ЮНЕСКО разработаны рекомендации об этических аспектах ИИ⁴ [Разработка рекомендации... 2020]. Очевидна и необходимость разработки международных и национальных стратегий, нормативных баз с целью обеспечения использования ИИ для благополучия человечества. В ответ на это многие компании, работающие в сфере ИИ, стали формулировать свои принципы, нормы работы, связанной с системами ИИ. Показателен пример Сбербанка России, которым разработаны следующие принципы этики ИИ⁵: контролируемость и управляемость систем ИИ, прозрачность и предсказуемость функционирования, стабильность и надежность систем ИИ, ответственное применение ИИ, непредвзятый ИИ.

Целесообразно обучать людей, которые будут широко применять системы ИИ. Они должны понимать, каким образом ИИ может влиять на их жизнь, и использовать системы ИИ для увеличения его преимуществ при одновременном смягчении

⁴ Разработка рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта // ЮНЕСКО. 2020. – URL: <https://ru.unesco.org/artificial-intelligence/ethics>

⁵ Принципы этики искусственного интеллекта Сбера // ПАО «Сбербанк». 2021. – URL: <https://www.sberbank.com/ru/sustainability/principles-of-artificial-intelligence-ethics>

их потенциального вреда [Borenstein, Howard 2021]. Отчасти это может произойти за счет более полного и систематического включения этики ИИ в учебные программы вузов, колледжей и различных курсов. Этические вопросы развития ИИ должны занимать центральное место в образовательных усилиях по построению систем ИИ.

Заключение

Завершая статью, еще раз сделаем акцент на значимости развития правового регулирования систем ИИ, особенно в условиях стремительного прогресса и внедрения систем общего ИИ, которые вскоре самостоятельно смогут принимать очень важные меры в отношении жизни и деятельности каждого человека и общества в целом. Для теоретического разрешения проблем регулирования правоотношений, проистекающих из использования ИИ, необходима междисциплинарная полемика. В подобной полемике наряду с юристами должны участвовать ИТ-специалисты и робототехники, философы, социологи и экономисты.

Представляется целесообразным создание национальной стратегии развития новой отрасли права, которая будет содержать утверждения о приоритетных направлениях создания робототехнических систем и систем ИИ. Выполнение этой фундаментальной задачи откроет перспективы для принятия основ отраслевого законодательства, например, в форме специального закона «О развитии искусственного интеллекта (или робототехники)». При разработке законов следует учитывать этические нормы систем ИИ. Для реализации замыслов требуется формирование междисциплинарного подхода к изучению философских, экономических, правовых, политических и социальных аспектов применения ИИ.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абламейко, Абламейко 2020 – Абламейко М.С., Абламейко С.В. Правовое регулирование взаимодействия систем искусственного интеллекта и человека // Наука и инновации. 2020. № 1 (203). С. 40–44.

Бостром 2016 – Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.

Войниканис и др. 2018 – Войниканис Е.А., Семенова Е.В., Тюляев Г.С. Искусственный интеллект и право: вызовы и возможности самообучающихся алгоритмов // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. № 4. С. 137–148.

Волобуев и др. 2019 – Волобуев А.В., Воеводина Е.В., Ореховская Н.А., Иоселиани А.Д. Философские проблемы развития искусственного интеллекта. – М.: Прометей, 2019.

Дубровский 2021 – Дубровский Д.И. Задача создания Общего искусственного интеллекта и проблема сознания // Философские науки. 2021. Т. 64. № 1. С. 13–44.

Незнамов, Наумов 2017 – Незнамов А.В., Наумов В.Б. Вопросы развития законодательства о робототехнике в России и в мире // Юридические исследования. 2017. № 8. С. 14–25.

Толочко 2019 – Толочко О.Н. Тенденции правового регулирования объектов и технологий, связанных с искусственным интеллектом // Юстиция Беларуси. 2019. № 3. С. 35–39.

Понкин, Редькина 2018 – Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.

Рассел, Норвиг 2016 – Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход. – М.: Вильямс, 2016.

Сазонова 2020 – Сазонова М. Искусственный интеллект и право: есть контакт? // Гарант.ру: информационно-правовой портал. 2020. 16 июля. – URL: <https://www.garant.ru/news/1401154/>

Сильный искусственный интеллект... 2021 – Сильный искусственный интеллект. На подступах к сверхразуму / науч. ред. А.С. Потапов. – М.: Альпина Паблишер; Интеллектуальная литература, 2021.

Jobin, Ienca, Vayena 2019 – Jobin A., Ienca M., Vayena E. The Global Landscape of AI Ethics Guidelines // Nature Machine Intelligence. 2019. Vol. 1. No. 9. P. 389–399.

Siau, Wang 2020 – Siau K., Wang W. Artificial Intelligence (AI) Ethics: Ethics of AI and Ethical AI // Journal of Database Management. 2020. Vol. 31. No. 2. P. 74–87.

Khan, Murgia 2019 – Khan M., Murgia M. EU Publishes Guidelines on Ethical Artificial Intelligence // Financial Times. 2019. 8 April. – URL: <https://www.ft.com/content/32032c8a-5a0b-11e9-9dde-7aedca0a081a>

Borenstein, Howard 2021 – Borenstein J., Howard A. Emerging Challenges in AI and the Need for AI Ethics Education // AI and Ethics. Vol. 1. No. 2. P. 61–65.

REFERENCES

Ablameyko M.S. & Ablameyko S.V. (2020) Legal Regulation of Interaction between Artificial Intelligence Systems and Humans. *Nauka i innovatsii*. No. 1, pp. 40–44 (in Russian).

Borenstein J. & Howard A. (2021) Emerging Challenges in AI and the Need for AI Ethics Education. *AI Ethics*. Vol. 1, no. 1, pp. 61–65.

Bostrom N. (2014) *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Oxford, UK: Oxford University Press (Russian translation: Moscow: Mann, Ivanov, and Farber, 2016).

Dubrovsky D.I. (2021) The Task of the Creation of Artificial General Intelligence and the Problem of Consciousness. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 64, no. 1. pp. 13–44 (in Russian).

Jobin A., Ienca M., & Vayena E. (2019) The Global Landscape of AI Ethics Guidelines. *Nature Machine Intelligence*. Vol. 1, no. 9, pp. 389–399.

Neznamov A.V. & Naumov V.B. (2017) Issues of the Development of Legislation on Robotics in Russia and in the World. *Yuridicheskie issledovaniya*. No. 8, pp. 14–25 (in Russian).

Khan M. & Murgia M. (2019) EU Publishes Guidelines on Ethical Artificial Intelligence. *Financial Times*. Retrieved from <https://www.ft.com/content/32032c8a-5a0b-11e9-9dde-7aedca0a081a>

Ponkin I.V. & Redkina A.I. (2018) Artificial Intelligence from the Point of View of Law. *RUDN Journal of Law*. Vol. 22, no. 1, pp. 91–109 (in Russian).

Potapov A.S. (Ed.) (2021) *Strong Artificial Intelligence. On the Approaches to the Supermind*. Moscow: Alpina Publisher; Intellektual'naya literatura (in Russian).

Russell S. & Norvig P. (2016) *Artificial Intelligence: A Modern Approach* (2nd ed.). Upper Saddle River, NJ: Pearson Education (Russian translation: Williams Publishing House, 2016).

Sazonova M. (2020) Artificial Intelligence and Law: Is There a Contact? *Garant*. Retrieved from <https://www.garant.ru/news/1401154/> (in Russian).

Siau K. & Wang W. (2020) Artificial Intelligence (AI) Ethics: Ethics of AI and Ethical AI. *Journal of Database Management*. Vol. 31, no. 2, pp. 74–87.

Tolochko O.N. (2019) Trends in Legal Regulation of Objects and Technologies Related to Artificial Intelligence. *Yustitsiya Belarusi*. No. 3, p. 35–39 (in Russian).

Volobuev A.V., Voevodina E.V., Orekhovskaya N.A., & Ioseliani A.D. (2019) *Philosophical Problems of Artificial Intelligence Development*. Moscow: Prometey (in Russian).

Voynikanis E.A., Semenova E.V., & Tyulyaev G.S. (2018) Artificial Intelligence and Law: Challenges and Opportunities of Self-Learning Algorithms. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. No. 4. pp. 137–148 (in Russian).

Конвергенция информационных и социальных технологий в цифровую эпоху

Д.Г. Доброродний

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

В.А. Белокрылова

*Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Беларусь*

Аннотация

В статье рассматривается специфика современного конвергентного развития информационных и социальных технологий, анализируются особенности их социализации, фиксируются атрибутивные черты социальных технологий, реализуемых на цифровой платформе. В работе выявляются причины возрастающего запроса на социальные технологии, эксплицируется их роль в постиндустриальном обществе. Социотехнологический бум последних десятилетий связывается авторами с потребностью трансформации «вертикальных» управленческих практик в направлении распределенного и максимально индивидуализированного влияния. Сетевому формату коммуникации современного общества, утвердившемуся благодаря развитию информационных технологий, коррелятивны «мягкие» технологии социального проектирования, которые обеспечивают не просто подчинение и дисциплину, а высокомотивированный труд, инициативность, эмоциональную вовлеченность, креативность. При этом личные границы, ставшие для современного человека важнейшей составляющей психологического благополучия, оказываются проницаемыми для объединенного воздействия социальных и информационных технологий. «Капитализация человеческого капитала» в информационную эпоху имеет буквальное значение, поскольку именно индивидуальные знания, навыки, инициативность становятся основной ресурсной и конкурентной базой цифровой экономики. На примере *Agile*, одной из ведущих социальных технологий в современной ИТ-индустрии, проанализирована специфика организации труда компактных творческих групп. Обозначены этические аспекты применения конвергентных информационных и социальных технологий. В статье обосновывается, что актуальной практической повесткой обладает задача противодействия деструктивным воздействиям со стороны социальных техноло-

гий, реализуемых на информационной платформе. Гуманистические ориентиры конструктивного социально-технологического проектирования еще только предстоит сформулировать.

Ключевые слова: социальная философия, философия техники, социализация технологий, социальный технологический детерминизм, социальное влияние, мягкое управление, человеческий капитал.

Добродородний Данила Григорьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета.

danila_dobr@tut.by

<https://orcid.org/0000-0002-0122-6170>

Белокрылова Вера Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Белорусского государственного экономического университета.

ralfinaster@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-9918-0093>

Для цитирования: *Добродородний Д.Г., Белокрылова В.А. Конвергенция информационных и социальных технологий в цифровую эпоху // Философские науки. 2020. Т. 64. № 5. С. 71–92.*

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-71-92

Convergence of Information and Social Technologies in the Digital Age

D.G. Dabrarodni

Belarusian State University, Minsk, Belarus

V.A. Belakrylava

Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus

Abstract

The article discusses the specifics of current convergent development of information (IT) and social technologies (ST) and their socialization as well as defines the characteristic features of ST implemented on a digital platform. The authors analyze the reasons for the increasing demand for ST and explicate their role in post-industrial society. The authors believe that the boom of ST over the recent decades is associated with the need to transform “vertical” management practices toward distributed and maximally individualized usage. The network communication format in modern society, established due to IT development, is correlated with “soft” social

design technologies, which provide not just subordination and discipline, but highly motivated work, initiative, emotional involvement, and creativity. At the same time, personal boundaries, which have become the most important component of psychological well-being for a modern person, are quite permeable to the combined impact of ST and IT. The “capitalization of human capital” in the information age has obtained quite a literal meaning because individual knowledge, skills, and initiative become the main resource and competitive base in digital economy. Using the example of *Agile*, one of the leading practices in modern IT industry, the authors analyzed the specifics of work organization of compact creative groups. The article reveals the ethical aspects of using convergent information and social technologies. The authors conclude that the task of countering destructive influences from ST on the information platform is relevant and even urgent. However, the society has yet to formulate humanistic guidelines for constructive socio-technological design practices.

Keywords: social philosophy, philosophy of technology, socialization of technology, social technological determinism, social influence, soft management, human capital.

Danila G. Dabrarodni – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Belarusian State University.

danila_dobr@tut.by

<https://orcid.org/0000-0002-0122-6170>

Vera A. Belakrylava – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Belarusian State Economic University.

ralfinaster@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-9918-0093>

For citation: Dabrarodni A.D. & Belakrylava V.A. (2021) Convergence of Information and Social Technologies in the Digital Age. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 64, no. 5, pp. 71–92. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-71-92

Введение

Информационные технологии (ИТ) по праву считаются отличительной чертой современного этапа развития общества. Более того, специфика социума, культуры, экономики, даже индивидуального сознания все чаще определяется именно через информационный (цифровой) атрибут: информационную культуру и потребление, цифровое государство и экономику, цифровой маркетинг и менеджмент, цифровое образование и здравоохранение. Можно

утверждать, что понятия «информационный» и «цифровой» стали синонимами слова «современный», маркерами исторической эпохи. Однако эпохальное значение информационных технологий во многом обусловлено их конвергенцией с технологиями социальными. Масштабные изменения, пришедшие с информационно-технологической революцией второй половины XX века, оставляют в тени сопутствующие социально-технологические процессы. Обилие информационных средств и сред, глубина их интеграции в жизнь современного человека многократно усиливает возможности локальной социальной инженерии. В частности, В.И. Пржиленский замечает: «Без технологизации социальной жизни современное общество также немыслимо, как и без машинной техники. Вот почему вопросы взаимодействия социальных технологий с различными сферами социальной жизни оказываются столь важными и интересными» [Пржиленский 2014, 7].

Объектом воздействия информационных и социальных технологий (СТ) становятся не только деятельность и поведение, но и мышление, эмоции, чувства, симпатии и антипатии как индивидов, так и социальных общностей различного масштаба. В настоящей статье попытаемся внести посильный вклад в разрешение не только терминологических, но и концептуальных проблем. Как провести их различие, будучи онтологически погруженными в пространство конвергентного развития ИТ и СТ, в котором информационно-коммуникационная инфраструктура стала неотъемлемой частью большинства ориентированных на человека технологий, а структурирующие жизненный мир ИТ тесно ассоциированы с технологиями и техниками социальной инженерии? Возможна ли подобная демаркация в принципе? Какие факторы (экономические, политические, культурные) стимулируют симбиоз информационной инфраструктуры и возросших возможностей социально-технологического влияния?

Цифровая инфраструктура и человекомерный контент в становлении конвергентной социальной реальности

Понятие «информационные технологии» используется нами в статье в узком смысле, для обозначения устройств и технологий на основе микроэлектроники, получивших распространение с 1970-х годов. К ним относятся прежде всего вычислительная техника (компьютеры и программное обеспечение) и средства коммуникации (компьютерные сети, интернет, мобильная связь,

мультимедиа). В этом узком смысле понятия «информационные технологии» и «цифровые технологии» являются синонимами. Атрибутивный предмет ИТ – проектирование программно-технических средств, сфера их функционирования, т.е. процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов¹. Под социальными технологиями мы понимаем технологии, направленные на изменение сознания и поведения в заранее заданном направлении посредством специальным образом «программируемых» сценариев воздействия. В случае СТ предмет технологизации – это сознание, поведение, деятельность, убеждения человека (общественных групп) [Белокрылова и др. 2021, 141–142].

«Социальные технологии» – понятие часто применяемое в различных контекстах, от образования до бизнеса, от политики до психотерапии. При ближайшем рассмотрении оно демонстрирует парадоксальные свойства. В.И. Пржиленский утверждает: «В исследовательском и управленческом сообществе нет не только единой теории социальных технологий, но и единства во взглядах на то, какие именно виды управленческого воздействия или влияния на общество относятся к данному разряду явлений» [Воскобитова, Пржиленский и др. 2014, 51]. Эффективность технологий (от масштабных проектов политической и экономической направленности до индивидуализированных подходов коучинга и психотерапии) стала причиной повышенного внимания к СТ. Вследствие постоянного совершенствования информационной инфраструктуры проникающий характер СТ внезапно может оказаться весомым фактором внутренней и внешней политики (яркие примеры – события Арабской весны или события в Беларуси в 2020 году). Социально-технологическое противостояние и даже технологические войны – дело, вероятно, недалекого будущего.

Вместе с тем активизацию общественной динамики не следует автоматически отождествлять с воздействием технологий, она может иметь и внутренние естественные причины, например, системные противоречия. Соблазн домыслить технолога-кукловода, стоящего за следующими в определенном направлении

¹ Федеральный закон 2021 – Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». 2006. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/

событиями, был и остается очень сильным, особенно в периоды социальных трансформаций. Но нельзя отрицать, что СТ могут реализовываться инкогнито, мимикрируя под естественные процессы воспроизводства социальной жизни; встраиваются в их механизмы и действуют от их имени. Конвергенция программируемой информационной инфраструктуры и «программирующего» человекоориентированного контента на основе знания специфики индивидуального и группового поведения обеспечивает влияние СТ в цифровую эпоху и стимулирует инвестиции в их разработку и совершенствование.

Использование понятия «конвергенция» для описания «сближения», взаимодействия различных сфер научного знания и технологий, приводящее к появлению революционных инноваций, набирает популярность в начале XXI века в контексте обсуждения достижений в области нано-, био-, информационных и когнитивных технологий (*NBIC*-конвергенция). Одним из первых, кто сделал акцент на конвергенции ИТ в медиасфере и их значении для современного общества, на более широком взаимодействии ИТ с экономическим и социально-политическими процессами, был М. Кастельс [Кастельс 2000; Кастельс 2016]. Возможности конвергенции социальных и информационных технологий привлекают огромное внимание исследователей и специалистов. В первую очередь это касается сферы управления, где применение современных технологий позволяет эффективно распределять ресурсы на локальном и региональном уровне, оптимизировать и автоматизировать многие процессы [Lee, Joshi 2016]. Большое значение конвергенция технологий имеет для решения социальных проблем, сохранения духовной культуры. Вместе с тем существуют опасения, что технический прогресс и особенности современной информационной сферы способны нанести непоправимый урон социально-культурному наследию [Ruzic 2010]. Однако в зарубежной литературе наибольшее внимание уделяется конвергенции внутри информационного сектора, т.е. взаимодействию и взаимному влиянию передовых информационных технологий (искусственного интеллекта, робототехники, сетевых систем, аналитики данных). В результате повышается их эффективность, а развитие ускоряется [Information 2013].

Понятие «конвергенция» в условиях цифровизации социума имеет и более широкую трактовку: как движение к общему содержанию, интегрирующее технологическое, социальное и пси-

хологическое. Изложенный подход близок и Г. Брэдли, которая делает предметом своего анализа психосоциальную среду как активный компонент конвергенции, выделяя четыре ее уровня: индивидуальный, организационный, общинный и социальный. В рамках глобальной экономики происходит сближение технологий и социокультурных норм, технологии перестают быть ценностно нейтральными. Виртуальная среда открывает новые возможности конвергенции рабочего пространства, публичной сферы и частной жизни. На уровне индивида в сетевом обществе наблюдается конвергенция ролей: профессиональной, гражданской и личностной. Г. Бредли не оставляет без внимания и обратную тенденцию дивергенции, ее крайнюю степень – самоизоляцию, возникающие как следствие цифрового разрыва [Bradley 2010]. В данной статье понятие конвергенции ИТ и СТ используется для обозначения их тесного взаимодействия, усиливающего эффективность применения в различных сферах. Социальные и информационные технологии настолько «переплелись» в ткани современного общества, что иногда не различимы, порой их невозможно представить друг без друга.

Социализация технологий: осмысление исторических уроков

В большинстве случаев «путь» становления современных ИТ – это именно конвергенция, внедрение в уже сформировавшиеся сферы (например, управление, образование, медиа). Эти сферы, с одной стороны, не теряют своей предметной специфики, с другой – обретают посредством цифровых технологических инструментов новые горизонты. Б.Б. Славин пишет: «Информационные технологии (ИТ) не создают новых отношений, а лишь расширяют возможности и формы коммуникаций между людьми. Во избежание фетиша технологий новые продукты в информационно-коммуникационной области стоит рассматривать как процесс автоматизации уже существующей деятельности человека» [Славин 2012, 3]. В данном случае уместной представляется метафора «социализация технологий». Речь идет не о социализации посредством ИТ, а об обретении технологиями актуального социального статуса, включении их в систему общественных практик и коммуникации.

Несмотря на терминологическую созвучность, социальное влияние информационных технологий не следует автоматизи-

чески отождествлять с технологиями социальными. Социализированные технологии открывают возможности для новых общественных практик, «социальных техник». ИТ не являются исключением. В.И. Пржиленский отмечает: «Интернет как машинная технология создает условия для появления социальных сетей, которые становятся социальными техниками. А вот когда эти сети используются для ведения информационной войны, террористических актов или внушения некоторых идей, образов или эмоций, можно говорить о социальных технологиях. Да и то только в том случае, если войны с использованием сетей ведутся действительно с применением инструкций и алгоритмов, результат использования которых предскажем с высокой степенью точности» [Пржиленский 2016, 14–15].

Технология призвана удовлетворять те или иные практические потребности, реализовывать социальные функции и роли. Она ориентируется на определенные социальные условия. В свою очередь, наличие либо отсутствие последних обуславливает перспективы и темпы развития технологий. Д. Белл это поясняет на примере различия между изобретением, нововведением и их распространением. Изобретение – продукт теоретической науки, оно подчиняется логике научного прогресса. Нововведение определяется способностью коллективов и организаций использовать результаты научных достижений. Нововведения организационно адаптивны. Распространение нововведений зависит от их цены, объема платежного спроса и других социально-экономических факторов. В.Л. Иноземцев в совместной работе с Д. Беллом обращает внимание на то, что в современных условиях роль социальных и организационных структур, обеспечивающих внедрение и распространение технологических инноваций, только растет [Белл, Иноземцев 2007, 261–262].

В качестве драйвера внедрения и распространения технологии может выступать и частный, и государственный интерес. Важное значение может иметь модель государственного управления и экономических отношений, а также другие социокультурные факторы. Подтверждением данного тезиса служит история становления «осевой» технологии цифровой эпохи – интернета (см. подробнее: [Добродородний 2018]). Государственная поддержка правительства США сыграла существенную роль в создании предтечи интернета – компьютерной сети *ARPANET* в 1960–1970-х годах. Но изначально *ARPANET* выражала интересы не только

правительства, но и ученых, инженеров-разработчиков. Правительству (в первую очередь министерству обороны) нужна была децентрализованная система связи между командными пунктами, которые смогли бы продолжить эффективную коммуникацию в случае ядерной атаки СССР и уничтожения центрального штаба или нескольких командных пунктов. Кроме того, правительство, вовлеченное в космическую гонку и гонку вооружений, было заинтересовано в повышении эффективности работы ученых, выражающейся в научно-технических инновациях. Этому должно было способствовать объединение технических мощностей научно-исследовательских центров и университетов в единую сеть. В свою очередь, научное сообщество было также заинтересовано в вычислительных мощностях и создании стабильных каналов научной коммуникации, позволяющей мгновенно обмениваться результатами исследовательской деятельности. Инженеры-разработчики видели в компьютерных сетях новое пространство для творчества и самореализации, пространство, которое первоначально было абсолютно свободным от каких-либо норм и ограничений. Компьютерные сети на начальном этапе считали слишком дорогой технологией, слишком рискованной для частных инвестиций, поэтому они не могли обойтись без финансовой поддержки государства. Однако впоследствии компьютерные сети и интернет не смогли бы быстро развиваться, если бы не дополнительные факторы: альтруизм и авантюризм ученых и инженеров, венчурные инвестиции, которые обеспечили рост сети после ее приватизации, а также глобальные трансформации в медиасфере и организации бизнес-процессов [Кастельс 2004].

ИТ не детерминируют социальное развитие, а реализуются в тесной взаимосвязи с ним. Конкретные социокультурные условия способны и стимулировать, и препятствовать социализации технологии. Об этом свидетельствует история внедрения Общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации (ОГАС) в СССР, происходившего практически одновременно со становлением интернета. Планово-административная система государственного управления была крайне заинтересована в системе эффективной коммуникации для повышения контроля над производственными процессами и обществом в целом. Но начавшееся в 1960–1970-х годах массовое внедрение автоматизированных систем управления в 1980-е годы стало замедляться, а затем «свернулось». Государственная

инициатива не получила поддержки и понимания исполнителей на местах. Сказался дефицит квалифицированных и заинтересованных кадров, вызывали опасения новые методы управления, не хватало технических средств. Затем возникли значительные проблемы с финансированием инициативы, поскольку альтернативы государственному финансированию разработок не было [Соколов 2011, 67]. Даже мощный командно-административный ресурс государства не помог реализоваться технологической инновации, поскольку она не вызвала массовой поддержки среди ученых-энтузиастов, разработчиков и пользователей, а служила сугубо административным целям. Технология открытой коммуникации, свободного обмена информацией, децентрализованного производства знания противоречила бюрократизму советского государства, принципу секретности большинства научных разработок, закрытости научно-исследовательских и образовательных центров. Следовательно, такая технология, как интернет, не могла получить распространение в СССР, даже при наличии высококвалифицированных ученых и инженеров. Можно сделать вывод о том, что новые ИТ вступили в противоречие с организационной структурой общества и практикой социальных взаимодействий. Конвергенция ИТ и СТ не осуществилась, технические средства не закрепились в ткани социальной жизни и остались невостребованными.

Запрос на «мягкие» технологии управления

На современном этапе формируется полномасштабный запрос на новые ИТ и СТ. Как следствие, наблюдается бум их расширенного воспроизводства и стремительное завоевание все новых регионов человеческого бытия. Подобно тому как при определенных исторических условиях идеи становятся материальной силой, в информационно-коммуникационном обществе значение «управляемой активности» масс экспоненциально возрастает. Это – перспективный ресурс с неограниченной добавленной стоимостью. В результате наблюдается расцвет технологий воздействия как на производителя, так и на потребителя.

Непростая задача – оптимизировать, рационализировать, контролировать эффективность управленческих практик – оставалась актуальной на протяжении всей человеческой истории. Применяли различные «штучные» техники социального управления (многообразные дисциплинарные техники подчинения, эксплуатации,

религиозного и иного убеждения). К ним функционально могут быть отнесены социальные традиции и ритуалы. Мы разделяем мнение о том, что «все это и многое другое оказывается видом человеческой активности с применением “социальной” техники, но такая активность находится на дотехнологическом уровне» [Пржиленский 2016, 14–15]. В постиндустриальной экономике востребованы технологии управления знаниями в корпорациях, обеспечивающие кумулятивный эффект частного опыта, позволяющие «отвязать» знания от индивидуальных носителей и капитализировать их. Существенную роль играют техники кастомизации продукции и услуг под нужды конкретных потребителей.

В ситуации информатизации, глобализации, мультикультурных процессов и аксиологического плюрализма очевидной становится ограниченность моделей традиционного «вертикального» управленческого воздействия. Сетевому формату коммуникации современного общества, утвердившемуся благодаря соответствующим трендам ИТ, коррелятивны «мягкие» технологии социального проектирования. Следует учитывать и цивилизационные завоевания гуманизма, личностной автономии, политические права и свободы, требование политкорректности, которые накладывают определенные ограничения на авторитарное управляющее воздействие. Поэтому современные СТ могут быть дифференцированы из массива управленческих практик по признаку опосредованного (непрямого) воздействия [Белокрылова 2020].

СТ подводят субъекта к определенной идее, убеждению, линии поведения, в то время как решение остается в его внутренней компетенции. Однако со значительной долей вероятности оно соответствует исходным целям технологии. Личные границы, ставшие для современного человека неотъемлемой составляющей психологического и социального благополучия, оказываются пронизываемыми для объединенного воздействия СТ и ИТ. Вопреки распространенному стереотипу, социотехнологические практики не ориентированы на воспроизводство пассивных механически направляемых «винтиков», а напротив, служат средством стимулирования внутренней активности (но в определенном направлении).

Цифровую эпоху отличает потребность в более тонкой настройке воздействия на человека, что обеспечивает не просто подчинение и дисциплину, а высокомотивированный труд, инициативность, эмоциональную вовлеченность, креативность.

В этом смысле «капитализация человеческого капитала» имеет буквальное значение, поскольку именно индивидуальные знания, навыки, инициативность становятся главной ресурсной и конкурентной базой современных субъектов хозяйствования.

Технология гибкого управления проектами *Agile* является примером попытки обеспечить продуктивность организации труда через вовлеченность и мотивированность сотрудников, профессиональную коммуникацию, командный дух, оптимальное соотношение вертикальных и горизонтальных взаимодействий внутри коллектива, поддержание диалога и согласование позиций между коллективом и заказчиком. Случай *Agile* примечателен в том отношении, что инженеры-разработчики, профессионалы в области проектирования цифровых технологий, самостоятельно обратились к проектированию социально-организационных технологий оптимизации своей профессиональной деятельности.

Agile быстро набрал популярность, стал новым стандартом управления разработкой программного обеспечения в мире, фактически современным стандартом организации труда в таких ИТ-компаниях, как *Facebook*, *Amazon*, *Apple*, *Google* и *Netflix*². К числу преимуществ *Agile* обычно относят дебюрократизацию («работающее программное обеспечение важнее исчерпывающей документации»³), демократизм и самоорганизацию как основу философии и главную движущую силу; коллективную ответственность и коллективную рефлексию над путями повышения эффективности («команда должна систематически анализировать возможные способы улучшения эффективности и соответственно корректировать стиль своей работы»)⁴. Самые лучшие требования, архитектурные и технические решения рождаются у самоорганизующихся команд. В этом убеждены авторы Манифеста. Судьба проекта находится в руках мотивированных специалистов, а значит, всё, что требуется для успешной работы, – обеспечить им соответствующие условия и определенный кредит доверия.

Однако проникнутые идеями коллективизма и командной солидарности положения философии *Agile* («мы приветствуем креативность и инновационный подход, признавая, что основная ценность

² Хенди 2019 – Хенди. К. Agile: крупнейшая идеологическая проблема в ИТ. 2019. – URL: <https://habr.com/ru/company/piter/blog/448668/>

³ Манифест 2001 – Agile-манифест разработки программного обеспечения. – URL: <https://agilemanifesto.org/iso/ru/manifesto.html>

⁴ Там же.

проекта – это люди»⁵) не должны заслонять стратегическую цель данной технологии – увеличение отдачи от инвестиций. Клиентоориентированность выступает в Манифесте в качестве одного из центральных принципов. Деятельность команды протекает в условиях постоянной неопределенности, «готовность к изменениям важнее следования первоначальному плану». Принципиальными при этом являются гибкость, простота, умение оперативно адаптироваться к изменениям промежуточных целей. Кроме того, работающая в условиях неопределенности и изменяющихся требований, подходов команда разработчиков должна уметь не просто поддерживать постоянный темп, а непрерывно совершенствоваться.

Критики *Agile* отмечают решение проблемы скорости разработки за счет качества выпускаемого продукта⁶, прессинг в отношении формально замеряемой личной эффективности. Задуманное его создателями как деbüroкратизированное, либеральное, основанное на демократизме командной работы и коллективной ответственности управление при проверке оказывается «гибким управлением в ежовых рукавицах»⁷. Безусловно, *Agile* позволяет активизировать эмоциональную вовлеченность работников с учетом максимального стимулирования командного духа, расширенных полномочий самоорганизации и самоуправления в творческом коллективе, коллективной ответственности за результат. Однако эта же технология открыто преследует цели максимизации эффективности за счет уменьшения времени на разработку, постоянного роста индивидуальной выработки, создания максимально комфортных условий для клиента и увеличения нагрузки на разработчика. *Agile* как успешная технология капитализации человеческого капитала начинает применяться в качестве организационной методологии в сфере продаж, образовательной деятельности, государственном управлении [Данилина 2017; Лукашенко, Телегина 2019; Андреева, Синявская 2018].

Социальное проектирование в цифровом обществе:

Конвергентная социотехнологическая реальность открывает многообещающие перспективы и одновременно становится

⁵ Там же.

⁶ Шеин 2016 – Шеин А. Жертвы Agile: почему гибкая методология разработки губит крупный бизнес и помогает малому. 2016. – URL: <https://vc.ru/flood/20942-agile-victims>

⁷ Савкин 2017 – Савкин К. С. Agile тренд: управление компаний в 2018 году. – URL: <https://www.savkinks.ru/agile-trend.htm>

источником вызовов и рисков. Это типично для утверждения новых технологических укладов. Консолидированная экспансия социальных и информационных технологий специфична порождением особой конвергентной среды, оказывающей экстенсивное (расширяющееся по масштабам) и интенсивное (углубляющееся по степени влияния) человекомерное воздействие.

Социальные трансформации сегодня – это не просто функция возросших возможностей информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Современные ИКТ изначально социализированы. Уже на стадии разработки они ориентированы на встраивание в ткань социальных взаимодействий, удовлетворение определенных социальных потребностей и запросов. Технологии перестают быть чистой формой, в которую можно вложить произвольное содержание, подобно тому как расщепление атома открыло перспективы для созидательной ядерной энергетики и смертоносного оружия. Вместе с тем композит технического и социального – это лишь один из возможных ответов на формирующийся в недрах общественной структуры запрос. Например, архитектура социальных сетей содержит возможности «бана» – лишения либо ограничения прав пользователя, что становится инструментом социального исключения, средством цензуры и превентивного контроля массовых практик в цифровой среде. Кроме того, сетевые технологии обеспечивают принудительную публичность, открывающую возможности манипулирования общественным мнением через целенаправленные информационные «вбросы».

Поскольку жизненные стратегии современного человека все чаще разворачиваются именно в виртуализированном пространстве, технологии блокировки пользователей фактически знаменуют новую форму дисциплинарности, а сетевые технологии публичности обращены к контролю над репутацией. Что в этом случае первично: социальная востребованность или технологическая возможность ее реализации? Суть данного вопроса фактически заключается в том, чего в виртуальных технологиях больше – социального или технического. Открыл ли прогресс ИКТ более глубокие возможности дисциплинарного нормирования по сравнению с предшествующими эпохами, в рамках которых функционал социального исключения, контроля и «репутационного менеджмента», очевидно, существовал, но реализовывался другими средствами? На наш взгляд, противопоставлять стоит не социальное и техническое, а дотехнологическое и техноло-

гизированное воздействие. В новой конвергентной реальности технологическому противоположно не «естественное», а «кустарное». Под «кустарным» в данном случае понимается ручной режим управления и, шире, социального влияния, находящийся в значительной зависимости от индивидуальных особенностей его агентов, в связи с чем результаты носят достаточно случайный характер. От «промышленного», опирающегося на технологии и науку, «кустарный» способ отличает отсутствие или недостаток планирования, прогнозирования и контроля.

Представляется уместным еще раз акцентировать внимание на важном для концептуализации современной конвергентной социально-технологической реальности различии: 1) технологии, ориентированные на определенные производственные, коммуникативные и т.п. задачи, параллельно оказывающие воздействие на человека и общество; 2) технологии, целевым образом спроектированные для получения определенных поведенческих/ментальных реакций от своих реципиентов. Провести эмпирическую грань между данными «идеальными типами» не всегда возможно, поскольку первая категория демонстрирует устойчивую тенденцию перетекания во вторую, а технологии второй категории активно инструментализируют содержание первой. Трудности онтологической верификации конвергентных технологий обусловлены тем, что «современные технологии имеют тенденцию к относительной эмансипации от субъекта их порождения. Это также касается феномена современных информационных технологий и их имплицитной включенности в спектр социальных технологий как таковых» [Антипов 2014, 1488].

«Новая технологическая волна» интерпретируется в духе неограниченного социального могущества, что неоднократно происходило в истории восхождения технологических укладов и соответствующих управленческих и общественно-политических парадигм. Ее манифестацией становится концепт нетократии – власти, основанной на сетевых технологиях. Так, Н.Д. Узлов пишет: «В новой модели управления большое значение приобретает капитализация психических ресурсов. Реальным источником власти нового правящего класса, безусловно, будет являться новая система технологий управления поведением» [Узлов 2011, 68].

Традиционные типы социальных интеракций – субъект-объектное, субъект-субъектное взаимодействие – могут быть дополнены триадой: субъект – технология – субъект. Социаль-

ные технологии чаще всего подводят субъекта к определенной идее, убеждению, линии поведения, в то время как решение остается в его внутренней компетенции. Однако со значительной долей вероятности оно соответствует исходным целям технологии. А.С. Дацюк отмечает: «Происходит не властное принуждение к некоторому выбору, а создание такой ситуации, при которой выбор происходит естественно, но внутри самого пространства перспективы, а действия управляемого могут варьироваться и выбираться им самостоятельно. Управление поведением – это работа на опережение в условиях конкуренции инициатив» [Дацюк 2006].

Озабоченность современной социально-технологической экспансией выражают не только исследователи, но и политики. Например, А.Г. Лукашенко замечает: «Некоторые вещи пришли к нам настолько неожиданно. Не из-за беспечности. Просто мы этого не ожидали. А как можно ожидать, что через интернет, *Telegram*-каналы так глубоко залезут в мозги, в головы людей»⁸. В данном контексте уместно было бы задуматься о возможностях и границах социально-технологического воздействия. Дискуссионным остается вопрос о том, существуют ли в информационную эру нетехнологизируемые области общественного бытия? В.А. Лекторский предостерегает: «С помощью разного рода технологий, в том числе социальных, можно создавать условия для лучшего проявления специфически человеческих качеств (так, с помощью педагогических технологий можно создавать условия для развития творческих способностей). Но нельзя управлять свободой, творчеством, любовью, диалогом» [Лекторский 2011, 46].

В качестве атрибута социальных технологий выступает их возникновение в результате целенаправленной деятельности, моделирующей определенные фрагменты социальной реальности (сознание, поведение, взаимодействия, институты) в соответствии с намерениями и интересами субъекта (конструктора, социального инженера). Однако «искусственность» намерений и целей по аналогии с технзнанием основана на знании об объективных параметрах и характеристиках социальной среды, психологической конституции человека. Технология как проектирующая деятельность предполагает знание не просто свойств объектов и процессов, обнаруживаемых как естественная данность, но и

⁸ Интервью представителям ведущих российских СМИ // Президент Республики Беларусь. 2020, 8 сентября. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/intervyu-predstavityam-vedushchih-rossijskih-smi>

знания о знании, т.е. рефлексивный уровень. Проектные задачи реализуются не вопреки, а благодаря объективным «естественным» параметрам исходного социального объекта, сообразно с его природой. А.А. Аргамакова отмечает: «Социальные “демиурги” обычно не с нуля творят реальность, а совершенствуют уже существующие практики» [Аргамакова 2008, 79]. Таким образом, социальные технологии информационного общества предполагают определенное окно возможностей. Ввиду этого А.С. Дацюк заключает: «Любое влияние возможно, с одной стороны, на изменяющееся общество, с другой стороны, внутри его собственной перспективы, с третьей стороны, внутри его собственного культурного пространства. Попытка оказывать влияние на основании некоторого ностальгического содержания прошлого может быть некоторое время успешной, но в целом является бесперспективной, поскольку эксплуатирует отмирающие смыслы, а не создает новые» [Дацюк 2006].

Процесс социализации внедряемых в общественную практику технологий должен оцениваться не только с позиций их эффективности, но и с позиций гуманитарной экспертизы, широкого общественного обсуждения. Ярким примером конвергенции СТ и ИТ служат рейтинговые системы, сбор и ранжирование пользователей по определенным критериям. Беспрецедентный масштаб приняла система социального рейтинга, разработанная в КНР, где возможности ИТ и стремление к социальному контролю, управлению поведением и мотивацией реализованы синкретично. С философской точки зрения, технология социального рейтинга как «мягкой силы», которая управляет поведением индивида при помощи цифрового контроля и системы бонусов/наказаний, всячески его мотивирует совершать социально приемлемые поступки, лишает человека возможности самостоятельно и осознанно принимать решения, критически относиться к социальному окружению, задумываться над своим поведением и его последствиями, редуцирует целерациональную субъектность, свободу выбора, духовный поиск и развитие до элементарных действий в своеобразной виртуальной игре. Существует опасность того, что технология социального рейтинга будет способствовать формированию социальной массы конформистов, соревнующихся в успешности приспособления под требования рейтинговой системы. Относительно современной КНР можно говорить о перспективах формирования и закрепления «демократического большинства авторитарных индивидуумов» [Графов 2019].

Очевиден тот факт, что СТ активно используют ИТ в качестве средства достижения своих целей, многие из них стали возможны благодаря развитию ИТ. Но речь о СТ может идти лишь в том случае, если их предметная направленность (то, что пытаются изменить в заданном направлении) – человек и общество, когда присутствуют четкие цели, средства и алгоритмы достижения подобных изменений. В свою очередь, востребованность ИТ в качестве платформы эффективного и высокопродуктивного инструмента социального влияния, мягкого регулирования общественных процессов в желаемом направлении, будь то коммерческий или государственный интерес, во многом обусловило заказ на их разработку и распространение. Конвергентное функционирование обоих видов технологий в информационную эпоху становится и внутренним драйвером их совершенствования, и одновременно источником культурных вызовов, поскольку социальные и информационные технологии не являются интеллектуальными и гуманными просто по умолчанию.

Заключение

В глобальную информационную эпоху пристального изучения требуют не только масштабные социально-технологические проекты, с критикой в отношении которых выступал К. Поппер, но и локальные последствия, индуцируемые точечным воздействием конвергентных технологий. Системная интеграция ИТ и СТ в жизнедеятельность современного общества, латентные формы их реализации актуализируют проблему гуманитарной экспертизы технологических проектов. В ракурсе внимания должны находиться границы и потенциально запретные приемы и методы, которые чреваты деструктивными последствиями. Определение границ применимости таких технологий и методов – прямая миссия гуманитариев. Принципиальное значение для философского осмысления природы конвергентной социально-технологической реальности имеет вопрос о том, являются ли СТ в конечном счете производной наук о человеке и обществе, или в данном случае наука «плетется в хвосте» у доказавшей свою эффективность практики [Белокрылова 2021, 49–50].

Важным предметом философского осмысления является вариативность форм проявления современных социально-технологических вызовов и рисков. Актуальной практической повесткой обладает задача противодействия деструктивным

Д.Г. ДОБРОРОДНИЙ, В.А. БЕЛОКРЫЛОВА. Конвергенция информационных...
воздействиям со стороны СТ, реализуемых на информационной платформе. В свою очередь, гуманистические ориентиры конструктивного социально-технологического проектирования еще только предстоит сформулировать. Эта задача предполагает разработку и обоснование системы этических и методологических критериев экспертной оценки технологий на предмет деструктивности, общественной опасности, манипулятивного потенциала. В эпоху всеобщей коммодификации дистанция между императивом эффективности и императивом гуманизма постоянно увеличивается, а ключевым параметром технологии как таковой остается целерациональность. Поэтому процесс социализации человекомерных социальных и информационных технологий должен стать предметом широкого общественного обсуждения.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Андреева, Синявская 2018 – *Андреева Р.Н., Синявская О.Ю.* Scrum: гибкость в жестких рамках // Вестник Государственного университета управления. 2018. № 2. С. 12–20.

Антипов 2014 – *Антипов А.С.* Место технологии в процессах социального конструирования // Фундаментальные исследования. 2014. № 8. С. 1485–1489.

Аргамакова 2015 – *Аргамакова А.А.* Прикладное социогуманитарное знание, социальные технологии и инженерия // Эпистемология и философия науки. 2015. № 4. С. 70–84.

Белл, Иноземцев 2007 – *Белл Д., Иноземцев В.* Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI века. – М.: Журнал «Свободная мысль»; Центр исследований постиндустриального общества, 2007.

Белокрылова 2020 – *Белокрылова В.А.* Феномен социальных технологий в контексте управленческих стратегий постиндустриального общества // Философия и экономика в эпоху цифровой трансформации: сборник тезисов докладов по материалам Международной научно-практической конференции, 15 декабря 2020 года, г. Минск. – Минск: БГЭУ, 2020. С. 359–365.

Белокрылова 2021 – *Белокрылова В.А.* Социогуманитарные технологии в пространстве современного общества // *Doctrina studia społeczno-polityczne*. 2021. № 18. С. 47–60.

Белокрылова и др. 2021 – *Белокрылова В.А., Лукашевич В.К., Никитина Ю.Ф.* Социально-гуманитарные технологии в инфраструктуре «общества риска» // Философские исследования. Сборник научных трудов. Выпуск 8. – Минск: Беларуская навука, 2021. С. 137–148.

Воскобитова, Пржиденский и др. 2014 – *Воскобитова Л.А., Тульчинский Г.Л., Захарова М.В., Пржиденский В.И.* Социальные технологии

и гуманистические ценности. Рефлексируя проблему // Философские науки. 2014. № 10. С. 47–52.

Графов 2019 – *Графов Д.Б.* Повышение устойчивости политической системы КНР и система социального рейтинга // Вестник Института востоковедения РАН. 2019. № 3. С. 235–248.

Данилина 2017 – *Данилина Н.В.* Гибкие методы в государственном управлении: опыт зарубежных стран // Государственное и муниципальное управление: вызовы и приоритеты. Материалы III международной научно-практической конференции, Москва, 8 декабря 2017 года. – М.: РУСАЙНС, 2017. С. 114–119.

Дацюк 2006 – *Дацюк С.А.* Гуманитарные технологии как инструменты влияния // Центр гуманитарных технологий. 2006. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2749>.

Добродородний 2018 – *Добродородний Д.Г.* Социокультурные условия становления сети Интернет // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2018. № 2. С. 23–28.

Кастельс 2000 – *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Кастельс 2004 – *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004.

Кастельс 2016 – *Кастельс М.* Власть коммуникации. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

Лекторский 2011 – *Лекторский В.А.* Рациональность, социальные технологии и судьба человека // Эпистемология и философия науки. 2011. № 3. С. 35–48.

Лукашенко, Телегина 2019 – *Лукашенко М.А., Телегина Т.В.* Научить студента думать: Scrum как метод продуктивного обучения в учебном заведении // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 138–142.

Пржиленский 2014 – *Пржиленский В.И.* Социальные технологии и гуманистические ценности. Pro et contra // Философские науки. 2014. № 10. С. 7–8.

Пржиленский 2016 – *Пржиленский В.И.* Социальные технологии: фундаментальные и прикладные проблемы. – М.: Норма, Инфра-М, 2016.

Славин 2012 – *Славин Б.Б.* Конвергенция архитектур социальной и корпоративной информационной среды человека // Бизнес-информатика. 2012. № 5. С. 3–9.

Соколов 2011 – *Соколов А.В.* Информационное общество в виртуальной и социальной реальности. – СПб.: Алетейя, 2011.

Узлов 2011 – *Узлов Н.Д.* Настоящее и будущее гуманитарных технологий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2011. № 4. С. 62–70.

Bradley 2010 – Bradley G. The Convergence Theory on ICT, Society and Human Beings – towards the Good ICT society // TripleC: Communication, Capitalism & Critique. 2010. Vol 8. No. 2. P. 183–192.

Information... 2013 – Information Technology Convergence: Security, Robotics, Automations and Communication / ed. by J.J. Park, L. Barolli, F. Xhafa, H.-Y. Jeong. – Dordrecht: Springer, 2013.

Lee, Joshi 2016 – Lee K., Joshi K. Importance of Globalization in the Information Technology Convergence Era // Journal of Global Information Technology Management. 2016. Vol. 19. No. 1. P. 1–5.

Ruzic 2010 – Ruzic F. Empowering Social Knowledge with Information Technology: Technological and Cultural Issues Convergence // Social Knowledge: Using Social Media to Know What You Know. – Hershey, PA; New York: IGI Global, 2010. P. 249–291.

REFERENCES

Andreeva R.N. & Sinyavskaya O.Yu. (2018) Scrum: Flexibility within a Rigid Framework. *Vestnik Universiteta*. No. 2, pp. 12–20 (in Russian).

Antipov A.S. (2014) The Place of Technology in the Social Designing Processes. *Fundamentalnye issledovaniya*. No. 8, pp. 1485–1489 (in Russian).

Argamakova A.A. (2015) Applied Socio-Humanitarian Knowledge, Social Technologies and Engineering. *Epistemology and Philosophy of Science*. No. 4, pp. 70–84 (in Russian).

Bell D. & Inozemtsev V.L. (2007) *The Era of Disunity: Reflections on the World of the 21st Century*. Moscow: Svobodnaya mysl'; Center for Research of Post-Industrial Society (in Russian).

Belokrylova V.A. (2020) The Phenomenon of Social Technologies in the Context of Management Strategies of Post-Industrial Society. In: A.A. Golovach (Ed.) *Philosophy and Economics in the Era of Digital Transformation* (pp. 359–365). Minsk: BSEU (in Russian).

Belokrylova V.A. (2021) Socio-Humanitarian Technologies in the Space of Modern Society. *Doctrina studia społeczno-polityczne (Doctrina. Social and Political Journal)*. No. 18, pp. 47–60 (in Russian).

Belokrylova V.A., Lukashevich V.K., & Nikitina Yu.F. (2021) Social and Humanitarian Technologies in the Infrastructure of the Risk Society. In: Adu-lo T.I. & Dudchik A.Yu. (Eds.) *Philosophical Studies. Collection of scientific works* (Issue 8, pp. 137–148). Minsk: Belaruskaya navuka (in Russian).

Bradley G. (2010) The Convergence Theory on ICT, Society and Human Beings – towards the Good ICT society. *TripleC: Communication, Capitalism & Critique*. Vol 8, no. 2, pp. 183–192.

Castells M. (1996–1998) *The Information Age*. Cambridge, MA: Blackwell (Russian translation: Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2000).

Castells M. (2001) *The Internet Galaxy, Reflections on the Internet, Business and Society*. Oxford: Oxford University Press (Russian translation: Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2004).

Castells M. (2009) *Communication Power*. Oxford: Oxford University Press (Russian translation: Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2016).

Danilina N.V. (2017) Agile in Public Administration: the Experience of Foreign Countries. In: Zudenkova S.A. (Ed.) *State and Municipal Governance: Challenges and Priorities* (pp. 114–119). Moscow: Ru-Science (in Russian).

Datsyuk A.S. (2006) Humanitarian Technologies as Instruments of Influence. *Center for Humanitarian Technologies*. From <https://gtmarket.ru/library/articles/2749> (in Russian).

Dabrarodni D.G. (2018) Socio-Cultural Conditions of the Internet Network Becoming. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology*. No. 2, pp. 23–28 (in Russian).

Grafov D.B. (2019) “Social Credit System” and Other Approaches to Strengthen Stability of China’s Political System. *Journal of the RAS Institute of Oriental Studies*. No. 3, pp. 235–248 (in Russian).

Lee K. & Joshi K. (2016) Importance of Globalization in the Information Technology Convergence Era. *Journal of Global Information Technology Management*. Vol. 19, no. 1, pp. 1–5.

Lukashenko M.A. & Telegina T.V. (2019) Teaching the Student to Think: Scrum as a Productive Learning Method in the School. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. Vol. 8, no. 2, pp. 138–142 (in Russian).

Lektorsky V.A. (2011) Rationality, Social Technologies and the Fate of Man. *Epistemology and Philosophy of Science*. No. 3, pp. 35–48 (in Russian).

Park J.J. Barolli L., Xhafa F., & Jeong H.-Y. (Eds.) (2013) *Information Technology Convergence: Security, Robotics, Automations and Communication*. Dordrecht: Springer.

Przhilensky V.I. (2014) Social Technologies and Humanist Values. Pro et Contra. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskiye nauki*. No. 10, pp. 7–8 (in Russian).

Przhilensky V.I. (2016) *Social Technologies: Fundamental and Applied Problems*. Moscow: Norma, Infra-M (in Russian).

Ruzic F. (2010) Empowering Social Knowledge with Information Technology: Technological and Cultural Issues Convergence. In: Girard J.P. & Girard J.L. *Social Knowledge: Using Social Media to Know What You Know* (pp. 249–291). Hershey, PA: IGI Global.

Slavin B.B. (2012) Convergence Architectures of Social and Corporate Information Environment of a Human. *Binzness-Informatika*. No. 5, pp. 3–9 (in Russian).

Sokolov A.V. (2011) *Information Society in Virtual and Social Reality*. Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

Uzlov N.D. (2011) The Present and the Future of Humanitarian Technologies. *Perm University Herald. Series: Philosophy, Psychology, Sociology*. No. 4, pp. 62–70 (in Russian).

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-93-111

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

Наука как ценность в обществе риска

А.И. Зеленков

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Аннотация

В статье проблема взаимосвязи науки и сферы ценностей культуры рассмотрена в двух взаимно скоррелированных аспектах. Во-первых, раскрывается амбивалентный статус науки как важнейшего социального института в современном динамично трансформирующемся обществе, которое в соответствии с популярной метафорой У. Бека все чаще называют «обществом риска». Во-вторых, проблема социокультурной детерминации научного познания интерпретируется как проблема аксиологии науки. При этом взаимосвязь социальных и внутринаучных (когнитивных) ценностей рассмотрена через призму возможных форм и механизмов их философско-методологической репрезентации. Показана специфика предпосылочного знания и такой его формы, как метатеоретические основания научного исследования. Амбивалентный характер ценностного статуса науки в условиях смены социокультурных приоритетов индустриальной цивилизации раскрывается в статье на фоне краткой реконструкции основных идей концепции «рефлексивной модернизации» У. Бека, теории рискогенной природы развития науки и высоких технологий Г. Бехманна, идеи З. Баумана о социокультурном дисбалансе как о сущностной характеристике «индивидуализированного общества». Специфика ценностной детерминации научного познания представлена в контексте обоснования социокогнитивного подхода как важнейшего результата в философско-методологических исследованиях науки в XX веке. В рамках этого подхода выделены две альтернативные стратегии использования социальных и когнитивных ценностей в качестве специфических форм предпосылочного знания. Одна из стратегий ориентирована на разработку концептуальных оснований науки и рационально обоснованных метатеоретических структур (В.С. Степин). Вторая стратегия отдает предпочтение неконцептуальным (доконцептуальным) формам предпосылочного знания как продуктивным метафорам, выполняющим функции методологической эвристики и инте-

грации научных знаний в культуру эпохи (М. Фуко, Л. Лаудан и др.). В статье делается вывод о своеобразной бифункциональности сферы ценностей культуры по отношению к науке. С одной стороны, наука является фундаментальной ценностью в современной культуре, хотя ее влияние на социальную жизнь неоднозначно. С другой стороны, доминантные ценности общества риска активно влияют на формирование нового образа науки и ее методологического инструментария.

Ключевые слова: наука, ценность, социальные и внутринаучные (когнитивные) ценности, ценностная амбивалентность науки, аксиология науки, метатеоретические основания научного исследования.

Зеленков Анатолий Изотович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

zelenkov-antl@yandex.by

<https://orcid.org/0000-0002-1209-9840>

Для цитирования: Зеленков А.И. Наука как ценность в обществе риска // Философские науки. 2021. Т. 64. № 5. С. 93–111.
DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-93-111

Science as a Value of Risk Society

A.I. Zelenkov

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract

In the article, the issue of the relationship between science and the sphere of cultural values is considered in two mutually correlated aspects. Firstly, it reveals the ambivalent status of science as the most important social institution in a modern dynamically transforming society, which, in accordance with the very popular metaphor of U. Beck, is increasingly called the “risk society.” Secondly, the problem of sociocultural determination of scientific knowledge is interpreted as a problem of the axiology of science. At the same time, the relationship between social and intrascientific (cognitive) values is examined through the prism of possible forms and mechanisms of their philosophical and methodological representation. The author examines the specificity of pre-requisite knowledge, especially in the form of the metatheoretical foundations of scientific research. The article reveals the ambivalent nature of the value status of science in the context of changing socio-cultural priorities of the industrial civilization, against the background of a brief reconstruction of the main ideas of U. Beck’s concept of reflexive

modernization, the theory of risk-generating development of science and high technologies by G. Bechmann, Z. Bauman's idea about sociocultural imbalance as an essential characteristic of "individualized society." The specificity of the value determination of scientific knowledge is considered in the context of substantiating the sociocognitive approach as the most important result of the philosophical and methodological research in the 20th century. Within the framework of this approach, two alternative strategies are distinguished, for using social and cognitive values as specific forms of prerequisite knowledge. One of the strategies is focused on development of conceptual foundations of science and rationally grounded metatheoretical structures (V.S. Stepin). The second strategy gives preference to non-conceptual (pre-conceptual) forms of background knowledge as productive metaphors that perform the functions of methodological heuristics and the integration of scientific knowledge into culture (M. Foucault, L. Laudan, et al.). The article concludes that there is the peculiar bifunctionality of the cultural value in relation to science. On the one hand, science itself is a fundamental value in modern culture, although its impact on social life is ambivalent. On the other hand, the dominant values of risk society influence the formation of a new image of science and its methodological tools.

Key words: science, value, social and intrascientific (cognitive) values, value ambivalence of science, axiology of science, metatheoretical foundations of scientific research.

Anatoly I. Zelenkov – D.Sc. in Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University

zelenkov-antl@yandex.by

<https://orcid.org/0000-0002-1209-9840>

For citation: Zelenkov A.I. (2021) Science as a Value of Risk Society. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 64, no. 5, pp. 93–111. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-93-111

Введение

В исследованиях науки как доминантного компонента культуры эпохи постсовременности акцент на анализе ее ценностной природы, различных форм взаимосвязи науки и сферы социальных ценностей сегодня особенно актуален и значим. Действительно, в условиях формирования базовых установок постиндустриального стиля жизни наука не только приобретает статус преобладающей формы познания, но и становится одной из доминирующих социальных ценностей.

Область взаимосвязи науки и сферы ценностей культуры обширна и многомерна. Для того, чтобы обозначить некоторые принципиально важные контексты этих многогранных связей и взаимодействий, укажем лишь на две проблемы, которые обоснованно претендуют на статус актуальных в современной философии науки: 1) ценностный статус науки как социального института в современном трансформирующемся обществе; 2) возможности методологической репрезентации социальных и внутринаучных ценностей.

Как известно, наука в ее специфической функции – продуцировать новые программы объяснения и преобразования природной и социальной реальности – утверждается в новоевропейской культуре. Уже с первых этапов своей институализации в этом важнейшем предназначении она обретает особый аксиологический статус. В научном сообществе утверждается мнение о ценностной нейтральности науки как особого социального института. В этом смысле она провозглашает лозунг беспристрастности и объективности при исследовании природы в противоположность рефлексивным формам культуры и познания. Наука как бы дистанцируется от философии, морали, религии с их интенцией выразить ценностные устремления человека в акцентированно рефлексивных формах миропонимания. Основой эпистемологического идеала науки становится истина как универсальный регулятив познавательной деятельности с его требованиями обязательной элиминации из научного знания всего того, что связано с субъектом и формами его духовно-чувственного опыта. Но, как справедливо отметил выдающийся немецкий ученый М. Борн, такой идеализированный образ науки был подобен прекрасному сну, иллюзии которого развеялись с наступлением новой индустриальной эпохи и глобальных научных революций.

Амбивалентный статус науки в современном трансформирующемся обществе

Наступившая индустриальная эпоха утверждает практику фронтального внедрения новых научных знаний в структуру промышленного производства и социальных технологий в качестве универсального средства решения основных проблем социодинамики. Естественно, эта практика радикально не согласуется с тезисом о ценностной нейтральности науки. Напротив, она ста-

новится социально востребованной, а оценка ее социокультурной роли – устойчиво позитивной.

Однако базирующаяся на перманентной научно-технической экспансии индустриальная цивилизация к середине XX столетия вступила в фазу системной дисфункции основных ее компонентов. К этому периоду отчетливо обозначились границы и пределы социодинамики индустриального типа, сформировались и рельефно заявили о себе глобальные проблемы современности. Возникает и формируется постиндустриальное общество, которое все чаще позиционирует себя в качестве своеобразной цивилизационной альтернативы техногенным обществам. Роль науки и ее ценностные квалификации в культуре современных обществ утрачивают былую однозначность и все чаще характеризуются очевидной амбивалентностью. Такая переоценка ценностей становится атрибутивной для эпохи постсовременности, которую в соответствии с популярной метафорой У. Бека все чаще называют «обществом риска».

В предисловии к своей книге «Общество риска. На пути к другому модерну», ставшей бестселлером, У. Бек пишет: «В основе книги лежит предположение, что мы являемся свидетелями <...> разлома внутри модерна, отделяющегося от контуров классического индустриального общества и обретающего новые очертания – очертания <...> “общества риска”» [Бек 2000, 4].

В этом «обществе риска», согласно удручающе реалистичной позиции немецкого социолога, «возникает новая “аскриптивная” разновидность чреватой грозными опасностями судьбы, от которой не уйти при всем старании» [Бек 2000, 1]. Угрозы и опасности становятся неотъемлемыми спутниками нашей обыденной жизни. Они путешествуют с ветром и по воде, свидетельствуют о том, что обобществление природы, ее покорение силами науки и человеческого интеллекта возвращаются к нам неотвратимым бумерангом Чернобыльской катастрофы. Не только природные катаклизмы, но и «опасные общественные метаморфозы» выступают в качестве постоянных спутников жизни в обществе риска. Неслучайно Бек утверждает следующее: «В глобальности заражения... повседневные нормы жизни ставятся с ног на голову. Рушатся рынки. В условиях изобилия царит дефицит. Возникают массовые претензии. Правовые системы не справляются с фактами. Самые животрепещущие вопросы наталкиваются на недоуменное пожимание плечами. Медицинское обслуживание

оказывается несостоятельным. Рушатся научные системы рационализации. Шатаются правительства. Избиратели отказывают им в доверии. И все это при том, что грозящая людям опасность не имеет ничего общего с их действиями, наносимый им ущерб – с их трудом, а окружающая действительность в нашем восприятии остается неизменной» [Бек 2000, 3].

Поскольку именно наука и базирующиеся на ней технологии служат реальными инструментами интенсивной экспансии человека в окружающую его природную и социальную среду, в культуре современных западных обществ формируется устойчивый антисциентистский синдром. Неудивительно, что, столкнувшись с проблемами, о которых упоминает У. Бек, интеллектуальная элита общества риска испытывает своего рода психологический шок, подвергает принципиальному сомнению возможность науки быть гарантом социального прогресса и всеобщего процветания. Спектр форм и жанров этой критической рефлексии по отношению к науке широк. Это – антропологически ориентированные версии антисциентизма, в которых обосновывается мысль о принципиальной невозможности постичь феномен человеческого существования средствами научно-рационального познания. Это – и абстрактно-гуманистические версии антисциентизма, провозглашающие возврат к утраченным в историческом процессе традиционным формам общения и природопользования. Это – и постмодернистская программа тотальной критики науки, развенчания принципа рациональности и социального конструктивизма.

Адепты антисциентизма не устают повторять, что в эпоху постсовременности наука осуществляет важнейшую функцию универсализации человека не столько в системе духовных сущностей, сколько в пространстве реальной жизни и социальной практики. В итоге она становится «инструментом контроля и регуляции системы на ходу, простирающимся вплоть до контроля самого знания, а это неизбежно приводит к террору» [Лиотар 1998, 14–20].

В своей книге, фиксируя социоприродные аномалии общества риска, У. Бек солидарен с рядом критических оценок и антисциентистских квалификаций современной науки, ее ролью в модернизирующихся обществах. Однако его позицию нельзя оценить как тождественную такому тотальному отрицанию науки, техники и перспектив модерна в обществе риска. Он отчетливо дистан-

цируется как от тех, кто в борьбе с напором «иррационального духа времени» придерживается предпосылок просветительского XX века, так и от тех, кто готов вместе с накопившимися аномалиями спустить в реку истории и весь проект модерна [Бек 2000, 5].

Собственную позицию он квалифицирует как проект «рефлексивной модернизации», в рамках которой индустриальное общество с его культом научно-технического прогресса, позитивной оценкой науки и научной рациональности не тождественно модерну как стратегии рационализации второй ступени, открывающей возможности перспективной эволюции общества риска. Именно такая интерпретация общества риска становится сегодня наиболее референтной и широко представленной в различных западных моделях современной социодинамики. Характерной в этом контексте является концепция немецкого исследователя Г. Бехманна. В частности, он пишет: «Понятие риска сделало головокружительную карьеру в области социальной теории» [Бехманн 2010, 74]. С его точки зрения, это вполне объяснимо поскольку современные общества, испытывающие на себе вызовы рефлексивной модернизации, постоянно сталкиваются с ситуациями опасностей и рисков. Во-первых, речь идет о рисках, связанных с интенсивным развитием высоких технологий, ставящих под сомнение традиционные формы человеческого общения и ценности культуры. Во-вторых, это – нарастание экологических проблем и трансформации их в глобальные угрозы изменения климата и нарушения устойчивости биосферы в целом. В-третьих, подразумевается риск как неотъемлемый элемент принятия решений в сфере безопасности международных отношений в условиях нарастания турбулентных тенденций глобализации.

Во всех этих ситуациях роль науки и наукоемких технологий оказывается не только имплицитно значимой, но и обнаруживающей свой социально-практический эффект. Это относится ко всем измерениям науки как феномена современной культуры и цивилизации: науке как специфическому типу познавательной деятельности и исследования; науке как знанию и особым образом структурированной информации; науке как социальному институту.

Происходят кардинальные изменения социокультурного статуса науки, поскольку она из дисциплинарно организованной формы познания природных и общественных процессов и явлений превращается в трансдисциплинарную деятельность, органично

соединяющую фундаментальные теоретические исследования и практику социальных технологических инноваций. Соответственно, проблема оценки роли и значения науки в новой ее ипостаси в обществе риска приобретает еще более выраженную актуальность и аксиологическую неоднозначность. Как и У. Бек, Г. Бехманн в ответе на этот вопрос придерживается академически выверенной позиции. С одной стороны, он не может не фиксировать принципиальную ограниченность дисциплинарно организованной науки в разрешении актуальных проблем общества риска. Более того, он однозначно соглашается с мнением, в соответствии с которым многие из указанных проблем возникают вследствие неумеренной экспансии инструментального научного разума. Поэтому он констатирует, что наука сегодня играет все меньшую роль, поскольку в ее бесконечные возможности уже мало кто верит. Но, с другой стороны, ни одна значимая экономическая, политическая, социальная проблема не может быть решена и даже перспективно интерпретирована вне науки и рационально-теоретических методов их анализа. Правда, подтверждать свою состоятельность науке приходится уже в принципиально новых условиях [Бехманн 2010, 133]. Поэтому и оценка ее роли не может не быть амбивалентной.

Аналогичную позицию в оценке современной науки как важнейшего социального института постсовременного общества занимает и известный британский социолог З. Бауман. В работе «Индивидуализированное общество» он утверждает, что на рубеже XX–XXI веков ощущение кризиса становится почти повсеместным и всеобъемлющим. В экономике, этике, политике постоянно нарастает дисбаланс, и основные подсистемы социума болезненно реагируют на его возникновение. Для характеристики дисбаланса З. Бауман использует немецкий термин *Unsicherheit*, интерпретируя его как «комплексный дискомфорт, включающий в себя, помимо ощущения небезопасности, неуверенность и незащищенность» [Бауман 2002, 44]. Он в значительной степени солидарен с широко распространенным мнением о том, что именно современная наука, ориентированная на перманентный рост и технологические инновации, во многом ответственна за этот социокультурный дисбаланс.

Однако позицию радикального отрицания науки и научной рациональности как безусловной ценности в культуре постиндустриальных обществ З. Бауман принципиально отвергает. Он

заявляет, что кризис рационального сознания, неспособность действовать рационально и адекватно требованиям жизни становятся знаковым недугом эпохи позднего модерна и постмодерна [Бауман 2002, 43]. Презумпция реализма и ответственных оценок роли науки в успешном разрешении глобальных и локальных проблем современного общества должна стать доминирующей в среде западных интеллектуалов, философов и общественных деятелей. Роль знания и прежде всего рационально обоснованных, доказанных научных знаний становится беспрецедентно значимой в условиях нарастания социальной и природной нестабильности, вызовов и угроз, которые все более рельефно заявляют о себе в обществе риска.

Парадоксы социодинамики, природные и социальные аномалии, которые потрясают воображение современного человека, переводят проблему выбора между фронтальной критикой научного разума и обоснованием высоко престижного имиджа науки в разряд не просто теоретически актуальных, а жизненно важных проблем сохранения цивилизации. Нельзя не вспомнить утверждение Гегеля о том, что человеком и обществом правят, скорее, неразумие и недомыслие, а вовсе не разум и научная обоснованность. Это мудрое назидание классика философии и сегодня актуально. Действительно, востребованы не столько рассуждения о тоталитарной природе разума и репрессивной сущности науки, сколько идеи социального конструктивизма, базирующиеся на научно-рациональных технологиях и принципах системного анализа вызовов и противоречий, которыми богата современная эпоха. Именно такой позитивно-конструктивный акцент в обсуждении проблемы взаимосвязи науки и сферы социальных ценностей характерен для философско-методологических ее исследований, осуществляемых в парадигме аксиологической или социокультурной детерминации научного познания.

Уровни и механизмы ценностной детерминации научного исследования

Одним из значимых достижений в развитии философско-методологических исследований науки в XX столетии стало обоснование социокогнитивного подхода как перспективной стратегии современного науковедения. В рамках этой стратегии предложены различные версии идеи социокультурной детерминации научного познания. Одна из таких версий основана на

теории ценностей и языке аксиологии науки. В качестве базовой идеи принимается утверждение о том, что и процесс, и результат научно-познавательной деятельности в существенной степени зависят от историко-культурного контекста и доминантных ценностей культуры, в которой происходит личностная и профессиональная социализация ученого.

Конечно, при такой постановке вопроса следует определить сущность понятия доминантных ценностей и их место в системе ценностных оснований культуры в целом. В рамках аксиологии науки всю совокупность ценностей, как правило, разделяют на социальные ценности и внутринаучные ценности.

В культурном пространстве любого конкретно-исторического общества социальные ценности даны в формах политических, религиозных, эстетических, моральных или правовых взглядов и убеждений, которые характерны для большинства членов этого общества. Они влияют на выбор целей и приоритетов в деятельности общества в целом и его подсистем. Отношение к науке и нормам научной рациональности всегда составляло значимую часть аксиологического пространства культуры, оказывало непосредственное влияние на функционирование, развитие общества и базовых его институтов.

Внутринаучные ценности представляют собой совокупность нормативно-методологических предписаний и институциональных императивов, которые в значительной мере влияют на структурную архитектуру новых научных знаний и процесс научного исследования в аспекте выбора оптимальных средств и методов его осуществления. Данный тип ценностных ориентаций ученого нередко называют когнитивными ценностями, поскольку они определяют имманентные для науки установки и методологические нормативы в их относительной независимости от социального контекста и культурной детерминации. К ним, как правило, относят методологически референтные стандарты научной рациональности, модели объяснения и обоснования новых научных знаний, эталоны и образцы организации и структурного оформления научных теорий как закономерного итога научно-познавательной деятельности. Именно когнитивные ценности формируют тот аксиологический каркас науки, который ответствен за ее интересусубъективный и общезначимый статус.

С выходом в свет работы Т. Куна «Структура научных революций» статус когнитивных ценностей провозглашен как принципи-

ально значимый не только в практике научных исследований, но и в философии науки, а также в различных версиях ее исторических реконструкций. Неслучайно один из признанных авторитетов в данной области исследований Л. Лаудан отмечал «повсеместную роль когнитивных ценностей <...> в формировании научной рациональности» [Laudan 1984, xii].

Дифференциация аксиологического пространства науки на социальные и когнитивные ценности получила в современной философии и социологии науки широкое распространение, приобрела статус продуктивной идеи, позволившей конкретизировать механизмы взаимодействия общества и науки. Так, согласно Р. Уитли, многие из этих механизмов можно прояснить, если провести четкое разделение между когнитивной и социальной формами институализации науки. Уитли отмечает: «Когнитивная институализация имеет два основных связанных аспекта. Во-первых, это касается степени согласия по поводу ясности базовых формулировок, критериев актуальности проблемы, определения и приемлемости ее решения, а также используемых методов и понятийного инструментария. Во-вторых, она определяет деятельность ученого с точки зрения такого консенсуса... Социальная институализация также имеет два измерения: во-первых, это степень внутренней организации и определения границ, а во-вторых, степень интеграции в преобладающие социальные структуры легитимации и распределения ресурсов. Для естественных наук это второе измерение обычно относится к степени интеграции новых научных знаний в учебные программы и кафедры университетов» [Whitley 1974, 72].

Одна из актуальных проблем ценностного измерения современной науки связана с экспликацией форм и механизмов взаимодействия когнитивных и социальных ценностей. Важная роль в таком взаимодействии принадлежит предпосылочному знанию. По мнению Л.А. Микешиной, «в этом знании в логико-методологической форме должны быть отражены и зафиксированы все виды ценностных отношений самого процесса познания: от социально-психологических до социально-экономических и культурно-исторических; от внутринаучных методологических до философско-мировоззренческих» [Микешина 2007, 172].

Совокупность форм предпосылочного знания принято подразделять на два больших класса аксиологических оснований науки: концептуальные и доконцептуальные (иногда их называют

неконцептуальными). К концептуальным обычно относят философские категории и принципы в их методологической редакции, идеалы и нормы научного исследования, стили мышления и научные картины мира. Класс неконцептуальных ценностных предпосылок научного поиска включает в себя нормы «здравого смысла», интуитивные догадки и констатации относительно задач и целей познания, художественно-поэтические и моральные оценки его природы и специфики в конкретно-исторических условиях и социокультурных обстоятельствах того или иного общества. В этих глубинных неэксплицированных основаниях научного исследования часто содержится тот изначальный горизонт явлений, который Э. Гуссерль называл «жизненным миром» и в котором будто «схватываются» вербально неартикулированные установки деятельного сознания. В качестве одного из примеров таких неконцептуальных ценностных предпосылок науки можно указать метафору, методологическая роль которой в процедурах научного поиска нередко оказывается значимой и эвристически плодотворной [Теория метафоры 1990].

Тем не менее именно концептуальный уровень предпосылочного знания является принципиально значимым и, несомненно, доминирующим в реальной практике современных научных исследований. Он предполагает высокую степень категориально-методологической экспликации ценностных установок и исходных интуиций ученого в формах их логико-дискурсивной фиксации с последующей разработкой четких познавательных процедур и мыслительных схем. При этом особую роль выполняет метод рефлексии. Л.А. Микешина замечает: «В методологии науки рефлексия предстает как эпистемологическая или логико-теоретическая процедура выявления и осознания компонентов знания, в первую очередь его предпосылок, ценностей и оснований, оценка их конститутивных и регулятивных функций и возможностей. В результате скрытое, имплицитное содержание, подразумеваемое или, напротив, неосознаваемое, формулируется явно, из периферийного, “фонового” становится центральным объектом исследования, оценки и выбора» [Микешина 2007, 216].

Следует отметить, что, несмотря на наличие ряда вопросов относительно операциональной эффективности метода рефлексии, а также на языковую и функциональную специфику концептуальных и неконцептуальных предпосылок научного исследования, их жесткое разграничение существенно упрощает реальную прак-

тику научного поиска и требует более осторожных и взвешенных оценок. Нередко эти две формы предпосылочного знания тесно переплетаются и функционируют как синкретичные, взаимозаменяемые ансамбли. Об этом свидетельствует практика разработки и использования различных метатеоретических структур науки, активизировавшаяся в результате кризиса стандартной модели науки и ее замены постпозитивистскими версиями структуры и динамики научного познания.

«Парадигма» Т. Куна, «эпистемы» М. Фуко, «глубинные тематические структуры» Дж. Холтона, «концептуальные установки» Я. Хинтикки, «исследовательская традиция» Л. Лаудана и другие версии аксиологически размерных предпосылочных структур науки представляют собой образцы во многом метафорически выраженных и синкретичных конструкторов, в содержании которых произвольно сочленяются концептуальные и неконцептуальные формы предпосылочного знания. Факт такой синкретичности в интерпретации содержания и функциональных особенностей метатеоретических оснований науки нельзя признать перспективным в контексте возможностей рационального объяснения единства контекстов психологии научного открытия и логики обоснования нового научного знания. Данная синкретичность затрудняет и решение такой важной методологической проблемы, как экспликация связей и опосредований между социальными ценностями и реальной практикой научных исследований. По мнению В.С. Степина, одной из причин этих трудностей является недостаточная структурная дифференциация основных компонентов теоретического знания и форм его взаимодействия с ценностным слоем культуры.

Представленная в работах В.С. Степина концепция метатеоретических оснований науки в значительной мере позволяет преодолеть эти трудности и предложить рационально обоснованную и методологически плодотворную модель интеграции аксиологических оснований культуры в содержание нормативных структур науки, а через них и в реальную практику научных исследований. В.С. Степин полагает, что «именно основания науки выступают, с одной стороны, компонентом внутренней структуры науки, а с другой – ее инфраструктурой, которая опосредует влияние на научное познание социокультурных факторов и включение научных знаний в культуру соответствующей исторической эпохи» [Степин 2000, 11].

Программа разработки и понятийно корректной фиксации метатеоретических оснований науки позволяет связать практику методологической рефлексии над наукой с использованием не только внутринаучных ценностей, но и социальных ценностей в процедурах научно-исследовательской деятельности. При этом следует четко понимать, что прежде всего это относится к особым периодам в жизни науки, которые квалифицируются как глобальные научные революции. Один из таких периодов связан с генезисом классической науки в XVI–XVII веках.

В сложном многообразии культурных и философских тенденций эпохи Возрождения можно вычленить ряд ценностных оснований, оказавших существенное влияние на процесс формирования и утверждения в культуре как самого образа науки, так и тех нормативных структур познания, которые стали своеобразными «предшественниками» будущих регулятивов и норм научного исследования. К таковым следует отнести: 1) установку на десакрализацию природы и культуры, распространение стандартов светской культуры и рациональных способов объяснения и понимания процессов и явлений объективной действительности; 2) формирование нового взгляда на сущность таких универсалий культуры, как движение, пространство, время, в связи с заменой представлений о статической гармонии мира на его динамическую картину; 3) распространение свободомыслия и инноваций как ценностных ориентиров личности, включенной в процессы познания и практики на основе новых целей и культурно-профессиональных норм деятельности; 4) возникновение и первичные формы институализации материально-производственной направленности познания, предполагающей замену схоластической его ориентации на практическое использование знаний.

Рациональная экспликация и философское обобщение данных ценностей эпохи Возрождения, соответствующая их конкретизация посредством перевода в язык методологических нормативов дают возможность обосновать значимый вывод о глубинной корреляции этих ценностей с содержательными и операциональными характеристиками классического стиля научного мышления [Зеленков 1981]. Становление и развитие не только классической, но и современной науки убедительно подтверждает тезис о значительном влиянии социальных ценностей на стратегию и тактику научных исследований, их взаимодействие с основными институтами постиндустриальных обществ. Новый образ

науки имплицитно сохраняет в своем содержании социальные приоритеты и ценности, которые детерминируют важнейшие мировоззренческие представления о природе, человеке, культуре. Сегодня классический тип взаимодействия человека с природной средой его обитания претерпевает радикальную трансформацию. Формируется новое видение природы, в котором на смену механистическим ее моделям приходят различные версии холистической ее интерпретации, холистическая парадигма [Ласло 2004, 163]. Эта идея целостного «организмического» истолкования природы приобретает в настоящее время универсальное значение и в формах экологического стиля мышления оказывает влияние и на науку, и на культуру в целом.

Столь же значительные, по сути, революционные трансформации происходят и в понимании процессов динамики природных и социальных систем. Они порождают феномен т.н. нелинейной эпохи, в которой порядок, стабильность, равновесие перестают играть роль доминантных ценностей. Напротив, в ней преобладают флуктуации, неустойчивость, неравновесность, бифуркационные развязки [Пригожин, Стенгерс 1986].

Еще об одной ценностной трансформации стоит упомянуть, если речь идет о формировании новой конфигурации норм и эталонов научного мышления. В классической картине мира человек наделялся функциями демиурга, властителя и потребителя природы, ее ресурсов и достояний. Среди важнейших его предназначений – перманентное преобразование природы и силовое воздействие на нее. Этот принцип неумолимого активизма имплицитно распространялся и на общество, а также межличностные отношения, причем не только в сфере материального производства, но и в формах духовного общения. В современной культуре происходит имеющая принципиальное значение мутация этой ценностной установки. Появляется и получает широкое распространение идея экзистенциальной ответственности человека за все происходящее в мире. Данная ценностная трансформация оформляется в т.н. «этике ненасилия», согласно которой принцип господства человека над природой и социальными процессами объявляется атавизмом и реликтом утратившей актуальность системы ценностей. Идеи этики ненасилия приобретают сегодня не просто актуальное звучание, они задают ценностные и нравственные приоритеты в развитии основных формообразований современной культуры. В качестве активной

восприемницы этих идей выступает и наука, для которой презумпция почтения к природе, а не бездумного ее преобразования, становится все более явственной и ощутимой. Согласно Э. Ласло, такая презумпция глубоко и органично укоренена в религиозно-философских учениях Востока. Следовательно, формирование нового образа науки и современного типа научной рациональности, по его мнению, предполагает освоение этого культурного наследия и ассимиляцию его ценностей и нравственных установок в научных сообществах западных стран. С ним солидарен и В.С. Степин: «Новый тип рациональности, который в настоящее время утверждается в науке и технологической деятельности и который имманентно включает рефлексии над ценностями, резонирует с представлениями о связи истинности и нравственности, свойственной традиционным восточным культурам. Наука становится одним из важных факторов диалога культур Востока и Запада» [Степин 2015, 24].

Таким образом, не только классическая наука, но и современные ее модификации испытывают на себе ощутимое воздействие тех социальных ценностей, которые определяют аксиологический строй соответствующей эпохи. Это означает, что тезис о принципиальной значимости аксиологической детерминации науки и ее философско-методологического инструментария получает еще одно важное подтверждение.

Заключение

Не так давно опубликован юбилейный доклад Римского клуба под названием «Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet» [von Weizsäcker, Wijkman 2018]. Название и основная идея доклада представляются глубоко симптоматичными, поскольку в качестве этой идеи его авторы, Э. фон Вайцзеккер и А. Вийкман, провозглашают неизбежность коренной смены парадигмы развития современной цивилизации. Своеобразным рефреном доклада является следующий тезис: «Старый мир обречен. Новый мир неизбежен». Этот радикальный вывод предполагает не менее радикальную трансформацию базовой системы ценностей, фундамирующей глубинные устои современной техногенной цивилизации. Поскольку одним из приоритетов в существующей системе ценностей служит установка на перманентный научно-технический прогресс и сопряженный с ним всеобъемлющий рост производства и потребления, сакраментальным

становится вопрос о глубинных источниках и мотивациях роста. Очевидно, что одним из таких источников являются наука и ее взаимосвязи с ценностями культуры.

Предметом рассмотрения в данной статье является именно проблема аксиологического статуса современной науки как доминантного компонента в культуре постиндустриальных обществ. Причем из многомерного комплекса различных аспектов этой проблемы акцент сделан лишь на двух ее измерениях. Первое – сама наука и ее ценностный статус в культуре современного общества, которое в соответствии со ставшей популярной метафорой У. Бека трактуется как «общество риска». В рамках второго измерения доминантные ценности современного общества охарактеризованы как социокультурные детерминанты важнейших методологических программ и нормативных структур научного исследования. Инструментально и технологически значимым аспектом такой детерминации является вопрос о формах и механизмах взаимодействия социальных и когнитивных ценностей в процессе разработки и обоснования операционально значимых методологических принципов и нормативных структур, непосредственно влияющих на выбор целей, методов и средств научного исследования.

Проведенный в статье анализ обозначенной проблемы позволил обосновать несколько значимых выводов. Во-первых, аксиологический статус науки в культуре общества риска утрачивает былую однозначность и перестает играть роль безусловной позитивной ценности, гарантирующей не только непрерывное инновационное развитие, но и социальное одобрение такой цивилизационной стратегии. Сегодня под воздействием радикальных природных аномалий, возрастающей социальной нестабильности наука начинает рассматриваться и оцениваться в ее амбивалентной проекции. Аксиологическая неоднозначность в оценке науки и ее технологических приложений резко актуализирует роль и значение адекватных социокультурных экспертиз новых научных проектов и открытий. Во-вторых, становление аксиологии науки как перспективной философско-методологической программы исследования форм и механизмов социокультурной детерминации научного познания актуализировало вопрос о роли и взаимосвязи концептуальных и неконцептуальных предпосылок научного исследования. Как правило, неконцептуальные (доконцептуальные) формы предпосылочного знания даны в виде метафорически выра-

женных образных конструкций, в которых рационально обоснованная логика научного поиска дополняется, а зачастую и подменяется ее историческими и социально-психологическими детерминантами. Такая ориентация в разработке аксиологических оснований науки характерна для представителей постпозитивистской и феноменологической стратегий развития философии науки.

Более перспективной и методологически предпочтительной является разработанная в отечественной философии программа метатеоретических оснований науки, в которой эксплицированы операционально значимые механизмы взаимосвязи и взаимодействия социальных и когнитивных ценностей в процессе научного исследования. Дальнейшее развитие этой программы предполагает более дифференцированный анализ сферы когнитивных ценностей в аспекте их социально-конструктивистской интерпретации.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бауман 2002 – *Бауман З.* Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002.

Бек 2000 – *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Бехманн 2010 – *Бехманн Г.* Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. – М.: Логос, 2010.

Зеленков 1981 – *Зеленков А.И.* Идеалы науки и ценностная природа познания // Идеалы и нормы научного исследования. – Минск: БГУ, 1981. С. 159–180.

Ласло 2004 – *Ласло Э.* Макросдвиг: к устойчивости мира курсом перемен. – М.: Тайдекс Ко, 2004.

Лиотар 1998 – *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.

Микешина 2007 – *Микешина Л.А.* Эпистемология ценностей. – М.: РОССПЭН, 2007.

Пригожин, Стенгерс 1986 – *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986.

Степин 2000 – *Степин В.С.* Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Степин 2015 – *Степин В.С.* Исторические типы научной рациональности: проблемы демаркации и преемственности // Философия, методология и история науки. 2015. № 1. С. 6–27.

Теория метафоры 1990 – Теория метафоры: сборник / под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990.

Laudan 1984 – *Laudan L.* Science and Values. The Aims of Science and their Role in Scientific Debate. – Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1984.

von Weizsäcker, Wijkman 2018 – von Weizsäcker E.U., Wijkman A. *Come on! Capitalism, Short-Termism, Population and the Destruction of the Planet: A Report to the Club of Rome*. – New York: Springer, 2018.

Whitley 1974 – Whitley R. *Cognitive and Social Institutionalization of Scientific Specialties and Research Areas // Social Process of Scientific Development* / ed. by R. Whitley. – London; Boston: Routledge & K. Paul, 1974.

REFERENCES

Arutyunova N.D. & Zhurinskaya M.A. (Eds.) (1990) *Metaphor Theory*. Moscow: Progress (in Russian).

Bauman Z. (2002) *The Individualized Society*. Moscow: Logos (Russian translation).

Bechmann G. (2010) *Modern Society: Risk Society, Information Society, Knowledge Society*. Moscow: Logos (Russian translation).

Beck U. (2000) *Risk Society: Towards a New Modernity*. Moscow: Progress-Traditsiya (Russian translation).

László E. (2004) *Macrosift: Navigating the Transformation to a Sustainable World*. Moscow: Taydeks Co (Russian translation).

Laudan L. (1984) *Science and Values. The Aims of Science and their Role in Scientific Debate*. Berkeley: University of California Press.

Lyotard J.-F. (1998) *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. Moscow: Institute of Experimental Sociology Press; Saint Petersburg: Aletheia (Russian translation).

Mikeshina L.A. (2007) *Epistemology of Values*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Prigogine I. & Stengers I. (1986) *Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature*. Moscow: Progress (Russian translation).

Stepin V.S. (2000) *Theoretical Knowledge*. Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).

Stepin V.S. (2015) Historical Types of Scientific Rationality: Problems of Demarcation and Continuity. *Philosophy, Methodology, and History of Science: Scientific and Practical Journal*. Vol. 1, no. 1, pp. 6–27 (in Russian).

von Weizsäcker E.U. & Wijkman A. (2018) *Come on! Capitalism, Short-Termism, Population and the Destruction of the Planet: A Report to the Club of Rome*. New York: Springer.

Whitley R. (1974) *Cognitive and Social Institutionalization of Scientific Specialties and Research Areas*. In: Whitley R. (Ed.) *Social Process of Scientific Development*. London: Routledge & K. Paul.

Zelenkov A.I. (1981) Ideals of Science and the Value Nature of Cognition. In: *Ideals and Norms of Scientific Research* (pp. 159–180). Minsk: Belarusian State University Press (in Russian).

Трансдисциплинарный статус теории экологической модернизации и ее роль в развитии инвайронментальной парадигмы

В.В. Анохина

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Аннотация

В статье рассматривается специфика трансдисциплинарных ориентаций в современном научном познании, выявляется многомерность феномена трансдисциплинарности в постнеклассической науке. Поскольку трансдисциплинарность во многом формируется как ответ на вызов возрастающей сложности и неопределенности будущих трансформаций в системе «природа – человек – общество», наиболее подходящей областью трансдисциплинарных исследований является сегодня экологическое знание. На примере теории экологической модернизации (*Ecological Modernization Theory* – ЕМТ) изучается междисциплинарная структура и трансдисциплинарный статус современного социально-экологического знания. Основной целью настоящего исследования является анализ различных модусов трансдисциплинарности теории экологической модернизации и выявление ее роли в динамике современного инвайронментализма. Исследование эпистемологического статуса теории экологической модернизации осуществляется посредством философско-методологической рефлексии над основаниями альтернативных дискурсов устойчивого развития, а также с использованием принципов системного подхода, методов сравнительного анализа и семантической интерпретации. Выявляется роль идеи устойчивого развития и ценностей инвайронментализма в формировании категориально-понятийного аппарата теории экологической модернизации, ее исходных постулатов и положений. В статье обосновывается синтетический характер исследуемой теории, соответствующий требованиям постнеклассического типа научной рациональности. Показывается принадлежность теории к т.н. «постнормальной» науке. В результате проведенного анализа утверждается, что присущее экологической философии понимание целей общественного развития, принципов справедливости, социальной гармонии, человеческого благополучия является основанием принятия новых концептов, теоретических схем и методологиче-

ских ориентаций в системе современных социально-экологических исследований.

Ключевые слова: трансдисциплинарность, постнормальная наука, социальная экология, теория экологической модернизации, социально-экологическая система, экологическая философия, инвайронментализм, устойчивое развитие.

Анохина Виктория Валентиновна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета.

dr.v.anohina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9300-4702>

Для цитирования: Анохина В.В. Трансдисциплинарный статус теории экологической модернизации и ее роль в развитии инвайронментальной парадигмы // Философские науки. 2021. Т. 64. № 5. С. 112–127. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-112-127

Transdisciplinary Status of the Ecological Modernization Theory and Its Role in the Development of Environmental Paradigm

V.V. Anohina

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract

The article examines the specificity of transdisciplinary orientations in modern scientific knowledge and reveals the multidimensionality of transdisciplinarity as a phenomenon of post-nonclassical science. Since transdisciplinarity is largely formed as a response to the challenge of increasing complexity and uncertainty of the future transformations in the “nature – man – society” system, the most appropriate area of transdisciplinary research today is environmental knowledge. In the example of the Ecological Modernization Theory (EMT), the article investigates the interdisciplinary structure and transdisciplinary status of contemporary social ecology. The aim of the article is to analyze the various modes of transdisciplinarity in the structure of the ecological modernization theory and to identify its role in the dynamics of modern environmentalism. The epistemological status of EMT is explicated through philosophical and methodological reflection on the alternative discourses of sustainability as well as by using the principles of a systematic approach, methods of comparative analysis and semantic interpretation. The idea of sustainable development and the values

of environmentalism are considered important factors in the formation of concepts and categories of this theory, its initial postulates and principles. The article substantiates the synthetic character of this theory, which meets the requirements of the post-non-classical type of scientific rationality. The article concludes that EMT can be classified as a post-normal science. As a result of the analysis, it is argued that environmental philosophy has a special understanding of the goals of social development, principles of justice, social harmony, and human well-being. The reinterpretation of these concepts is a basis for adoption of novel theoretical schemes and methodological orientations in the system of modern socio-environmental studies.

Keywords: transdisciplinarity, post-normal science, social ecology, theory of ecological modernization, socio-ecological system, ecological philosophy, environmentalism, sustainable development.

Victoria V. Anohina – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the Philosophy and Methodology of Science Department, Belarusian State University.

dr.v.anohina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9300-4702>

For citation: Anohina V.V. (2021) Transdisciplinary Status of the Ecological Modernization Theory and Its Role in the Development of Environmental Paradigm. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 64, no. 5, pp. 112–127.

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-112-127

Введение

В современной научной литературе существуют различные подходы к пониманию экологической модернизации. Как правило, предлагаемые научные дефиниции рассматривают ее довольно узко, как специфический сегмент политической, социально-управленческой и/или научно-производственной деятельности, ориентированной на решение экологических проблем, снижение уровня загрязнения окружающей среды и формирование рациональной системы природопользования. Так, И.П. Кулясов определяет экологическую модернизацию как вид целенаправленных социальных изменений, осуществляемых «в соответствии с новейшими, современными экологическими требованиями и нормами, выполнение которых ведет к устранению проблем между человеком и средой его обитания, обществом и природой» [Кулясов 2005, 100]. Такая интер-

претация является вполне инструментальной, но достаточно узкой.

В философии и современных социальных теориях экологическая модернизация, напротив, рассматривается в широком контексте социокультурного и экологического развития техногенной цивилизации. Известный социолог О.Н. Яницкий отмечает важность системных трансформаций общества в ходе ее реализации. Принципиальное значение для комплексного понимания экологической модернизации имеет новая парадигма объяснения социобиосферных процессов, предложенная ученым. Опираясь на акторно-сетевую концепцию Б. Латура, он вводит концепт «глобальной социобиотехнической системы», в структуре которой осуществляются непрерывные взаимодействия природных, социальных и техногенных агентов (факторов) [Яницкий 2019б, 17–18]. В процессе функционирования этой системы социальные агенты, подобно техническим и природным, находятся внутри происходящего, взаимно определяя и изменяя друг друга. Экологическая модернизация рассматривается как нелинейный процесс перманентной трансформации всех взаимодействующих составляющих [Ефременко и др. 2019; Яницкий 2019а; Яницкий 2019в]. Согласно О.Н. Яницкому, «внутренняя противоречивая целостность СБТ-систем приводит к необходимости их анализа в рамках не предметного (монодисциплинарного), а проблемного подхода» [Яницкий 2016, 7], получаемые в социальных, биологических и технологических исследованиях данные подвергаются взаимной интерпретации. Экологическая модернизация, являясь продуктом социального прогнозирования и технического конструирования, а также результатом повседневных социальных практик, представляет собой важный компонент глокальной политики, медиа- и социальной коммуникации.

Концепция экологической модернизации характерна для науки трансдисциплинарного типа и должна изучаться сквозь призму присущих ей категориально-понятийных, аксиологических и методологических особенностей. Однако в отечественной философии науки теория экологической модернизации (*Ecological Modernization Theory*, или *EMT*-теория) еще не получила должного рассмотрения. Цель настоящей статьи – анализ специфики *EMT*-теории как новой формы организации научного знания в структуре постнормальной науки, а также выявление ее роли

в развитии инвайронментальной парадигмы и альтернативных форм дискурса по проблемам устойчивого развития.

Исследование статуса *ЕМТ*-теории в структуре современной науки осуществлялось посредством философско-методологической рефлексии над ее ценностно-мировоззренческими основаниями и на базе методов семантической интерпретации, сравнительного анализа ряда концепций, посвященных проблемам взаимодействия общества и природы в эпоху «высокой» современности (У. Бек, Ф. Буттель, Э. Гидденс, А. Ирвин, М.Дж. Коэн, А. Моль, Дж. Раветц, Д. Сонненфельд, С. Фунович и др.). Применялись и принципы системного подхода, позволяющие рассматривать *ЕМТ*-теорию в единстве ее структурных компонентов, в контексте теоретико-концептуальных связей с инвайронментальной философией, экологической этикой и другими формами экологического знания.

Теория экологической модернизации как феномен постнормальной науки

Обращаясь к проблеме становления *ЕМТ*-теории, следует отметить, что возникла она сравнительно недавно. Ее становление Ф. Буттель связывает с бурным развитием североамериканской экологической социологии 1980-х годов, в фокусе внимания которой было исследование параметров перехода зрелых индустриальных обществ на путь устойчивого развития [Buttel 2000a, 59–60]. В совместных работах с А. Модем он отмечает, что *ЕМТ*, вскрывая недостатки модернизации развитых стран, ставит целью объяснить изменения в отношениях между государством, субъектами рынка и гражданским обществом, сопровождающие переход к устойчивому развитию [Buttel 2000b, 17–39]. Согласно западным исследованиям, *ЕМТ*-теория не только представляет собой образец постнормального типа научной рациональности, но претендует на роль новой парадигмы исследования социальной динамики глобального «общества риска» (У. Бек). Она конкретизирует концепцию «рефлексивной модернизации» (Э. Гидденс, У. Бек), выступая в качестве альтернативы постмодернистским образам плюральных обществ «текучей» современности [Бек 2000; Гидденс 2011].

В тематическом пространстве этой теории обсуждаются проблемы последних десятилетий. Их специфика указывает на актуализацию новых угроз, обусловленных изменением климата,

миграциями и цивилизационными конфликтами. Однако *ЕМТ* не остается на уровне макроанализа социальной динамики. Будучи постнеклассической теорией, она интегрирует различные уровни описания социально-экологической реальности в нелинейную картину происходящих трансформаций, учитывающую как специфику биосферных процессов, так и разнообразные антропогенные факторы. Социальная реальность рассматривается не столько в институциональном и акторном срезе, сколько сквозь призму ее интерсубъективного, коммуникативного измерения.

Подобные теории соответствуют новой, трансдисциплинарной фазе развития науки, коррелирующей с особенностями рефлексивной модернизации. Определяя данную фазу как «постнормальную» науку, С. Фунович и Дж. Равец отмечают в качестве ее важнейшей особенности тесную интеграцию с политикой и гражданскими инициативами, возникающую под влиянием изменившейся природы рисков. Поскольку политическая деятельность предполагает минимизацию риска возможных катастроф, она вынуждена опираться на экспертные сообщества, проводимые которыми исследования будущего (*futures studies*) обладают высокой степенью неопределенности. В такой ситуации возникает необходимость принятия превентивных решений вне зависимости от того, наступит ли катастрофа и каков будет ее реальный масштаб. Социальная, экономическая, экологическая цена подобных решений предполагает развитие научной деятельности особого типа – «превентивной» науки, которая призвана взаимодействовать с разными формами социальных дискурсов и всеми стратегиями концептуализации рисков.

Другими словами, постнормальная наука развивается не в закрытом поле экспертной деятельности, а в открытом диалоге с гражданами, социальными активистами, различными медиа, политическими лидерами, профсоюзными и общественными движениями. Традиционные претензии науки на истинность не могут в современных условиях ограждать ее от социально признанных ценностей, этических норм, социального контроля, других противовесов, которые применяются в демократических обществах с целью предотвращения концентрации власти в рамках отдельных институтов и роста социального отчуждения [Funowicz, Ravetz 1993, 735–755; Funowicz et al. 1998, 99–107]. Наряду с концепцией устойчивого развития *ЕМТ*-теория функционирует в когнитивной среде, соответствующей требованиям

многослойной рефлексивности. Ее идеи и положения интерпретируются посредством циклов коммуникации, пронизывающих все специализированные (экспертные) и неспециализированные (гражданские) поля культуры [Pellizoni 1999, 99–125].

Для того, чтобы выявить специфику связи *ЕМТ* с парадигмой инвайронментализма, необходимо рассмотреть особенности ее категориального аппарата. Согласно исследованиям А. Моля, Д. Сонненфельда, М.Дж. Козна, формирование языка данной теории связано с работами 1970-х годов немецкого социолога Дж. Хубера, в которых он обосновывает необходимость перехода к новой системе экологического мышления [Mol, Sonnenfeld 2000, 4; Cohen 1997, 108]. Речь идет о переопределении ряда ключевых понятий социального познания и о новом подходе к различению таких пар категорий, как «общество/культура», «природа / окружающая среда». Понятие «окружающая среда» не может быть редуцировано ни к биогеохимической, ни к социокультурной реальности. Оно призвано наполниться интеллигибельным содержанием, выражающим непрерывность процессов социализации и конструирования природы человеком. Такой подход требует пересмотра концептуальных рамок исследования экологических проблем, изменения присущих мировоззрению модерна взглядов на общество как качественно отличную от природы форму бытия.

На важности переосмысления границ между социальным и природным, искусственным и естественным настаивает и другой представитель инвайронментальной парадигмы – А. Ирвин. Он подчеркивает важность преодоления дисциплинарных барьеров между естественными и социально-гуманитарными науками в экологических исследованиях, а также синтеза «технического» и «гражданского» знания [Irwin 1995, 181–182]. Ирвин отмечает, что нельзя «обсуждать значение понятия “environment”, не замечая, что мы не пассивные жертвы окружающей среды. Окружающая среда не просто нам “дана”. Она также нами создается и интерпретируется» [Irwin 2001, 14].

Необходимость новой интерпретации этого концепта происходит также из особенностей ситуации, в которой оказалось общество благодаря ускоряющемуся процессу перемен. Как справедливо подчеркивает У. Бек, «общество со всеми его системами – экономической, политической, семейной, культурной – в современном мире уже нельзя воспринимать как нечто “автономное”, независимое от природы. Экологические проблемы – это

не проблемы окружающей среды, а в своем генезисе и последствиях целиком общественные проблемы, проблемы человека, его истории, условий его жизни, его отношения к миру и реальной действительности, его экономических, культурных и политических воззрений» [Бек 2000, 99].

В российской науке во многом сходные идеи отстаивает О.Н. Яницкий, согласно которому, модернизация должна пониматься как многоуровневый и нелинейный процесс, развивающийся «в трех пространствах: биосферном, социотехническом и виртуальном». Согласно Яницкому, основой биосферного пространства являются «территориально закрепленные экосистемы, встроенные в биосферу Земли. Они имеют определенную конфигурацию, размеры и несущую способность (*carrying capacity*), превышение которой превращает их из источника благ в источник рисков. <...> Основой второго, социотехнического пространства являются города. Это – социально, экономически и технологически эффективный ландшафт, вмещающий столько финансовых, людских и иных ресурсов, сколько требует экономика. Он независим от местных условий. В пределе это – полностью искусственный ландшафт, функционирующий прежде всего в интересах государства и мира в целом. <...> Третьим пространством является всемирная паутина производства знаний и информации. Она детерминирует развитие двух предыдущих. Она также имеет свои узлы и сети, свою динамику, но в отличие от первых двух фиксирована лишь в нескольких точках, причем эти точки легко “отрываются” от территориальной привязки» [Яницкий 2008]. Таким образом, в категориально-понятийной матрице *EMT*-теории прочно утверждается представление о биосфере как сложноорганизованном, нелинейно развивающемся социоприродном комплексе и об окружающей среде как интеллигибельном феномене и продукте социального конструирования.

Концепт социально-экологической системы

Одним из важнейших концептов современной *EMT*-теории становится понятие социально-экологической системы (*socioecological system – SES*), структура и функции которой определяются взаимодействием между людьми, а не взаимосвязью абиотических и биотических факторов. Подобно тому, как в эволюции биосферы главную системообразующую роль играет «живое вещество» (В.И. Вернадский), так и в структуре *SES* люди и создаваемое

мые ими институты оказываются главными факторами их функционирования. Понимание поведения этих систем требует смещения фокуса внимания с проблемы материально-вещественных (ресурсных) циклов на культуру и политику.

Характерной особенностью пространственно-временных параметров экологической модернизации является перманентный конфликт, обусловленный столкновением разнонаправленных социальных и экономических сил в условиях ограниченной вместимости биосферы. Источником конфликта, согласно О.Н. Яницкому, является «противоречие потока и места» [Яницкий 2008], определяющее низкую эффективность принятых стратегий устойчивого развития.

Глобальная экономика, вопреки идеологемам неолиберализма, не является гомогенным целым. Она представлена множеством конфликтующих друг с другом систем и сценариев, укорененных в национальном контексте. Даже если страны и регионы будут проводить схожую экологическую политику, это все равно приведет к различным результатам, а следовательно, к росту нестабильности. В чем же она проявляется?

Во-первых, в столкновении различных стратегий модернизации, направленных на ускорение экономического роста, сокращение бедности, улучшение распределения материальных благ и качества жизни, внедрение инновационных технологий и т.п. Достижения экологической модернизации в передовых, индустриально развитых странах в соответствии с «эффектом рикошета» будут нивелироваться результатами быстрой индустриализации стран периферии, концентрирующих более двух третей мирового населения и использующих открытые на Западе технологии в интересах роста.

Во-вторых, в отсутствии согласованной стратегии устойчивого развития, единой, рационально выверенной экологической политики, которая была бы направлена на решение структурных проблем цивилизационной динамики, а не на стимуляцию экономического роста как автономную цель. В-третьих, нет единства в понимании тактических целей устойчивого развития. Часто не выполняются международные обязательства, поскольку у стран отсутствуют согласованные подходы в финансовой и торговой сферах, по вопросам инвестиций, укрепления научно-производственного потенциала развивающихся стран и передачи им технологий. В результате официальная помощь ООН,

предназначенная для мобилизации международных финансовых ресурсов на поддержку «зеленой» экономики, оказывается малоэффективной.

Применительно к теории экологической модернизации проблема соотношения роста и развития имеет ключевое значение. В знаменитом докладе Г. Х. Брундтланд «Наше общее будущее» подчеркивалось, что экономический рост, являющийся целью стратегии устойчивого развития, должен быть сбалансирован с экологическими и социокультурными требованиями: качеством окружающей среды, спецификой и состоянием природных ресурсов, необходимостью решать проблемы нищеты, голода, социального и гендерного неравенства. Эффективный рынок, профессиональное правительство, высокие показатели сбережений и инвестиций – три «кита», на спины которых опирался послевоенный экономический рост западных стран. Одновременно вследствие глобализации увеличился структурный разрыв между ростом и развитием в масштабах планеты. Глобализация обнажила глубинные конфликты между «центром» и «периферией» мировой капиталистической системы, страны которой имеют раздробленные, мелкие рынки, неумелое управление, неэффективные институциональные механизмы, тормозящие рост. В целом в мире увеличение темпов экономического роста принимает вид спорадического и временного явления на общей кривой торможения развития.

Во всех странах обозначенный выше структурный разрыв проявляется посредством трех различных способов: 1) инновации в финансовой области (например, виртуализация валют и транзакций) не приводят к значительным успехам в области финансового развития, но становятся потенциальным фактором финансовых и биржевых кризисов; 2) быстрый технологический прогресс в развитии отдельных («прорывных») секторов глобальной экономики не приводит к системному укреплению ее инновационного потенциала, но обостряет социально-экономические и геополитические противоречия, поскольку способствует консервации технико-технологической отсталости «сырьевых», «ресурсных» регионов; 3) либерализация торговли и инвестиций не приводит к повсеместному утверждению ценностей политического либерализма и росту демократии, но, напротив, становится источником укрепления популистских авторитарных режимов, сплавленных с финансовой олигархией.

Ценности инвайронментализма требуют новой парадигмы «sustainable development», охватывающей экономические, социальные и экологические аспекты. Речь идет о взаимодополнительности экономического роста, социальной справедливости и защиты окружающей среды. Однако реальность мировой экономики – это диспропорции в доходах населения различных регионов планеты, рост социального неравенства и прогрессирующая деградация экологических систем. Согласно утверждениям современного инвайронментализма, мы нуждаемся в создании сильной структуры, задающей социальный контекст, который поддерживает инклюзивность. В современных условиях таким контекстом становится глобальное «общество риска».

Утверждение У. Бека о глобализации рисков в условиях поздней современности придает новое качество дискуссиям об экологической модернизации. В качестве осевой проблемы выступает следующий вопрос: «Каким образом предотвратить систематически возникающие в процессе прогрессивной модернизации риски и опасности, сделать их безопасными, канализировать, а там, где они уже появились на свет в виде “скрытых побочных воздействий”, так отграничить и отвести в сторону, чтобы они не вставали на пути процесса модернизации и в то же время не выходили за пределы (экологические, медицинские, психологические, социальные) “допустимого”?» [Бек 2000, 22]. Эта проблема отражает изменившийся характер современной науки, которая, став мощным источником риска, тем не менее призвана эти риски минимизировать за счет вовлечения научно-познавательной деятельности в другие социальные поля (политику, право, мораль, религию, образование, медиасферу и т.д.) и посредством включения (а не исключения) социальных ценностей, моральных императивов (старых этических вопросов о природе и назначении человека, смысле его жизни, специфике его счастья и благополучия, свободы и ответственности и др.) в содержание своих теорий и концепций. Бек замечает: «Процесс модернизации становится “рефлексивным”, т.е. становится сам своей темой и проблемой» [Бек 2000, 22]. Рефлексивный характер экологической модернизации требует конструирования новой единицы анализа социально-экологической реальности. Таким идеализированным конструктом служит понятие «социально-экологическая система» (SES).

В структуре *ЕМТ*-теории концепт *SES* приходит на смену традиционному понятию «экологическая система», поскольку последнее не позволяет адекватно описать те неравновесные процессы, которые вызывает в биосфере человеческая деятельность. Как отмечают экологи, в структуре биоеоценозов планеты осталось лишь несколько районов «дикой» природы – Амазония, Конго, Новая Гвинея, североамериканские пустыни, тропические и субтропические леса и саванны юго-восточной Африки. Не существует и социальных систем, которые бы не включали в себя экологические компоненты, не обменивались бы с природной средой веществом, энергией, информацией. Наша цивилизация представляет собой сложную взаимосвязь совместно развивающихся в пространстве и времени социально-экологических систем, в которых технико-технологические, социально-экономические, экологические, политические, демографические и культурные компоненты тесно связаны друг с другом.

Заключение

Согласно проведенному философско-методологическому анализу теории экологической модернизации можно сформулировать следующие выводы.

1. Философско-мировоззренческие основания *ЕМТ* сформировались в период 80–90-х годов XX века под влиянием нескольких социокультурных факторов – ценностей и идеалов «зеленого» движения, идеологии альтерглобализма, идей и положений современной социальной экологии. Их специфика связана с критикой первоначально господствовавших в экологической футурологии Римского клуба представлений о том, что капиталистическая экономика и либеральная демократия имеют достаточный институциональный потенциал для реформирования разрушающего воздействия цивилизации на природный мир планеты. Обнажая иллюзорность веры в «зеленый капитализм», основанный на инновациях, *ЕМТ*-теория настаивает на невозможности перехода к устойчивому развитию посредством сугубо технологических и экономических решений, без структурных трансформаций политики и социокультурной матрицы техногенного общества.

2. Эти философско-мировоззренческие положения *ЕМТ*-теории делают ее важным компонентом социальной и политической практики, содержанием гражданских инициатив, направленных на реальные преобразования сложившейся системы социоприрод-

ных взаимодействий. В них акцентируется роль демократического консенсуса, межкультурного диалога, коммуникативной рациональности и сетевой кооперации как основных форм и способов координации социального действия, акторами которого в рамках новой парадигмы экологического мышления являются не только люди, но также социотехнические и природно-экологические объекты. Инкорпорируя установки «акторно-сетевой» теории, *EMT* развивается на основе существенно измененного категориально-понятийного аппарата.

3. В языке *EMT*-теории получают новое определение привычные понятия: «окружающая среда», «экологическая система», «рост», «благополучие», «ресурсы», «качество жизни» и др. Ключевым концептом данной теории становится понятие «социально-экологическая система», выражающее новое качество интеграции природных, социальных, культурных и антропологических измерений реальности. Концепт *SES* имеет относительно рациональный характер, поскольку значительная часть ее компонентов представляет собой продукт человеческой деятельности, предназначенный для удовлетворения определенных потребностей и нужд. Рефлексивность *SES* обеспечивается социальным управлением (наукой и политикой), а следовательно, динамика этих систем характеризуется высокой степенью неопределенности, рискогенности, наличием мультистабильных состояний. Поведение *SES* не может быть описано совокупностью жестких индикаторов и функций, выражающих непрерывность и «выпуклость» естественных процессов. Анализ динамической организации этих систем требует междисциплинарности и применения таких методологических стратегий, как теория катастроф, теория хаоса, синергетическая теория самоорганизации. Они «взрывают» привычные дисциплинарные границы наук, присущие им методологические стереотипы и категориальные матрицы, требуя новых форм организации научного поиска.

4. Идея экологической модернизации превратилась в кодифицированную социальную теорию благодаря интеграции экологического и социального знания в междисциплинарную область исследований. Это позволило вывести концепцию экологической модернизации за узкие рамки технологических аспектов экологизации производства и ресурсных циклов. В содержании *EMT* присутствуют две важные интенции. Во-первых, обращается внимание на значимость политических технологий и социальных

практик для решения конкретных экологических проблем. Тем самым на основе *ЕМТ*-теории можно разрабатывать стратегии институциональных реформ. Во-вторых, теоретическое ядро этой концепции постепенно развилось в системную модель разнородных взаимодействий общества и природы, включая взаимодействия между государством, гражданским обществом, бизнесом и промышленными корпорациями, общественные движения и индивидами. *ЕМТ* предполагает синергию взаимодействий этих компонентов в структуре окружающей среды, которую они совместно формируют, изменяют, конструируют, интерпретируют.

Таким образом, эвристический потенциал теории экологической модернизации будет зависеть как от прочности концептуально-теоретических и методологических «мостов» между различными дисциплинами, составляющими комплексное описание ее предметного поля, так и от возможностей трансдисциплинарной науки участвовать в решении социальных и политических проблем посредством минимизации и контроля над рисками, продуцируемыми дисциплинарной наукой и техногенной цивилизацией.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бек 2000 – Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Гидденс 2011 – Гидденс Э. Последствия современности. – М.: Праксис, 2011.

Ефременко и др. 2019 – Ефременко Д.В., Яницкий О.Н., Ермолаева П.О. О социобиотехнических системах // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 138–147.

Кулясов 2005 – Кулясов И.П. Экологическая модернизация: теоретические аспекты // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 3(32). С. 100–113.

Яницкий 2008 – Яницкий О.Н. О модернизации в трех пространствах // Из выступления на Пленуме Общественной Палаты РФ 23 мая 2008 г. – URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=752> (Дата обращения: 18.11.2008).

Яницкий 2016 – Яницкий О.Н. Социобиотехнические системы: новый взгляд на взаимодействие человека и природы // Социологическая наука и социальная практика. 2016. Т. 4. № 3. С. 5–22.

Яницкий 2019а – Яницкий О.Н. Биосфера и социосфера: как совместить их исследование? // Общественные науки и современность. 2019. № 1. С. 178–189.

Яницкий 2019б – Яницкий О.Н. Возможно ли сегодня социальное прогнозирование динамики мобильного мира? // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 1. С. 12–27.

Яницкий 2019в – Яницкий О.Н. Вызовы и риски глобализации. Семь тезисов // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 29–39.

Buttel 2000a – Buttel F.H. Ecological Modernization as Social Theory // Geoforum. 2000. Vol. 31. No. 1. P. 57–65.

Buttel 2000b – Buttel F.H. Classical Theory and Contemporary Environmental Sociology: Some Reflections on the Antecedents and Prospects for Reflexive Modernisation Theories in the Study of Environment and Society // Environment and Global Modernity / ed. by G. Spaargaren, A.P.J. Mol, F.H. Buttel. – London: Sage, 2000. P. 17–39.

Cohen 1997 – Cohen M.J. Risk Society and Ecological Modernisation Alternative Visions for Post-Industrial Nations // Futures. 1997. Vol. 29. No. 2. P. 105–119.

Funowicz et al. 1998 – Funowicz S., Ravetz J., & O'Conner M. Challenges in the Use of Science for Sustainable Development // International Journal of Sustainable Development. 1998. Vol. 1. No 1. P. 99–107.

Funowicz, Ravetz 1993 – Funowicz S., Ravetz J. Science for the Post Normal Age. // Futures. 1993. Vol. 25. No 7. P. 735–755.

Irwin 1995 – Irwin A. Citizen Science: A Study of People, Expertise, and Sustainable Development. – London; New York: Routledge, 1995.

Irwin 2001 – Irwin A. Sociology and the Environment: A Critical Introduction to Society, Nature and Knowledge. – Cambridge, UK: Polity Press; Oxford, UK: Blackwell Publishers, 2001.

Mol, Sonnenfeld 2000 – Mol A.P.J., Sonnenfeld D.A. Ecological Modernisation Around the World: An Introduction // Environmental Politics. 2000. Vol. 9. No 1. P. 3–14.

Pellizoni 1999 – Pellizoni L. Reflexive Modernisation and Beyond: Knowledge and Value in the Politics of Environment and Technology // Theory, Culture and Society. 1999. Vol. 16. No. 4. P. 99–125.

REFERENCES

Beck U. (2000) *Risk Society: Towards a New Modernity*. Moscow: Progress-Traditsiya (Russian translation).

Buttel F.H. (2000a) Ecological Modernization as Social Theory. *Geoforum*. Vol. 31, no. 1, pp. 57–65.

Buttel F.H. (2000b) Classical Theory and Contemporary Environmental Sociology: Some Reflections on the Antecedents and Prospects for Reflexive Modernisation Theories in the Study of Environment and Society. In: Spaargaren G., Mol A.P.J., & Buttel F.H. (Eds.). *Environment and Global Modernity* (pp. 17–39). London: Sage.

Cohen M.J. (1997) Risk Society and Ecological Modernisation Alternative Visions for Post-Industrial Nations. *Futures*. Vol. 29, no. 2, pp. 105–119.

Efremenko D.V., Yanitsky O.N., & Ermolaeva P.O. (2019) On Sociobiotechnical Systems. *Voprosy Filosofii*. No. 5, pp. 138–147 (in Russian).

Funowicz S. & Ravetz J. (1993) Science for the Post Normal Age. *Futures*. Vol. 25, no. 7, pp. 735–755.

Funowicz S., Ravetz J., & O'Conner M. (1998) Challenges in the Use of Science for Sustainable Development. *International Journal of Sustainable Development*. Vol. 1, no. 1, pp. 99–107.

Giddens A. (2011) *The Consequences of Modernity*. Cambridge, UK Polity Press (Russian translation: Moscow: Praxis, 2011).

Irwin A. (1995) *Citizen Science: A Study of People, Expertise, and Sustainable Development*. London: Routledge.

Irwin A. (2001) *Sociology and the Environment: A Critical Introduction to Society, Nature and Knowledge*. Cambridge, UK: Polity Press; Oxford, UK: Blackwell Publishers.

Kulyasov I.P. (2005) Ecological Modernization: theoretical aspects. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*. Vol. 8, no. 3, pp. 100–113 (in Russian).

Mol A.P.J. & Sonnenfeld D.A. (2000) Ecological Modernisation Around the World: An Introduction. *Environmental Politics*. Vol. 9, no. 1, pp. 3–14.

Pellizoni L. (1999) Reflexive Modernisation and Beyond: Knowledge and Value in the Politics of Environment and Technology. *Theory, Culture and Society*. Vol. 16, no. 4, pp. 99–125.

Yanitsky O.N. (2008, 23 May) On Modernization in Three Spaces. *The Plenum of the Public Chamber of the Russian Federation*. Retrieved from <http://www.isras.ru/publ.html?id=752> (in Russian).

Yanitsky O.N. (2016) Socio-biotechnical systems: a new look at the interaction of man and nature. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsiologicheskaya praktika*. Vol. 4, no 3, pp. 5–22 (in Russian).

Yanitsky O.N. (2019a) Biosphere and the Sociosphere: How to Combine Their Research? *Obschestvennye nauki i sovremennost*. No. 1, pp. 178–189 (in Russian).

Yanitsky O.N. (2019b) Is Possible Today the Social Forecasting of the Mobile World Dynamics? *Bulletin of the Institute of Sociology = Vestnik Instituta sotziologii*. Vol. 10, no. 1, pp. 12–27 (in Russian).

Yanitsky O.N. (2019c) Challenges and Risks of Globalization. Seven Theses. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 1, pp. 29–39 (in Russian).

Постакадемический тренд в эволюции современного методологического сознания

Н.К. Кисель

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Аннотация

Развитие науки на всех этапах вхождения ее в жизнь техногенного общества сопровождается изменениями методологического сознания в разных его ипостасях. Однако, отдавая предпочтение анализу метаморфоз науки как особого знания о мире и сопряженного с ним обновления методологического инструментария, а также форм структурно-функциональной организации научно-познавательной деятельности, современные исследовательские практики оставляют в стороне эволюцию методологического сознания как такового. Между тем анализ этого феномена, по мнению автора, позволяет эксплицировать если не парадигматический, то по крайней мере синтагматический подход к исследованию современной постакадемической науки. Репрезентация методологического сознания может осуществляться в разных версиях. В статье его эволюция рассматривается на двух уровнях функционирования – индивидуальном и надиндивидуальном, воплощенном в методологических новациях самой науки, а также связанного с ней философско-методологического дискурса. Утверждение уникальных формообразований методологического сознания на надиндивидуальном уровне, в частности, характеризует развитие современной социальной физики, сочетающей в своей развертке синтагматику, меж- и трансдисциплинарность в качестве стратегий научного поиска. Эволюция методологического сознания неразрывно связана с обновлением научного габитуса отдельных ученых. В условиях коммерциализации постакадемической науки наблюдается стремительное обновление как минимум целевых установок научного творчества и положений научного этоса. Деструктивные изменения последнего, несомненно, сказываются на ментальной и когнитивной составляющих научного габитуса. Для большей части научного сообщества трансформация научного габитуса протекает стихийно. Осознание уникальности постакадемической науки сегодня происходит главным образом в рамках философско-методологического дискурса. Результат этого процесса проблематизируется автором как феномен «постакадемической философии науки», отличающейся рядом особенностей содержа-

тельного, методологического и институционального характера. Вопрос о ее соотношении, с одной стороны, с традиционной философией науки и, с другой – дисциплинарными стратегиями в исследовании науки открывает перспективы появления новых парадигм современного философско-методологического дискурса.

Ключевые слова: методологическое сознание, постакадемическая наука, когнитивный капитализм, технонаука, социальная физика, научный габитус, постакадемическая философия науки.

Кисель Наталья Константиновна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

kiselnk@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5607-7491>

Для цитирования: *Кисель Н.К.* Постакадемический тренд в эволюции современного методологического сознания // Философские науки. 2021. Т. 64. № 5. С. 128–139. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-128-139

The Post-Academic Trend in the Evolution of Methodological Consciousness

N.K. Kisel

Belarussian State University, Minsk, Belarus

Abstract

The development of science at all stages of its penetration into a technogenic society is accompanied by changes in methodological consciousness in its various incarnations. However, preferring to analyze the metamorphoses of science as special knowledge about the world, to examine the evolution of its methodological tools, forms of structural and functional organization of scientific and cognitive activity, at the same time, modern research practices leave aside the evolution of methodological consciousness as such. Although, according to the author, analysis of this phenomenon makes possible to define, if not a paradigmatic, then at least a syntagmatic approach to the study of modern post-academic science. The representation of methodological consciousness can be carried out in different versions. The article considers its evolution at various levels of functioning – individual and supra-individual, embodied in the methodological innovations of science itself as well as in the philosophical and methodological discourse interconnected with it. The assertion of unique forms of methodological consciousness at the supra-individual level, in particular, characterizes the development of modern

social physics, which combines syntagmatics, inter- and transdisciplinarity as strategies of scientific search. The evolution of methodological consciousness at the individual level is inextricably linked with the renewal of the scientific *habitus* of individual scientists. In the context of the commercialization of post-academic science, destructive changes in the qualities of scientific creativity and scientific ethos undoubtedly affect the mental and cognitive components of the scientific habits of researchers. For the majority of the scientific community, the transformation of the scientific *habitus* proceeds spontaneously. Awareness of the uniqueness of post-academic science today occurs mainly within the framework of philosophical and methodological discourse. The result of this process is problematized by the author as a phenomenon of “post-academic philosophy of science,” characterized by a number of features of a substantive, methodological, and institutional nature. The question of its correlation with the traditional philosophy of science, on the one hand, and with disciplinary strategies in the study of science, on the other, opens up prospects for the emergence of new paradigms of modern philosophical and methodological discourse.

Keywords: methodological consciousness, post-academic science, cognitive capitalism, technoscience, social physics, scientific habitus, post-academic philosophy of science.

Natalia K. Kisel – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University.

kiselnk@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5607-7491>

For citation: Kisel N.K. (2021) The Post-Academic Trend in the Evolution of Methodological Consciousness. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 64, no. 5, pp. 128–139.

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-128-139

Введение

Кардинальные сдвиги в функционировании науки в условиях постиндустриального общества закономерно влекут за собой существенные изменения методологического сознания, призванного осуществить критическую рефлексию в отношении как внутренних, так и внешних проявлений постакадемического тренда в развитии современной науки. Будучи неотъемлемой характеристикой теоретического мышления, методологическое сознание может быть рассмотрено в разных аспектах и структурировано по разным основаниям [Зеленков 2019, 12]. В частности, можно выделить индивидуальный и наиндивидуальный уровни

его функционирования в культуре. В рамках заявленного дискурса методологическое сознание прежде всего может быть представлено в рамках, с одной стороны, сугубо научной рефлексии, а с другой – философской.

Метаморфозы методологического сознания детально проанализированы в исторической версии философии науки XX века. В этой связи нельзя обойти вниманием работы минской методологической школы и ее основателя академика В.С. Степина [Зеленков 2006]. В контексте традиционного философско-методологического подхода к анализу исторического развития научных знаний нынешний этап их эволюции именуется постнеклассической наукой. Эвристика данного подхода к исследованию научного познания неоспорима, и она по-прежнему играет значимую роль в развертке философско-методологического анализа современной науки. Однако существенный сдвиг в развитии научно-исследовательских практик в условиях когнитивного капитализма не только не исключает, но и предполагает анализ очевидных трансформаций связи науки с запросами общества, исследование новых форм ее организации. Данный аспект исследований носит явно выраженный междисциплинарный характер. Традиционный философско-методологический анализ смыкается с аксиологией, социологией, культурологией знания и ассоциируется с т.н. «пост-академической наукой»¹ [Аблажей 2013; Гребенщикова 2012; Федотова 2015; Черникова 2015; Hellström, Jacob, Wenneberg 2003; Kellogg 2006; Nordmann, Radder, Scheimann 2011; Ziman 1996; Ziman 2000]. Синтагматическое проявление внутреннего единства методологического сознания, о котором пойдет речь далее, дает о себе знать в синхронном обновлении методологии научного поиска и становлении постакадемической философии науки.

Эволюция наиндивидуального методологического сознания в условиях когнитивного капитализма

Становление и развитие постакадемической науки происходит под воздействием ряда причин. Среди них особое место занимает

¹ Термин «постакадемическая наука» был предложен Джоном Зиманом в 90-е годы XX века для обозначения новых моделей организации научной деятельности. Пространство деятельности ученого уже не ограничивается рамками академических учреждений. Взаимодействие ученых строится по сетевому принципу, научная работа не отделима от постоянного поиска финансирования и грантов, правильного выстраивания коммуникации с общественностью, государством, масс-медиа.

переход современной экономики в фазу когнитивного капитализма. В этих условиях процессы развития науки обнаруживают связь с нарастающей коммерциализацией научной деятельности, в ходе которой результат исследований, будучи изначально неприсвояемым, становится объектом экономического присвоения, монетизируется и включается в производственные циклы.

События, разворачивающиеся в рамках научно-исследовательских практик, обнаруживают зримые метаморфозы методологического сознания. К ним прежде всего следует отнести синтагматику и трансдисциплинарность в качестве новых стратегий научного исследования. Холистическая интенция в процессе построения модельных репрезентаций в рамках постакадемической науки сопряжена с нацеленностью на проблемно-ориентированный научный поиск, на практический результат.

Смена ориентиров методологического сознания ярко предстает в современной технотехнике, для которой проблематика исследований определяется в диалоге заинтересованных сторон и чаще всего актуализируется в контексте приложений. Научное открытие приобретает характер научного изобретения, а исследование становится неотделимым от производства объекта познания. Примером этого служит появление новых лекарственных форм, наноматериалов (нанотрубок, графена), информационных и биотехнологий и т.д.

С учетом сложности исследуемых объектов, многофакторности их детерминации на смену аналитически прозрачным фундаментальным и частным теоретическим схемам приходят своеобразные «черные ящики», а исследования предполагают работу с большими данными с помощью вычислительного эксперимента, базирующегося на методе численных приближений без необходимости экспликации каузальных связей, столь характерной для академической науки. Существенный сдвиг претерпевают привычные нормативы научной деятельности: принцип воспроизводимости эксперимента, принцип самоидентификации изучаемых объектов и т.д. Для постакадемической науки вступают в силу изменения методологических ориентиров научного поиска, наблюдается обращение не только к междисциплинарной методологии, но в первую очередь – к трансдисциплинарной. Пример ее реализации – конвергирующие НБИК-технологии. Они побуждают методологическое сознание к принятию социокультурной ангажированности нового научного знания и его технологического измерения. Новый тип научной рациональности предполагает соединение

природного и социального, естественных событий и созданных человеком артефактов, прикладного теоретического исследования и технологических инноваций промышленного масштаба.

В свою очередь, специфика исследуемых объектов приводит методологическое сознание к необходимости обращения к вариативным практикам интеллектуального трансферта. Это можно проследить на становлении и развитии социальной физики [Кисель 2020a], обнаруживающей эвристику конструктивного трансдисциплинарного синтеза в его математическом воплощении. Если междисциплинарный подход может быть ассоциирован с регулятивными началами методологии дополнительности, восходящей к творчеству Н. Бора, то математическая трансдисциплинарность, по А. Лихнеровичу, предполагает определенную иерархию сложносочетаемых предметных областей. Представленная версия трансдисциплинарной методологии исходит из признания того, что физические, биологические, технические, информационные и социальные объекты демонстрируют инвариантное начало в своем функционировании. Это позволяет не просто обратиться к математическому моделированию социальных процессов, но, что принципиально важно, воспользоваться концептуальными моделями физики, в которые изначально интегрирован тот или иной математический формализм.

Для анализа социальных явлений применяются, например, модель диффузии, фазовых переходов, модель перевернутых спинов, ферромагнитного эффекта и т.д. На концептуальных построениях современной социальной физики не могли не сказаться дигитализация исследовательских практик, использование информационных технологий, работа с большими данными. Примером поиска методологических ориентиров служат исследования коллектива Массачусетского технологического института под руководством А. Пентленда [Пентленд 2018]. Сегодня социальная физика, с одной стороны, демонстрирует новый тренд в решении прикладных задач исследования и конструирования социальной реальности, а с другой – инициирует сдвиг в методологическом сознании и развитии критической рефлексии, свойственной социальной философии в целом и социальной эпистемологии в частности.

Транскрипции научного габитуса исследователей

Эволюция методологического сознания на надиндивидуальном уровне в условиях когнитивного капитализма неразрывно

связана с метаморфозами научного габитуса, представляющего собой систему диспозиций, порождающую и структурирующую практику ученого и его научные представления.

Для большей части научного сообщества трансформация научного габитуса протекает стихийно и порой неосознаваемо, что обусловлено, на наш взгляд, рядом причин. Во-первых, научный габитус в силу своей специфики всегда обнаруживает себя в виде личностного знания, знания-умения. В процессе его становления и последующего использования рациональные усилия не играют главенствующую роль. Во-вторых, на предшествующих этапах эволюции науки большое значение в формировании габитуса играли научные школы, генерировавшие установки, которые впоследствии интериоризировались в его смысловое пространство. К концу XX века реализация адресных научных программ временными научными коллективами, знаниевые практики в рамках лабораторий промышленного сектора науки, кластерная организация научных исследований усиливают стохастичность процесса обретения научного габитуса отдельными учеными. В этих условиях его ментальная и когнитивная составляющая неизбежно претерпевают значительные изменения, без реализации которых исследователь не в состоянии успешно работать в профессии и осуществлять релевантные знаниевые практики.

Формирование научного габитуса предполагает интериоризацию как минимум целевых установок научного творчества и положений научного этоса. В сегодняшних условиях коммерциализации постакадемической науки происходит стремительное обновление научного этоса, порой претерпевающего деструктивные изменения. Они не могут не приводить к негативным издержкам на уровне личностного самоопределения отдельных ученых. Переформатирование когнитивных, целевых и ценностных установок научного сообщества, зримая трансформация научного этоса приводят не только к изменениям габитуса исследователей, но и к его групповой дифференциации и стремительной поливариантности, что во многом обуславливает как проблематичность, так и многовекторность исследований научного габитуса в рамках современной философии науки.

Постакадемическая философия науки как новая стратегия развития методологического сознания

Феномен постакадемической науки, метаморфозы научного габитуса коррелируют с эволюцией методологического сознания

в его философской ипостаси. События «внутренней» и «внешней» истории науки во многом повлекли за собой существенный сдвиг философско-методологического дискурса в анализе состояния и перспектив развития научного знания. Результат этого процесса по аналогии с трансформациями, переживаемыми наукой как таковой, можно охарактеризовать как феномен «постакадемической философии науки [Кисель 2020б].

На всем протяжении своего развития философия науки демонстрировала тесное сопряжение как с эпистемологическими исследованиями, так и с разверткой знаниевых практик в самой науке. Начавшееся в последние десятилетия XX века формирование неклассической эпистемологии не привело к значимой дискредитации традиционного философско-методологического дискурса, призванного считаться с бинарной оппозицией «субъект – объект познания», к чему побуждала специфика исследовательских усилий в науке.

Изменения философского методологического сознания во всей полноте дали о себе знать на этапе становления и развития постакадемической науки. Однако их предпосылки в определенной степени уже наметились в 70-е годы прошлого века в исследовании проблемы финализации науки в транскрипции Штарнбергской группы. В работах членов этого объединения были зафиксированы новые моменты во взаимодействия науки и социальной практики. Выяснилось, что исследовательские усилия научного сообщества все в большей степени смещаются от решения проблем фундаментальной науки, теряющей стимулы к собственному внутреннему развитию, к экспликации и анализу задач прикладного характера, кастомизации имеющихся фундаментальных теоретических схем. Развернувшиеся разноплановые события, заявленная необходимость согласования теоретической стороны исследования с внешними целями, переход к теориям среднего уровня по аналогии с социальными исследованиями, трансдисциплинарность и конвергенция знаниевых практик, переоценка функций науки и т.д. – всё это привело к смене установок методологического сознания. Сегодня складывающаяся «постакадемическая» философия науки характеризуется рядом особенностей.

Во-первых, на смену относительно автономным сферам философского дискурса, таким как философия науки и философия техники, приходят *Science and Technology Studies (STS)*,

т.е. исследования науки и технологий. Один из ведущих трендов современных философско-методологических изысканий – стремительное сближение с социальной философией, социологией науки и науковедением как междисциплинарной стратегией в изучении науки.

Во-вторых, исследовательский интерес смещается в направлении рассмотрения взаимодействия науки и общества в разных проекциях – экономической, инновационно-технологической, ценностной. Обращение к эволюции науки и выяснение соответствующих механизмов, характерное для постпозитивистской философии науки, вытесняется анализом процессов социального управления наукой, реализующих определенные социальные цели. Исходной точкой исследования становится научная лаборатория. Возникает новая исследовательская площадка, т.е. научный коллектив как коммуникативная целостность, реализующаяся в особых исторических и социокультурных условиях.

В-третьих, ведущая методологическая установка обнаруживает существенное влияние радикального конструктивизма с его отказом от признания онтологических оснований научного поиска, благодаря которому метод «перedefирует и повторно связывает компоненты... пересоздает реальности, порождая новые версии мира» [Ло 2015]. Методологическое сознание снимает вопрос об истине, столь значимый не только для эпистемологии, но и традиционной философии науки.

В целом постакадемическая философия науки репрезентирует предмет своей критической рефлексии как процесс гетерогенной инженерии, рождающий синтагматические комплексы социальных, технических, концептуальных и текстуальных по своей природе составляющих. Тем самым осуществляется отход от основополагающих установок предшествующего этапа развертки философского методологического сознания: противопоставлений общества и природы, природных и технических комплексов, объекта и субъекта познания, истины и заблуждения, структур и процессов и т.д.

Заключение

Современный этап развития науки и социальной практики не только выдвигает перед методологическим сознанием актуальные проблемы, но и открывает новые перспективы его продуктивной эволюции. Становление и развитие постакадемической науки

побуждает исследователей к поискам адекватного методологического инструментария, актуализирует как перестройку стиля мышления исследователей, так и существенные изменения содержательного наполнения научного габитуса ученых, его оформления.

В рамках современного философско-методологического дискурса обнаруживает себя новый феномен – постакадемическая философия науки со своими особенностями концептуального, методологического и институционального характера. Вопрос о ее соотношении, с одной стороны, с традиционной философией науки и, с другой – дисциплинарными стратегиями в исследовании науки пребывает в стадии проблематизации и требует дальнейших исследований. В своем развитии современное методологическое сознание демонстрирует полионтичность и поливариантность. Оно аккумулирует в себе способы создания оригинальных концептуальных и теоретических моделей, интериоризирует представления о релевантных исследовательских практиках, демонстрирует новые транскрипции философско-методологической рефлексии, обращенные к развивающейся науке. Предпринятая попытка исследования методологического сознания в рамках синтагматического подхода позволяет сконцентрировать усилия в разработке системного видения процессов, протекающих в настоящее время в научном познании.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аблажей 2013 – *Аблажей А.М.* «Постакадемическая» наука: зарубежные дискуссии и российский опыт // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2013. Т. 11. Вып. 2. С. 42–48.

Гребенщикова 2012 – *Гребенщикова Е.Г.* Этос постакадемической науки и трансформация нравственных императивов производства знания // Философия образования. 2012. № 1. С. 33–38.

Зеленков 2006 – *Зеленков А.И.* Минская философско-методологическая школа как социокогнитивный феномен // Веснік БДУ. Гісторыя. Філасофія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2006. № 3. С. 44–49.

Зеленков 2019 – *Зеленков А.И.* Категориальная структура мышления и динамика форм методологического сознания // Философские категориальные структуры в научном познании. Сб. тезисов межд. научн. конф. – Минск: Право и экономика, 2019.

Кисель 2020а – *Кисель Н.К.* Междисциплинарный тренд в развитии современной социальной физики // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2020. № 1. С. 44–48.

Кисель 2020б – *Кисель Н.К.* Феномен постакадемической философии науки: к постановке проблемы // VIII Российский философский конгресс «Философия в полицентричном мире». Т. 3. Симпозиумы. Сборник научных статей. – М.: РФО – ИФРАН – МГУ; Логос; Новые печатные технологии, 2020. С. 958–960.

Ло 2015 – *Ло Д.* После метода: беспорядок и социальная наука / науч. ред. перевода С. Гавриленко. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.

Пентленд 2018 – *Пентленд А.* Социальная физика. Как Большие данные помогают следить за нами и отбирают у нас частную жизнь. – М.: АСТ, 2018.

Федотова 2015 – *Федотова В.Г.* Соотношение академической и постакадемической науки как социальная проблема. – М.: ИФ РАН, 2015.

Черникова 2015 – *Черникова И.В.* Трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 26–35.

Hellström, Jacob, Wenneberg 2003 – *Hellström T., Jacob M., Wenneberg S.B.* The ‘Discipline’ of Post-Academic Science: Reconstructing the Paradigmatic Foundations of a Virtual Research Institute // Science and Public Policy. Vol. 30. No. 4. P. 251–260.

Kellogg 2006 – *Kellogg D.* Toward a Post-Academic Science Policy: Scientific Communication and the Collapse of the Mertonian Norms // International Journal of Communications Law & Policy. 2006. Special Issue: Access to Knowledge. P. 1–29.

Nordmann, Radder, Scheimann 2011 – *Nordmann A., Radder H., Scheimann G.* Science after the End of Science // Science Transformed? Debating Claims of an Epochal Break / ed. by A. Nordmann, H. Radder, G. Scheimann. – Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2011. P. 1–15.

Ziman 1996 – *Ziman J.* “Post-Academic Science”: Constructing Knowledge with Networks and Norms // Science & Technology Studies. 1996. Vol. 9. No. 1. P. 67–80.

Ziman 2000 – *Ziman J.* Real Science: What It Is, and What It Means. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

REFERENCES

Ablazhey A.M. (2013) “Post-Academic” Science: Foreign Discussions and Russian Experience. *Bulletin of the NSU. Series: Philosophy*. Vol. 11, no. 2, pp. 42–48 (in Russian).

Chernikova I.V. (2015) Transdisciplinary Methodologies and Technologies of Modern Science. *Voprosy filosofii*. No. 4, pp. 26–35 (in Russian).

Fedotova V.G. (2015) *Correlation of Academic and Post-Academic Science as a Social Problem*. Moscow: RAS Institute of Philosophy (in Russian).

Grebenschikova E.G. (2012) The Ethos of Post-Academic Science and the Transformation of Moral Imperatives of Knowledge Production. *Filosofiya obrazovaniya*. No. 1, pp. 33–38 (in Russian).

Hellström T., Jacob M., & Wenneberg S.B. (2003) The ‘Discipline’ of Post-Academic Science: Reconstructing the Paradigmatic Foundations of a Virtual Research Institute. *Science and Public Policy*. Vol. 30, no. 4, pp. 251–260.

Kellogg D. (2006) Toward a Post-Academic Science Policy: Scientific Communication and the Collapse of the Mertonian Norms. *International Journal of Communications Law & Policy*. Special Issue: Access to Knowledge, pp. 1–29.

Kisel N.K. (2020a) Interdisciplinary Trend in the Development of Modern Social Physics. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology*. No. 1, pp. 44–48 (in Russian).

Kisel N.K. (2020b) The Phenomenon of Post-Academic Philosophy of Science: Towards a Problem Statement. In: *Eighth Russian Philosophical Congress – “Philosophy in a Polycentric World.” Vol. 3: Symposia. Collection of scientific articles* (pp. 958–960). Moscow: Russian Philosophical Society – RAS Institute of Philosophy – Moscow State University; Logos; Novye pechatnye tekhnologii (in Russian).

Lo J. (2004) *After Method: Mess in Social Science Research*. London: Routledge (Russian translation: Moscow: Publishing house of the Gaidar Institute, 2015).

Nordmann A., Radder H., & Scheimann G. (2011) Science after the End of Science. In: Nordmann A., Radder H., & Scheimann G. (Eds.) (2011) *Science Transformed? Debating Claims of an Epochal Break* (pp. 1–15). Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

Pentland A. (2014) *Social Physics: How Good Ideas Spread – The Lessons from a New Science*. New York: Penguin (Russian translation: Moscow: AST, 2018).

Zelenkov A.I. (2006) Minsk Philosophical and Methodological School as a Sociocognitive Phenomenon. *Journal of Belarusian State University. Series 3: History. Economy. Law*. No. 3, pp. 44–49 (in Russian).

Zelenkov A.I. (2019) Categorical Structure of Thinking and Dynamics of Forms of Methodological Consciousness. In: *Philosophical Categorical Structures in Scientific Knowledge* (pp. 958–960). Minsk: Pravo i ekonomika (in Russian).

Ziman J. (1996) “Post-Academic Science”: Constructing Knowledge with Networks and Norms. *Science & Technology Studies*. Vol. 9, no. 1, pp. 67–80.

Ziman J. (2000) *Real Science: What It Is, and What It Means*. Cambridge: Cambridge University Press.

The Phenomenon of Racism and the Concept of Race: A Transdisciplinary Research

O.V. Novikova

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract

In recent decades, with development of scientific and philosophical knowledge, the transdisciplinary approach has become relevant, as it aims at comprehensive study of complex natural and social phenomena. Racism belongs among such phenomena, and it is usually studied in sociology and historical science. The article presents a transdisciplinary study of racism, involving a complex appeal to philosophy, history, sociology, and other disciplines. Special attention is paid to the philosophical conceptualization of racism and the relationship of racism with the category of race. The article follows the evolution of the concept of race in philosophy, science, and social and political practices from its origins to the 20th and 21st centuries, when this concept is declared to be artificially constructed and is gradually ousted from philosophical and scientific discourse. Bioanthropologists criticize the concept of race as inaccurate, while intellectuals see racial classifications as a sign of racism. The difficulty of the conceptualization is associated not only with the variability of the concept of race but also with the change in its historical types, from traditional to contemporary ones. Traditional (classical, biological) racism is based on the use of the category of race and the idea of insurmountable biological differences between representatives of different races. The article concludes that present-day racism exists in two forms: class (institutional) racism and cultural (differential or “subtle”) racism. Class racism is associated with social and political practices of implicit segregation in employment and, accordingly, with unequal distribution of income. Cultural racism shifts the focus from biology to culture and emphasizes the insurmountability of cultural differences.

Key words: social philosophy, philosophical anthropology, racial taxonomy, biological racism, class racism, cultural racism.

Olga V. Novikova – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University.

mod@tut.by

<https://orcid.org/0000-0002-5438-5634>

For citation: Novikova O.V. (2021) The Phenomenon of Racism and the Concept of Race: A Transdisciplinary Research. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 64, no. 5, pp. 140–150. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-140-150

Феномен расизма и концепт расы: опыт трансдисциплинарного исследования

О.В. Новикова

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Аннотация

В последние десятилетия в развитии научного и философского знания актуальным становится трансдисциплинарный подход, связанный с комплексным исследованием сложных природных или социальных явлений. Примером такого явления служит расизм, изучаемый, как правило, социологией и исторической наукой. В статье предлагается осуществить трансдисциплинарное исследование расизма, предусматривающее комплексное обращение к философии, истории, социологии и другим дисциплинам. Особое внимание уделяется философской концептуализации расизма и связи расизма с категорией расы. Исследуется эволюция концепта расы в философии, науке и социально-политических практиках от истоков и до XX–XXI веков, когда понятие расы объявляется искусственно сконструированным и начинает вытесняться из философского и научного дискурса. Биоантропологи критикуют концепт расы за неточность, интеллектуалы видят в оперировании расовыми классификациями признак расизма. Проблематичность концептуализации расизма связана не только с вариабельностью концепта расы, но и со сменой его исторических типов – от традиционного к современному. Традиционный (классический, биологический) расизм основан на использовании категории расы и идеи непреодолимости биологических различий между представителями различных рас. В статье демонстрируется, что современный расизм представлен двумя формами, такими как классовый (институциональный) и культурный (дифференциальный или «тонкий»). Классовый расизм связан с социально-политическими практиками неявной сегрегации в сфере занятости населения и, соответственно, с неравным распределением доходов. Культурный расизм смещает фокус внимания с биологического на культурное, акцентирует непреодолимость культурных различий.

Ключевые слова: социальная философия, философская антропология, расовая таксономия, биологический расизм, классовый расизм, культурный расизм.

Новикова Ольга Владимировна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

mod@tut.by

<https://orcid.org/0000-0002-5438-5634>

Для цитирования: Новикова О.В. Феномен расизма и концепт расы: опыт трансдисциплинарного исследования // Философские науки. 2021. Т. 64. № 5. С. 140–150.

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-140-150

Introduction

One of the key trends in the development of modern social and humanitarian knowledge is associated with the formation of transdisciplinarity – a phenomenon that in the broadest sense can be defined as a tendency to create a universal methodology of cognition that can explore complex diverse natural and social phenomena. The demand for a transdisciplinary approach in the social sciences and humanities is largely due to their corresponding research objects, which are complex phenomena whose essence cannot be fully understood within one or several disciplines and requires a combination of methodological strategies from various fields of scientific knowledge.

Let us turn to the consideration of the phenomenon of racism, which over the last century has been the subject of research both in history, social and political sciences, and in philosophy. Racism is interesting as an example of the so-called transdisciplinary object, and its full explication is impossible within individual disciplines. It can be defined as a holistic concept, and this essence can be described with this Aristotelian paraphrase, “the whole is greater than the sum of its parts.”

In recent years, the topic of racism has been discussed not only in politics but also in academic circles, especially in connection with the spread of a “new” type of racism, classified as “raceless,” differentialist, or cultural racism. In this context, the connection between the phenomenon of racism and the concept of race is interesting. To what extent do racial taxonomies shape racist discourse? Or, on the contrary, is the idea of race also a product of a racist worldview? Is race determined by a spectrum of certain biological parameters, or does it act as a referent of human identity? How is the problem of conceptualizing racism and its historical types related? Searching for answers to these questions in a transdisciplinary approach in it is useful to take philosophical discourse into account.

Evolution of the concept of race in philosophy and science

The concept of race has existed in European languages since the Renaissance, in the meaning of kindred, genus, breed. Its origins go back to the Italian word *razza*, which, in turn, is associated with *generatio* (“generation” in Latin), *ρίζα* (“root” in Greek), etc. The Russian *Philosophical Encyclopedic Dictionary* (1997) defines a race as a group of people “in which their typical external appearance is determined by common hereditary constitutional characteristics (skin color, shape of the head, face and nose, the type and color of hair, body size, etc.). In the broadest sense of the word, race is the form in which a person’s character finds expression in his external features, in particular in the shape of the head and face” [Gubsky 1997, 384]. However, for modern social and humanitarian knowledge this “classical” definition looks an anachronism. The *Encyclopaedia Britannica*, defines race as the idea of dividing the human species into separate groups, based on inherited physical and behavioral differences, and specifies that in the modern world, races are viewed as “cultural interventions reflecting specific attitudes and beliefs that were imposed on different populations in the wake of western European conquests beginning in the 15th century” [Takezawa, Smedley, & Wade 2000] How does this change in the concept of race happen, from a material phenomenon to an idea?

Although the differentiation of people by skin color arose already in antiquity (for example, in the story about the descendants of Shem, Ham and Japheth), the first racial classifications were developed only in modern times in the works of C. Linnaeus, G.-L. Buffon, J. Blumenbach, and others. Buffon was the first to introduce the term “race” into the language of science [Jackson & Weidman 2005, 18].

A philosophical understanding of the problem of race was given by I. Kant and G. Hegel, and the latter considers racial differences as defined “the differences of the universal natural spirit determined by the Notion,” which later “falls apart into the multiplicity of local or national spirits,” therefore, “national difference is as unchangeable as the racial variety of men” [Hegel 1978, 65, 67]. The study of the specifics of these differences, from the point of view of the German philosopher, should be performed in natural history, which “is concerned with the disposition of national character as it is naturally determined” [Hegel 1978, 67], and the philosophy of history, which considers the world-historical significance of nations, while the study of races should be reserved to physiology. Hegel prefaces his reasoning about the specifics of races and nations with an explanation that “the freedom and supremacy of men can however derive neither justification nor invalidation from descent” [Hegel 1978, 45]. This is an important point that clears the German philosopher of any suspicions of racism that might arise from a cursory study of some of his radical quotations.

In the second half of the 19th and early 20th century, the racial theory gained popularity, and there emerged the so-called racial-anthropological school represented by the names of J.-A. de Gobineau, G. Vacher de Lapouge, L. Woltmann, and others. The adherents of the school use race as a fundamental category for constructing sociological concepts and explaining inequality of people by natural features, and often lean towards polygenism, which denies the common origin of mankind and considers races as separate species. This school, which was sharply criticized and was labeled pseudoscientific, is an example of how racism uses the category of race as a natural foundation for declaration of social inequality and how it builds the racial hierarchy that it needs for self-justification.

Closer to the turn of the 21st century, the concept of race began to be used with caution. As É. Balibar writes, “it is not ‘race’ which is a biological or psychological human ‘memory,’ but it is racism which represents one of the most insistent forms of the historical memory of modern societies” [Balibar 1991, 44–45]. A similar idea is expressed by J. Derrida, claiming that it is racism that constructs the concept of race. In particular, he says: “Usually we think that racism is a concept which is formed, is shaped after the word or the concept of race. First, you know what ‘race’ is, but racism is a way of dealing with race, that is inventing or calculating a hierarchy... In fact, it is the other way round. We know that the concept of race has no scientific or philosophical content. So, it is racism that constructs or produces the concept of race” [Derrida 2003]. In this context, any racial taxonomy is a means for establishing the dominance of the corresponding reference group. Racial differences are emphasized and exaggerated in favor of the group that engages in racial classification [Sarich & Miele 2019]. Therefore, the nature of such classifications is inherently infected with racism.

The stated point of view coincides with the tendency to reject the use of the concept of race in modern natural science. As researchers M. Yudell, D. Roberts, R. DeSalle, and S. Tishkoff write, in scientific research it is not necessary to operate with the concept of biological race because it is “problematic at best and harmful at worst” [Yudell et al. 2016, 565]. In 2019, the American Bioanthropological Association (AABA) adopts the Declaration on Race and Racism, which states that “race does not provide an accurate representation of human biological variation” [AABA 2019]. In other words, as historian B. Isaak writes, “race does not exist, racism does” [Isaak 2006, 33]. As an alternative to the concept of race in social studies, it is proposed to use the terms “population,” “ancestry” or “racialised group” [Hochman 2019; Hochman 2021].

The idea of race in social and political practices

The vagueness of the concept of race is associated with its ambivalent interpretations. Firstly, the concept of race is interpreted both as a set of biological parameters and a social construct.

Secondly, there are many varying racial classifications. For example, in Soviet anthropology, the classifications of Ya.Ya. Roginsky and M.G. Levin, N.N. Cheboksarov, V.P. Alekseev, and others. As a rule, their emphasis was placed on “large” racial groups or trunks (conditional division into Caucasians, Negroids, Mongoloids, and Australoids), which included an extensive system of small racial groups, and they differed mainly biologically (phenotypically). A similar principle was used by European and American anthropologists until the last third of the 20th century.

Thirdly, the above classifications poorly correlate with the actual everyday and political implications of the idea of race. So, in fact, none of the scientific classifications clearly provided a clear definition of the white race or the black one. Historically, in different periods, Europeans ranked not only themselves as the white race but also Arabs, Berbers, and Hindus; at the same time, in the 16th and 17th centuries, the name “Moors” was used in relation to the Arabs, which included all black-skinned people. Opposition of white and black races was founded in the Early Modern Times in North America, in connection with the legislative status of slave labor for African immigrants, when white skin turned into a privilege giving the right to citizenship. Due to mass immigration to the United States in the 19th century, the racial divide was tightened, and until 1924, Slavs, Italians, and a number of other immigrants from Europe were not considered “full-fledged whites” [Shnirelman 2011]. For a long time, the white race in the United States was a homogeneous ethnic social group, and the entry rights had to be won. However, as R. Dyer emphasizes, this right meant belonging not so much to one specific race as to the human race as such: representatives of other races were representatives of other races, only whites were people as such [Dyer 2017]. Therefore, the racial question in the North American tradition until now has been connected with the “color issue.”

In the United States, blackness was determined not only by the skin color; children of mixed marriages were automatically classified as blacks, according to the “one drop rule”: if you are half black, then you are black. (Modern view gives an interesting inversion of this rule: the slightest presence of “white discourse,” for example, in schools, means supporting “white supremacy” [Blaisdell 2018].) At present, in connection with the tendency to abandon the use of the category of race in natural science discourse and the shift in emphasis to its social aspect, the issues of racial self-identification are coming to the fore. Race is characterized as a reference to identity. However, if most representa-

tives of the white race in the United States identify themselves with any ethnic group (English, German, etc.), then most of the so-called mixed racials (e.g., mulattos) identify themselves as blacks: “and when asked to explain these black identities, they describe how both blacks and whites see them as black” [Khanna 2010, 96].

In its turn, the French National Consultative Commission on Human Rights (CNCDH) publishes annual reports reflecting the levels of racism, anti-Semitism, and xenophobia in the country, based on the results of social survey. The 2020 report noted that less than 7% of respondents agree with a hierarchy of races, 59% believe that all races are equal, and 34% answered that human races do not exist at all. The summary clarifies that although “many millennials and especially members of previous generations continue to think that all human races are equal (and this is a position that refutes the principles of biological racism), but there is the fact that they do not choose the answer [among the proposed options] that denies the very existence of races, and this should cause some concern” [CNCDH 2020]. In the modern world, the very belief in the existence of race as a material phenomenon is a sign of racism.

Thus, the idea of race, rejected in today's scientific discourse, in socio-political practices acts as a foundation for substantiating differentiation, characterized by absolutization of sociocultural differences. Race persists in social and humanitarian discourse as a social construct and correlates with ethnic or cultural affiliation, around which the neo-racism builds a wall of insurmountable contradictions. But what is this modern type of racism? How does it differ from the preceding types?

The issue of conceptualizing racism and its typology

In reference literature, definitions of the term “racism,” as a rule, boil down to ideas of discrimination practices against members of a particular social group, on racial or ethnic grounds. G. Fredrickson, a highly-regarded researcher on racial issues, wrote: “The term ‘racism’ is often used in a loose and unreflective way to describe the hostile or negative feelings of one ethnic group or ‘people’ toward another and the actions resulting from such attitudes” [Fredrickson 2015, 1]. In the *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, racism is defined as “a taken-for-granted belief system which posits that some racial groups are naturally superior to or more deserving of material and symbolic resources than other groups” [Clair & Denis 2015]. The Russian *New Philosophical Encyclopedia* offers a broader definition, where racism appears as “a doctrine and political and ideological practice, proceeding from the idea that the human race is not united, but consists of species fundamentally different from each other, usually hierarchically subordinate to each other” [Malakhov 2010, 415].

This definition seems to be the most successful, at least because it does not deal with the category of *race* and therefore avoids bias toward biologization of racism, while remaining suitable for describing its modern “non-biological” forms.

The racial issue becomes an object of natural scientific and philosophical attention only in the second half of the 17th and in early 18th century: it was during this period that supremacy of the white race over the black one was affirmed in North America. By the beginning of the 20th centuries, the first historical type of racism – traditional racism – took shape. In this form, the foundation is the idea of the insurmountable biological differences between representatives of different races, and it can also be designated as classical or biological racism. It exists in different forms: from pseudoscientific (racial-anthropological school, Nazi racial theory of H. Günther, etc.) to colonialist ones. Most forms of traditional racism were eliminated by the last third of the 20th century, but nowadays its echoes can be found in pseudoscientific raceology [Mondry 2016].

Modern racism (neo-racism) differs from traditional racism both phenomenologically and conceptually. Whereas the “old” racism characterizes the racial phenotype and other biological determinants as a basis for substantiating the ideology of natural inequality, modern racism extends primarily to the spheres of culture and economy. Neo-racism is difficult to conceptualize: it is often understood as xenophobia, ethnocentrism, nationalism, and various manifestations of social intolerance. In general, the “new” type shows in two main forms: class racism (denoted as economic or institutional) and cultural racism, called differentialist or symbolic racism or cultural fundamentalism [Weidinger 2017; Stolcke 2021].

The emergence of class racism falls on the 1970s and is associated with the socio-economic and political situation of the late modern era, primarily with the flows of immigrants and labor migrants to economically prosperous countries. This type of racism presupposes discrimination against ethnic groups, to whom employers would provide jobs for less pay. Thus, a new labor market was formed in the countries of the “first” and “second” worlds.

Class-based stratification was enhanced with ethnic stratification (“Chinese laundries” in the USA, etc.). This fueled racist sentiments among white working class (the so-called “class anxiety”), fears of increased competition due to the influx of migrants. Institutional racism, described by S. Carmichael and C. Hamilton in the realities of the United States, is an implicit, latent form of racism that is a legacy of social practices of segregation: for example, “black” areas of American cities with a low level of school education automatically meant low-paying jobs for their inhabitants in the future

[Ture & Hamilton 1992]. Thus, with the declared policy of multiculturalism, an internal discourse of social confrontation was built, due to economic reasons. This type of racism, sometimes also referred to as “hegemonic,” is characteristic of today’s United States, along with the declared ideology of “color-blindness” [Bonilla-Silva 2019].

The term “cultural racism” was first used by F. Fanon: if “old” racism tended toward rationalization, individualization, and phenotypic determinism, the “new” type of racism is addressed not to the individual, but to “a certain form of existing,” which means cultural values, lifestyle, language, and other phenomena that mark cultural differences [Fanon 1967, 32].

The emergence of cultural, or differentialist, racism is associated with migration processes of the era of globalization: it arises when the policy of multiculturalism collides with everyday xenophobia. This type of racism develops at the junction of biological, cultural, and political issues, and it declares insurmountable differences between representatives of “our” and “alien” social groups, then a more politically correct “culture” acts as a marker of differences instead of race. In a report made by the French National Consultative Commission on Human Rights, this “new” type of racism is labeled *deguize* (“subtle”), which exaggerates cultural differences between your own and “another” group and suppresses positive emotions towards representatives of the other group [CNCDDH 2020]. The concept of race is no longer required for this type of racism; the role of race is replaced with cultural affiliation. Therefore, this type of racism is also qualified as cultural fundamentalism: if appealing to racial differences is no longer acceptable and immediately regarded as racist, then problems in intercultural communication can be explained by the incapacity of cultures to communicate that is inherent in human nature [Stolcke 2021]. However, some authors tend to view cultural fundamentalism as an independent phenomenon, distinct from racism [Siebers & Dennissen 2015].

The specificity of cultural racism is based on the assignment of the right to label the Other as failing to meet the criteria of normativity. The Other in this case acts as a product of absolutization of cultural contradictions, as reification of difference. The problem lies not even in the fact that the logic of cultural racism builds a connection between the binary oppositions of friend and foe and of norm and anomaly, in which “my own” appears as a norm, and “another’s” as an anomaly, but in the idea that social differentiation always exists in the form of rivalry and confrontation.

Conclusion

Turning to philosophical and scientific research on race issues and racism brings out a historical connection between these phe-

nomena. In the works of anthropologists from the 17th century to the mid-20th century, race was qualified as a biological phenomenon, a subcategory of the human species. This interpretation can be considered as the basis for the formation of the first historical type of racism – biological (or traditional). However, the modern approach indicates a feedback: it was the emergence of the racist discourse that contributed to the substantiation of the biological foundation of the racial idea.

In recent years, genetics and bioanthropology have rejected the use of the term “race” and racial classifications, due to their variability and lack of precision. The concept of race remains active in social sciences and humanities, which interpret race as a social construct and indicate that speculation on the idea of racial differences inevitably becomes a foundation for the development of racism.

The increasing migration processes in the era of globalization have contributed to the formation of “new” types of racism: class (institutional) racism, associated with uneven distribution of economic benefits between different ethnic groups, and cultural racism. The latter type shifts the emphasis from race to ethnic and cultural affiliation, essentializing and actually biologizing it. Thus, neo-racism, whose essence lies in the absolutization of cultural differences between representatives of ethnocultural groups, gradually loses its connection with the referent concept of race and, due to this, the cultural difference turns out to be a more stable phenomenon than race as such.

REFERENCES

American Association of Biological Anthropologists (AABA) (2019) *Statement on Race & Racism*. Retrieved from <https://physanth.org/about/position-statements/aapa-statement-race-and-racism-2019/>.

Balibar E. (1991) Racism and Nationalism. In: Balibar E. & Wallerstein I. *Race, Nation, Class: Ambiguous Identities* (pp. 37–68). London: Verso.

Blaisdell B. (2018) The new one-drop rule: challenging the persistence of white supremacy with in-service teachers. *Teaching Education*. Vol. 29, no. 4, pp. 330–342.

Bonilla-Silva E. (2019) “Racists,” “Class Anxieties,” Hegemonic Racism, and Democracy in Trump’s America. *Social Currents*. Vol. 6, no. 1, pp. 14–31.

Commission nationale consultative des droits de l’homme (CNCDH) (2020) *Rapport sur la lutte contre le racisme, l’antisemitisme et la xenophobie. Année 2020*. Retrieved from https://www.cncdh.fr/sites/default/files/rapport_racisme2020_basse_def.pdf

Derrida J. (2003) *iRACEs: Race, Deconstruction, and Critical Theory*. In: University of California Humanities Research Institute. Retrieved from <https://uchri.org/events/traces-race-deconstruction-and-critical-theory/>

Dyer R. (2017) *White*. London: Routledge.

Fanon F. (1967) *Toward the African Revolution: Political Essays* (H. Chevalier, Trans.). New York: Groove Press.

Gubsky E.F. (Ed.) (1997) *Philosophical Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Infra-M (in Russian).

Hegel G.W.F. (1978) *Hegel's Philosophy of Subjective Spirit. Vol. 2: Anthropology* (M.J. Petry, Ed. & Trans.). Dordrecht: D. Reidel.

Hochman A. (2019) Race and Reference. *Biology and Philosophy*. Vol. 34, no. 32, pp. 1–22.

Hochman A. (2021) Janus-Faced Race: Is Race biological, Social, or Mythical? *American Journal of Physical Anthropology*. Vol. 175, no. 2, pp. 453–464.

Isaak B. (2006) *The Invention of Racism in Classical Antiquity*. Princeton: Princeton University Press.

Jackson J.P. & Weidman N.M. (2005) *Race, Racism, and Science: Social Impact and Interaction*. New Brunswick: Rutgers University Press.

Khanna N. (2010) “If You’re Half Black, You’re Just Black”: Reflected Appraisals and the Persistence of the One-Drop Rule. *The Sociological Quarterly*. Vol. 51, no. 1, pp. 96–121.

Malakhov V.S. (2010) Racism. In: Stepin V.S. (Ed.) *New Philosophical Encyclopedia* (Vol. 3, pp. 415–416). Moscow: Mysl’ (in Russian).

Mondry H. (2016) Censorship and Intellectual Freedom: Reflections 30 Years After Chernobyl and Glasnost (1986–2016). *Continental Thought & Theory*. Vol. 1, no. 1, pp. 7–17.

Sarich V. & Miele F. (2019) *Race. The Reality of Human Differences*. New York: Routledge.

Shnirelman V.A. (2011) *The “Threshold of Tolerance”: Ideology and Practice of New Racism* (Vol. 1). Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye (in Russian).

Siebers HD. & Dennissen M.H.J. (2015) Is It Cultural Racism? Discursive Exclusion and Oppression of Migrants in the Netherlands. *Current Sociology*. Vol. 63, no. 3, pp. 470–489.

Stolcke V. (2021) Talking Culture: New Boundaries, New Rhetorics of Exclusion in Europe. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. Vol. 11, no. 1, pp. 221–239.

Takezawa Y.I., Smedley A., & Wade P. (2000) Race (human). In: *Encyclopedia Britannica*. Retrieved from <https://www.britannica.com/topic/race-human>

Ture K. & Hamilton C.V. (1992) *Black Power. The Politics of liberation in America*. New York: Vintage books.

Weidinger B. (2017) Equal before God, and God Alone: Cultural Fundamentalism, (Anti-)Egalitarianism, and Christian Rhetoric in Nativist Discourse from Austria and the United States. *Journal of Austrian-American History*. Vol. 1, no. 1, pp. 40–68.

Yudell M., Roberts D., DeSalle R., & Tishkoff S. (2016) Taking Race out of Human Genetics. *Science Magazine*. Vol. 351, no. 6273, pp. 564–565.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение к размышлению

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-151-159

Издательские проекты

Publishing projects

Книжные издания к 100-летию Белорусского государственного университета

М.Ф. Шумейко

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Аннотация

В статье проведен обзор вышедших в Республике Беларусь к 100-летию Белорусского государственного университета (четырёх книжных изданий, подготовленных в форме очерков сотрудниками нескольких факультетов (исторического, международных отношений, механико-математического) и Фундаментальной библиотеки. Наибольшее внимание уделено двум авторским работам. В целом рецензируемые юбилейные издания дают всестороннее представление об истории университета, о его структуре в различные годы деятельности, современном состоянии, кадровом потенциале. Установлено, что издания опираются на богатый источниковый материал. В этом аспекте особенно значима работа под названием «Неизвестный В.И. Пичета», которая знакомит читателя с ранее не издававшейся монографией «Обзор деятельности 1-го Западного комитета» первого ректора БГУ, выдающегося историка, академика АН СССР и АН БССР В.И. Пичеты. Рукопись монографии хранится в личном фонде ученого, в архиве РАН. Автор статьи отмечает, что данная книга, дополненная несколькими десятками писем Владимира Ивановича и адресованных Пичете писем, полученных от двадцати коллег, учеников и относящихся в основном ко времени ее подготовки ученым, вызовет большой интерес у научного сообщества Беларуси, России, других стран. В рецензии кратко проанализированы структура и содержание книги, вышедшей в 2019 году, к 130-летию университетского философа, проректора и декана С.З. Каценбогена. Сделан вывод о том, что все издания не только разнообразно воплощают в себе уникальность юбилея первого университета Беларуси, но с учетом своей научной составляющей

способствуют углублению изучения истории развития белорусской науки и культуры XX – начала XXI века.

Ключевые слова: история БГУ, история науки, интеллектуальная история, историческая память, философская литература, архивные исследования.

Шумейко Михаил Федорович – кандидат исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета.

jesti@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5852-6310>

Для цитирования: *Шумейко М.Ф.* Книжные издания к 100-летию Белорусского государственного университета // *Философские науки*. 2021. Т. 64. № 5. С. 151–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-151-159

Book Projects on the 100th Anniversary of Belarusian State University

M.F. Shumeyko

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract

The article provides an overview of the books published in the Republic of Belarus for the 100th anniversary of the Belarusian State University. Four books prepared in the form of essays by faculty members of several departments (history, international relations, mechanics, and mathematics) and the Fundamental Library. The greatest attention is paid to two such works. Peer-reviewed jubilee editions give a comprehensive idea of the history of the university, its structure in different years, the current state, and faculty potential. It has been established that the editions are based on rich source material. In this aspect, the work titled *Unknown V.I. Picheta* is especially significant, as it acquaints the reader with a previously unpublished book *Review of the Activities of the First Western Committee* by the first rector of the Belarusian State University, an outstanding historian, academician of the USSR Academy of Sciences and the BSSR Academy of Sciences V.I. Picheta. The article point out that this book, supplemented with several dozen letters from Picheta's correspondence with twenty colleagues, students (mainly from the time of the book's composition), will arouse great interest in the scientific community of Belarus, Russia, and other countries. The review briefly analyzes the structure and content of the book, published in 2019, for the 130th anniversary of the university philosopher, vice-rector and dean S.Z. Katzenbogen. It is concluded that all publications do not only

celebrate the anniversary of the first university in Belarus but also, taking into account their scientific component, contribute to the deepening of the study of the history of the development of Belarusian science and culture of the 20th and early 21st centuries.

Key words: history of BSU, history of science, intellectual history, historical memory, philosophical literature, archival research.

Mikhail F. Shumeyko – Ph.D. in History, Professor, Department of Source Study, Faculty of History, Belarusian State University

jesti@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5852-6310>

For citation: Shumeyko M.F. (2021) Book Projects on the 100th Anniversary of Belarusian State University. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 64, no. 5, pp. 151–159.

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-151-159

Центральное место в готовящемся к 100-летию Белорусского государственного университета цикле книжных изданий занимает серия «Белорусский государственный университет: 100 лет на благо Отечества». Это сборник очерков в пяти выпусках под названием «Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования». В первом выпуске, увидевшем свет в 2017 году, представлены биографии 27 университетских интеллектуалов: отцов-основателей университета, чья научно-организаторская деятельность пришлась преимущественно на довоенный период (1919–1941). Они по праву считаются не только создателями важнейших направлений фундаментальных и прикладных исследований в области естественно-научных и гуманитарных знаний в Беларуси, но и творцами новой для республики университетской сферы.

Приведем фрагмент из открывающего выпуск предисловия прежнего ректора БГУ, академика Национальной академии наук Беларуси С.В. Абламейко: «Белорусский государственный университет стоит на пороге 100-летнего юбилея. Все эти годы он являлся флагманом высшего образования Беларуси, научным и культурным центром республики. БГУ во многом определяет национальный облик суверенной Беларуси и представляет ее в мировом образовательном и научном пространстве... Вся столетняя история вуза – путь развития науки и высшего образования Беларуси. Из числа выпускников университета сформировалась

первая плеяда научно-технической белорусской интеллигенции, учительства, работников народного хозяйства, здравоохранения, культуры и средств массовой информации, органов государственного управления» [Интеллектуальная элита Беларуси... 2017]. Одно из направлений повествования очерков указанной серии – рассказ о деятельности самых известных в Беларуси и мире представителей БГУ. Среди них – ученые и педагоги, которых справедливо считают «маяками» в науке и системе высшего образования.

В 2019 году вышла вторая книга, на страницах которой размещены жизненные и творческие биографии 28 ученых в различных областях знаний, работавших в университете в довоенный и послевоенный периоды (1919–1961). В «Обращении к читателю» ректора БГУ, профессора А.Д. Короля сделан акцент на важности сохранения памяти о них, создававших настоящий современный университет и формировавших элиту страны.

В изданной в 2020 году третьей книге читатель знакомится с очерками о 23 выдающихся ученых, профессорах и преподавателях первого университета Беларуси, которые в 1921–1981 годах не только оказывали бесценную помощь в подготовке тысяч специалистов для ведущих областей народного хозяйства БССР и Советского Союза в целом, но своими знаниями укрепляли экономическую, оборонную, интеллектуальную мощь страны. В четвертом и пятом выпусках, увидевших свет в юбилейном, 2021 году, опубликованы 55 очерков о профессорах и преподавателях университета, многие из которых были современниками авторов этих очерков (1919–2001, 1919–2021). Авторами всех пяти книг являются профессора, доценты, преподаватели и даже аспиранты преимущественно исторического факультета БГУ. В книгах немало очерков посвящено плеяде философов и социологов, психологов и психиатров БГУ. Их имена известны и в России, и за ее пределами: С.З. Каценбоген, В.Н. Ивановский, С.Я. Вольфсон, Б.Э. Быховский, С.М. Василейский, А.К. Ленц, А.Н. Елсуков, В.С. Степин, Г.П. Давидюк.

Работая над очерками, авторы во многом опирались на подготовленные их коллегами, сотрудниками истфака БГУ, документальные сборники об истории университета и о его первом ректоре, изданные в рамках серии «Память и слава» [Памяць і слава... 2005; Памяць і слава... 2006; Памяць і слава... 2009; Памяць і слава... 2011]. Наряду с этим обращались и к оригина-

нальным источникам, хранящимся в государственных архивных, музейных, библиотечных учреждениях Беларуси, России, Литвы, Украины. Авторами также выявлена и введена в научный оборот в значительном объеме ценная информация, в том числе визуальная, хранящаяся и в частных собраниях родственников героев очерков, коллекционеров. Стараясь следовать научно-популярному характеру издания, авторы сознательно отказались от сопровождения текстов научно-справочным аппаратом, но при этом опирались на источники, подвергая их строгому критическому анализу. За пять лет напряженного труда нескольких десятков авторов читатель получил в свое распоряжение свыше 130 очерков о выдающихся ученых самых различных направлений научных знаний, в разное время работавших в университете.

Тем самым становится очевидным, что данное издание, вышедшее под научной редакцией заведующего кафедрой истории России истфака БГУ, профессора О.А. Яновского (одновременно и автора двух десятков очерков), во многом носит характер первоисточника, который будет востребован исследователями, изучающими историю становления и развития высшей школы в Беларуси. По мнению участников реализации этого проекта, он может расцениваться как начало масштабной работы по сохранению исторической памяти, исследованию многовекторности деятельности и значимости ее результатов в рамках университета в целом и применительно к определенным личностям – незаурядным специалистам, ученым, педагогам.

Издание «Интеллектуальная элита Беларуси» способствовало появлению и других книг юбилейного характера, дополняющих и расширяющих информационный потенциал, которым наполнены тома названного «пятикнижия». Так, автором размещенного в первом выпуске очерка о заместителе первого ректора БГУ, пионере социологии в Беларуси, профессоре С.З. Каценбогене, доцентом истфака БГУ А.Н. Максимчиком, подготовлена книга «Память и слава: Соломон Захарович Каценбоген. К 130-летию со дня рождения» [Память и слава... 2019], увидевшая свет в 2019 году и содержащая ранее неопубликованные материалы, которые знакомят с жизнью и деятельностью ученого, его научным и педагогическим наследием. Автор-составитель, используя возможности книжной формы, ввел в оборот значительный корпус источников, хранящихся в российских и белорусских государственных архивах, музеях и библиотеках, а также в личном архиве

внуков ученого. В предисловии к изданию он писал: «Во многом книга о Соломоне Захаровиче стала возможна после того, как в 2016 году в БГУ создан временный творческий коллектив, задачей которого является подготовка и написание серии материалов о наиболее знаковых и ярких ученых и преподавателях университета (серия “Белорусский государственный университет. 100 лет на благо Отечества”))» [Память и слава... 2019].

Очерки о выдающихся математиках БГУ из «Интеллектуальной элиты Беларуси» можно найти и в работе «Математика и математики БГУ и Беларуси: 100 лет развития» бывшего ректора БГУ, академика НАН Беларуси С.В. Абламейко и его коллеги, профессора М.А. Журавкова [Абламейко, Журавков 2021]. В предисловии к книге авторы отмечают: «Неоценимую помощь в подготовке издания оказали коллеги с механико-математического факультета и факультета прикладной математики и информатики БГУ. Кроме того, мы использовали материалы коллег с исторического факультета БГУ» [Абламейко, Журавков 2021, 4]. В ее первых трех главах приведены биографии выдающихся ученых, «взятые из проверенных источников, книг, статей».

На очерк о И.Б. Симановском, одном из первых директоров Фундаментальной библиотеки БГУ, вошедший в четвертую книгу «Интеллектуальной элиты Беларуси», опираются в определенной степени и составители изданной в текущем году книги «Фундаментальная библиотека БГУ: 100 лет на службе университетского образования» [Фундаментальная библиотека... 2021]. Библиотека, созданная одновременно с университетом, впоследствии стала основой учрежденных в республике Государственной библиотеки и Библиографического бюро (ныне Национальная библиотека Беларуси и Национальная книжная палата соответственно). В книге представлены главные этапы становления и развития одной из крупнейших библиотек Беларуси, дана фактическая информация о ее структуре, руководителях, современном состоянии; публикуются воспоминания сотрудников.

К юбилею БГУ одним из его самых молодых структурных подразделений – факультетом международных отношений, созданным в 1995 году, после провозглашения суверенной Республики Беларусь, подготовлена коллективная монография «Даследаванне міжнародных адносін і развіццё замежных сувязей у Беларускім дзяржаўным універсітэце: 1921–2021 гг.» («Исследование международных отношений и развитие зарубежных связей

в Белорусском государственном университете: 1921–2021 гг.)). [Исследование международных отношений... 2021]. Авторский коллектив (в его состав входят первый декан факультета, профессор А.В. Шарапо; профессор кафедры международных отношений В.Е. Снапковский и др.), который возглавляет заведующий кафедрой таможенного дела, профессор В.А. Острога, опираясь на широкий круг источников, всесторонне исследует развитие международных связей в БГУ, с момента его создания и до современности, анализирует исследования международных отношений, которые сегодня проводят сотрудники университета.

В цикле юбилейных изданий почетное место по праву отведено первому ректору БГУ, выдающемуся историку, академику АН Беларуси и АН СССР В.И. Пичете. До своего назначения на должность руководителя первого государственного университета Беларуси он был профессором Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Учитывая данное обстоятельство, сотрудники кафедры истории России и кафедры источниковедения истфака БГУ постоянно поддерживали, продолжают поддерживать тесные деловые контакты с коллегами из МГУ, а также из архива РАН, где хранится личный архивный фонд В.И. Пичеты.

В соответствии с заключенным в начале 2021 года договором между БГУ и архивом РАН последним предоставлены в распоряжение университета цифровые копии неопубликованной работы В.И. Пичеты под названием «Обзор деятельности 1-го Западного комитета» конца 1920-х годов и его переписки, в основном с коллегами из БГУ. В результате подготовлена книга «Неизвестный В. И. Пичета» [Неизвестный В.И. Пичета... 2021], первая часть которой представляет собой указанный выше научный труд ученого, а вторая – фрагменты его эпистолярного наследия.

Как монография ученого, так и его переписка сопровождаются составительскими предисловиями, комментариями, аннотированным именованным указателем к первой части книги. Данная книга может рассматриваться не только как логическое продолжение изданного в 2011 году документального сборника о первом ректоре БГУ, открывающего первый выпуск «Интеллектуальной элиты Беларуси» очерка о В.И. Пичете, но и как задел для подготовки совместно с коллегами из МГУ имени М.В. Ломоносова, Института славяноведения РАН, архива РАН монографии о выдающемся историке и организаторе высшего образования в Беларуси.

Завершая краткий обзор юбилейных изданий, укажем на носящее комплексный характер коллективное исследование, посвященное 100-летию БГУ. Речь идет о книге «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт: нарысы гісторыі і сучасны стан» («Белорусский государственный университет: очерки истории и современное положение») [Яновский 2021].

Очерки написаны представителями факультетов, научно-исследовательских и образовательных институтов, кафедр, других учреждений развернутой структуры – комплекса БГУ. К ним относятся 16 факультетов, шесть научно-исследовательских учреждений, десять учреждений образования, две общеуниверситетские кафедры, шесть предприятий, несколько иных своеобразных институций, среди которых особое место занимает Фундаментальная библиотека. 37 очерков дают возможность представить разносторонние направления деятельности БГУ на протяжении его столетней истории.

Таким образом, можно утверждать, что знаменательный юбилей – 100-летие первого и ведущего государственного университета Беларуси, одного из самых «рейтинговых» в мировой университетской корпорации, – предопределил существенное пополнение источниковой и историографической базы, значимой не только для осмысления вековой истории БГУ, но и для изучения истории развития науки и культуры Беларуси XX – начала XXI века.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абламейко, Журавков 2021 – *Абламейко С.В., Журавков М.А.* Математика и математики БГУ и Беларуси: 100 лет развития. – Минск: БГУ, 2021.

Интеллектуальная элита... 2017 – Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941) / под ред. С.В. Абламейко. – Минск: БГУ, 2017.

Исследование международных отношений... 2021 – Даследаванне міжнародных адносін і развіццё замежных сувязей у Беларускім дзяржаўным універсітэце: 1921–2021 гг. / под ред. А.В. Шарапы. – Минск: РИВШ, 2021.

Неизвестный В.И. Пичета... 2021 – Неизвестный В.И. Пичета / сост. М.Ф. Шумейко, В.В. Яновской, О.Я. Яновского. – Минск: БГУ, 2021.

Память и слава... 2019 – Память и слава: Соломон Захарович Каценбоген. К 130-летию со дня рождения / под ред. А.Г. Кохановского, О.А. Яновского, А.Н. Данилова; сост. Максимчик А.Н. – Минск: БГУ, 2019.

Памяць і слава... 2005 – Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт у гады Вялікай Айчыннай вайны. 1941–1945 / сост. С.А. Балашэнка. – Мінск: БДУ, 2005.

Памяць і слава... 2006 – Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921–1941 / сост. Ходзін С.М., Шумейка М.Ф., Яноўскі А.А. – Мінск: БДУ, 2006.

Памяць і слава... 2009 – Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1945–1961 / сост. Ходзін С.М., Шумейка М.Ф., Яноўскі А.А. – Мінск: БДУ, 2009.

Памяць і слава... 2011 – Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта – Уладзімір Іванавіч Пічэта / сост. С.М. Ходзін, М.Ф. Шумейка, А.А. Яноўскі. – Мінск: БДУ, 2011.

Фундаментальная библиотека... 2021 – Фундаментальная библиотека БГУ: 100 лет на службе университетского образования / под ред. В.Г. Кулаженко, А.В. Бутиной, Е.С. Ровдо. – Минск: БГУ, 2021.

Яновский 2021 – Яновский О.А. Белорусский государственный университет: очерки истории и современное положение. – Мінск: БДУ, 2021.

REFERENCES

Ablameyko S.V. (Ed.) (2017) *The Intellectual Elite of Belarus. The Founders of Belarusian Science and Higher Education (1919–1941)*. Minsk: BSU (in Russian).

Ablameyko S.V. & Zhuravkov M.A. (2021) *Mathematics and Mathematicians of BSU and Belarus: 100 Years of Development*. Minsk: BSU (in Russian).

Balashenka S.A. (Comp.) (2005) *Memory and Glory: Belarusian State University during the Great Patriotic War. 1941–1945*. Minsk: BSU (in Belarusian).

Khodzin S.M., Shumeyko M.F., & Yanovsky A.A (Comps.) (2006) *Memory and Glory: Belarusian State University during the Great Patriotic War. 1921–1941*. Minsk: BSU (in Belarusian).

Khodzin S.M., Shumeyko M.F., & Yanovsky A.A (Comps.) (2009) *Memory and Glory: Belarusian State University during the Great Patriotic War. 1945–1961*. Minsk: BSU (in Belarusian).

Khodzin S.M., Shumeyko M.F., & Yanovsky A.A (Comps.) (2011) *Memory and Glory: Belarusian State University during the Great Patriotic War – Uladzimir Ivanavich Picheta*. Minsk: BSU (in Belarusian).

Kulazhenko V.G., Butina A.V., & Rovdo E.S. (Comps.) (2021) *Fundamental Library of BSU: 100 Years in the Service of University Education*. Minsk: BSU (in Russian).

Kokhanovsky A.G., Yanovsky O.A., & Danilov A.N. (Eds.) (2019) *Memory and Glory: Solomon Zakharovich Katzenbogen. On the 130th Anniversary of His Birth*. Minsk: BSU (in Russian).

Sharapa A.V. (Ed.) (2021) *The Study of International Relations and the Development of Foreign Relations at the Belarusian State University: 1921–2021*. Minsk: RIVSh (in Belarusian).

Shumeyko M.F., Yanovskaya V.V., & Yanovsky O.A. (Eds.) (2021) *Unknown V.I. Picheta*. Minsk: BSU (in Russian).

Yanovsky O.A. (2021) *Belarusian State University: Essays on History and the Current Situation*. Minsk: BSU (in Belarusian).

Цели и задачи

«Философские науки» – ежемесячный рецензируемый научный журнал, публикующий статьи на русском и английском языках. Журнал был учрежден в 1958 г. как научное образовательное просветительское издание для системы отечественного образования. Статьи журнала посвящены как традиционным, классическим философским темам, так и актуальным проблемам современности и перспективам социокультурного и цивилизационного развития человечества.

Aims and Scope

Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki is a peer-reviewed monthly journal published in Russian and English languages. The journal was founded in 1958 as a scientific and educational periodical for the educational system. The papers of the journal are dedicated to classical problems of philosophy as well as to important issues of the modernity and prospects of sociocultural and civilizational development of humankind.

С условиями публикации материалов в журнале
и порядком рецензирования статей можно ознакомиться на сайте:
<https://www.phisci.info/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса Россия» – 45490

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77 – 15513 от 20 мая 2003 г.

Подписано в печать 25.05.2021 г. Формат 60х90/16. Печать цифровая.

Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в типографии Издательского дома «Гуманитарий».

E-mail: humanist@academyrh.info